

Appalachian

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

Институт археологии

АФРАСИАБ

**ВЫПУСК
II**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АН» УЗБЕКСКОЙ ССР

Ташкент 1973

902.6
А 94

Афрасиаб. Материалы Афрасиабской археолог. комплексной экспедиции. Сборник статей. Отв. ред.

Я. Г. Гулямов. Вып. 2. Т., «Фан», 1973.

(АН УзССР. Ин-т археологии).

Вып. 2. 1973. 235 с. с ил.

Аннотация.....

902.6

В сборнике обобщены результаты исследования городища Афрасиаб — древнего Самарканда, являвшегося на протяжении тысячелетий одним из важнейших экономических, политических и культурных центров Средней Азии. Материалы сборника посвящены истории изучения всемирно известного городища, результатам работ Афрасиабской археологической комплексной экспедиции и новым данным по истории культуры Самарканда и Средней Азии.

Книга рассчитана на историков, археологов, преподавателей истории высших учебных заведений и на широкий круг читателей, интересующихся вопросами истории и культуры Узбекистана.

Ответственный редактор
акад АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ

Издательство «Фан» УзССР, 1973 г.

0162—062
А 355 (06)—73 79—73

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБ
в 1970—1972 гг.

В 1970 г. Афрасиабская археологическая комплексная экспедиция сосредоточила основные научные силы на исследовании крупных объектов, являющихся архитектурно-планировочными узлами городской территории для различных этапов истории Самарканда.

В летне-осеннем полевом сезоне¹ в широких масштабах проводилось изучение северных районов шахристана, находившихся в пределах первой городской стены. Продолжались раскопки западных участков цитадели, выходящих к магистральной дороге. Здесь в верхних слоях вскрыты остатки дворцового комплекса караханидского времени с плохо сохранившейся настенной росписью. Раскопки показали, что подвергшийся разрушению, возможно, в период восстания горожан 1212 г. (в котором участвовал и караханидский правитель Самарканда Осман бин Ибрагим) против хорезмского гарнизона комплекс вновь ремонтируется на последнем этапе жизни города. При этом в закладку попали росписи стен дворца, а глазурованные кирпичики облицовки оказались включенными в укрепления южного и западного оборонительного фаса цитадели. Стены ее усиливаются путем наращивания снаружи рубашки из пахсы и крупного кирпича, иногда с деревянным каркасом, особенно при укреплении оснований башен.

¹ Результаты весенних работ 1970 г. освещены в статье Я. Г. Гулямова и Ю. Ф. Бурякова «Новые данные по истории древнего Самарканда», ОНУ, Ташкент, 1970, № 9, стр. 68—78.

Ценные материалы получены при раскопках соборной мечети шахристана домонгольского Самарканда². Выяснилось, что караханидская мечеть имела не четыре, а шесть входов — три с юга, два с севера и один с востока. Наиболее широкими были входы в южной стене. Так же как и на севере, они выходили на площадь, где вдоль стены мечети раскриты устои колоннады крытой галереи.

Предшествующие раскопки показали, что территория мечети не имела стабильных форм. Если саманидская мечеть была квадратной (79,6×79,6 м), то караханидская выросла до 79,6×119,1 м, т. е. увеличилась в полтора раза. В это же время в порталной части бывшей саманидской мечети пробили второй вход. Возле него расчищен завал облицовки стены саманидской мечети, вероятно, ее михрабной части, выполненной из резного ганча. Мотив орнамента в основном растительный и геометрический, резьба — одноплановая, но глубокая. Мотивы находят аналогии с декором саманидского дворца на юге шахристана.

Близ юго-западного края мечети расчищен третий вход, возле которого найдены детали большой железной поделки в форме крупного стержня с цепями для подвески. Возможно, это была люстра-подсвечник центрального здания караханидской мечети.

В северной стене, на ее западном фесе, также расчищен вход в мечеть. Возле него под внешней стеной найдены детали серебряного воинского пояса и золотая монета, находившаяся, вероятно, в истлевшем мешочке. Золотая монета оказалась динаром, чеканенным последним хорезмшахом Мухаммадом (1200—1220). Внутри мечети обнаружен железный панцирь.

К северу от мечети вскрыты остатки торгово-ремесленной площади с колоннадой, вероятно, больших айванов, а далее (вдоль северной стены) — в раскопе 31/XVII³ под жилыми домами XI—XII, VIII—IX вв. и VI—VII вв. н. э. расчищено помещение античного времени с крупным хранилищем — хумханой.

Значительно расширен раскоп у северных ворот шахристана, где была вскрыта древнейшая крепостная стена Самар-

² Раскопки проводили Ю. Ф. Буряков и М. Н. Федоров. Сооружения, примыкающие с запада, исследовал М. Садиев.

³ Раскопки вел У. Алимов.

канда, сложенная из продолговатого кирпича-сырца размером 47—49×25—26×8—10 см на пахсовом основании, датируемая серединой I тыс. до н. э.⁴

В верхних слоях расчищено сплетение магистральных дорог, проходивших сюда с запада (вдоль крепостной стены) и с юга — из центра шахристана. Как первая, так и вторая магистраль имеют несколько настилов, вымощенных рваным чупанатинским сланцем, а под ними плотные слои немощеных дорог более ранних этапов.

Вдоль северной дороги обнаружена крупная кирпичеобжигательная печь саманидского времени, здесь не сохранились следы ремесленного производства металлургов. Прослежено, что перепланировка сопровождалась спрямлением дорог, вымостка которых иногда перекрывает нижние слои более раннего периода.

В центральной, южной и западной частях города проведена расчистка главных уличных магистралей шахристана⁵, позволяющая уточнить местоположение западных ворот внутреннего города — ворота оказались южнее, чем было отмечено в плане В. Л. Вяткина⁶ и других исследователей. Одновременно было выяснено местоположение западных ворот во внешней стене шахристана, отмечавшихся исследователями в различных пунктах⁷. Установлено по подводившим к городу магистралям, что ворота более правильно указаны в плане В. Л. Вяткина. В центральной части шахристана проводились исследования квартала средневековых керамистов. Выяснено, что северные пределы квартала определялись границами отдельных хозяйств, сочетавших жилые, производственные и, в некоторых случаях, парадные помещения.

В целях изучения в широких масштабах ремесла раннефеодального Самарканда заложен большой раскоп в восточной части шахристана близ мазара Ходжи Данияра. Здесь

---

⁴ Г. В. Шишкина. Древнейшая оборонительная стена Самарканда, ОНУ, Ташкент, 1970, № 9, стр. 102—107.

⁵ Раскопки проводил Р. Равшанов.

⁶ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 3, рис. 1.

⁷ В. Л. Вяткин. Указ. соч., рис. 1; В. А. Шишкин. Афрасиаб, сокровищница древней культуры, Ташкент, Изд-во «ФАН», 1965.

А. И. Тереножкин (1947 г.)⁸ и Е. Б. Пругер (1960 г.)⁹ открыли следы гончарного производства. Остатки керамической мастерской А. И. Тереножкин датировал I в., а Е. Б. Пругер относил к VI—VII вв. н. э. Исследования 1970—1971 гг. показали, что на данной территории находились друг над другом две керамические мастерские, относящиеся к III—V и VI—VII вв., а по соседству находились медеплавильные мастерские V—VII вв. Между ними проходила улица, вымощенная рваным чупанатинским камнем.

Добытые материалы из керамических мастерских III—V вв. указывают на существование керамики двух типов: керамика высокого качества — ее обнаруживали и на других объектах Афрасиаба — и грубая, предназначенная явно для продажи в сельских районах.

Для выяснения структуры оборонительных сооружений пригорода был сделан разрез стены Девори Киёмат близ ее южных ворот. Стена оказалась монолитной, сложенной из единых крупных блоков, иногда с примесью мелкой гальки. Сопровождающий археологический материал отсутствовал¹⁰.

С 1971 г. раскопки городища продолжали сотрудники созданного в составе Института археологии АН УзССР сектора по изучению истории древнего Самарканда (Афрасиаба). Основные археологические работы были сосредоточены в центральной части шахристана, в районе парадных сооружений раннефеодального периода¹¹. Определены контуры дворцового комплекса VII — начала VIII в. К юго-востоку от него расчищены храмовые помещения, относящиеся к этому периоду, связанные с культом огня.

Завершено исследование лежащего на руинах дворцового комплекса многохозяйственного ремесленного квартала керамистов XI в., где производилась прекрасная глазурованная самаркандская керамика. Расчищено четырнадцать самостоятельных хозяйств керамистов с жилыми и производственными комплексами, в которых найдены запасы сырья, дробильные установки, полуфабрикаты, припас керамистов и отва-

---

⁸ А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиаб, КСИИМК, вып. XXXVI, М., 1951, стр. 136—140.

⁹ В. А. Шишкин. Кала и Афрасиаб, Сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 143.

¹⁰ Раскопки М. М. Тагеева.

¹¹ Раскопки Ш. С. Ташходжаева.

лы бракованной готовой продукции. Эти исследования дали богатейший материал для характеристики экономики города и определения социальной структуры производственных кварталов¹².

К югу от ремесленного квартала вдоль ташкентской дороги раскрыта кирпичеобжигательная печь, аналогичная горну, открытому в 1970 г. близ северных ворот шахристана. Печь эта прямоугольной формы, размером 7×6 м, двухъярусная с семью единообразными перекрытиями, поддерживавшими свод камеры. Нумизматические находки позволяют датировать ее XII — началом XIII в.

В восточной части шахристана возле мазара Ходжи Данияра был заложен стратиграфический раскоп с целью выяснения времени функционирования зафиксированного в разрезах оврагов протока, вдоль которого была найдена керамика, характерная для ранних этапов жизни города¹³. Раскопки данного участка¹⁴ выявили семь последовательно наслаивавшихся уровней дороги, уводившей от центра города к восточной стене и функционировавшей на протяжении более двух тысячелетий, вплоть до начала XIII в. н. э. Под ней раскрыто русло протока, судя по отложениям речного материала, подававшего воду на городище самотеком. Материалы из канала и вокруг него относятся к периоду Афрасиаб I и датируются серединой первого тысячелетия до н. э.

В северной части шахристана продолжены многолетние раскопки комплекса соборной мечети города¹⁵. Исследования были направлены на определение размеров хорезмшахской мечети. Выяснено, что Мухаммад-хорезмшах после подавления восстания самаркандцев 1212 г. не просто отремонтировал мечеть, сильно пострадавшую во время грабежа города его воинами, но и раздвинул ее на запад. Однако, так как там находились уже занятые участки, стены ее оказались неодинаковыми. Западный отрезок южной стены уперся в сооружение, определенное М. Е. Массоном как мавзолей караханида Ибрагима ибн Хусейна, умершего в начале XIII в.¹⁶ Таким обра-

¹² Раскопки Ш. Шарахимова.

¹³ См.: Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков. Указ. соч., стр. 69.

¹⁴ Раскопки Э. Ю. Буряковой.

¹⁵ Раскопки Ю. Ф. Бурякова и М. Садиева.

¹⁶ М. Е. Массон. Фрагменты надписи караханидского мавзолея с городища Афрасиаб, ЭВ, вып. XX, Л., 1971, стр. 77—84.

зом, мавзолеей оказался встроенным в юго-западный фас мечети, а северная стена расширилась до 137 м. Западная стена — пахсовая, толщиной от 2 до 2,5 м с подпором в северо-западном углу в виде контрфорса с деревянным каркасом из горизонтально положенных балок.

В центре фаса расчищена михрабная ниша шириной 3,5 и глубиной 1,45 м, сложенная из крупного сырцового кирпича размером 50×25×10 см. Возле нее найдены обломки резного ганчевого декора и облицовочные кирпичики с голубой глазурью.

С целью изучения стратиграфии наслоений южного рабада проводились раскопки на архитектурном памятнике XVIII в. — Чорсу, находящемся на площади Регистан¹⁷. В трех стратиграфических шурфах выявлены в верхних слоях наслоения XVIII — начала XIX в., связанные с отложениями уличных магистралей и торговых комплексов, архитектурно-строительные остатки, относящиеся к периоду возведения торгового купола. Ниже проходили не совпадающие с описанными уровни дорог XV—XVI вв. и остатки сооружений вдоль них, сложенные из жженого кирпича и датированные комплексами глазурованной керамики и монетами. Их подстилают слои XIII—XIV вв., содержащие археологический материал, но лишенные конструктивно-архитектурных деталей. Верхней границей этого слоя является кладка из медных монет Кепека. В самом нижнем слое (шурфы до материка не доведены) расчищены архитектурные остатки XI—XII вв.

В 1972 г. продолжалось исследование объектов, охватывающих все основные этапы истории домонгольского города. Наиболее широко изучалась центральная часть шахрстана, расположенного к северу от дворцового комплекса. Раскопки прошлых лет выявили жилое сооружение, принадлежавшее горожанину, с парадными, украшенными резным ганчем, и залами; исследователи относят его к саманидской эпохе¹⁸.

Археологические работы 1972 г. воспроизвели иную картину обживания данного района¹⁹. Выяснено, что жилой комплекс, датированный ранее IX—X вв., построен на каменной мостовой X в. Этот факт указывает на генеральную

¹⁷ Раскопки производили Э. Ю. Бурякова, Ю. Ф. Буряков, Ш. С. Ташходжаев.

¹⁸ И. А. Ахраров, Л. Н. Ремпель. Резной штук Афрасиба, Ташкент, 1971.

¹⁹ Раскопки проводил Ш. С. Ташходжаев.

перепланировку городища, когда даже пригодные для движения улицы отдавались под застройку. Материалы из соседних комнат, размеры кирпичей, устилавших пол, показывают, что здание было сооружено не ранее X в. Этот вывод подтверждают и нижние слои данной части городища, где последовательно обнаружены остатки зданий IX—X и VII—VIII вв. В нижнем здании VI в. был полностью открыт парадный зал (8,90×8,12 м), на стенах которого сохранились остатки монументальной живописи, рассказывающей об охоте на тигра, кабана, оленя на фоне высоких гор. Другой композиционный сюжет: гранатовый сад и гранаты на подносе; третья композиция посвящена плавающим пернатым. На другой стене изображены сцены из лесной жизни: тигры пожирают ягнят, а голуби спокойно наблюдают эту картину.

Живопись по стилю не выходит за рамки согдийской художественной школы, представленной великолепными росписями Пенджикента, Варахши и самого Афрасиаба, хотя относится к периоду ее становления. Рисунки обобщены и даны без лишней детализации, цвет яркий, сочный, без полутонов. Открытие монументальной живописи на новом участке и более раннего времени указывает на устойчивые традиции и широкую распространенность согдийского стиля в изобразительном искусстве того периода.

Другим объектом исследования стал дворец самаркандского правителя Вархумана (656—696 гг.)²⁰. Нам удалось уточнить планировку здания и связать его с городской площадью и крепостной стеной. Выяснилось, что дворец имел два периода обживания и несколько раз перестраивался, причем последняя перестройка датируется кладом из 115 монет Тархуна (700—710 гг.).

Раскопки показали, что коридор перед аудиенц-залом имел два пола: второй на 1 м выше первого. При этом коридор был разделен на две части поперечной стеной, которую воздвигли с уровня второго поля. Эту стенку снесли, а место стыка зачистили, что привело к уточнению времени ремонтных переделок. Основная стена коридора, являвшаяся и стеной зала, имела четыре слоя обмазки — она трижды покрывалась росписью. Здесь расчищен поздний бадраб с обильным

---

²⁰ Раскопки Ш. С. Ташходжаева.

материалом, среди которого следует упомянуть керамическую чашку и ляган, а также стеклянную баночку с гравированным геометрическим орнаментом. Посуда, украшенная таким орнаментом, считалась египетской. Окончательная гибель дворца относится к 70-м годам VIII в.

Раскопки проводились и в северной части шахристана на территории соборной мечети домонгольского Самарканда²¹.

Основная задача сезона: дальнейшее исследование хорезмшахского и караханидского слоя мечети. Кроме того, продолжено изучение стратиграфических наслоений и мечети как архитектурно-планировочного ядра северных районов шахристана. Основные работы были сосредоточены внутри мечети на снятии верхних слоев, связанных с последним периодом ее жизни и планировкой сооружений, оформлявших комплекс с запада.

Раскопки в северо-восточном секторе мечети охватывают площадь 720 м². Выявлены остатки баз колонн (в виде углубления и в одном случае — сырцового столба), проходившие вдоль северной и частично восточной стены мечети. К югу от них вскрыты три устоя колонн из жженого кирпича размером 80×68 см. Отдельные площадки (скорей всего двора) были засыпаны мелкой галькой.

Наслоения представлены завалом мелких обломков жженого кирпича со строительным алебастром и перекрывающим их лессом разрушившихся наружных сырцовых стен мечети. Вероятно, в этой части располагалось какое-то сооружение из жженого кирпича, но оно было целиком разобрано жителями после разрушения мечети.

В северо-восточном углу мечети заложенный в 1970 г. шурф 4. Под хорезмшахским полом в квадрате 112 найдена золотая монета — дирхем гуридского султана Мухаммада бин Сама, чеканенный в 1188—1189 гг.²² Кроме того найдены фрагменты резной неполивной терракоты и голубых изразцов XII — начала XIII в.

Шурф расширен у первых северных ворот мечети. Здесь расчищен устой сырцовой колонны ранних этапов мечети и открыты параллельные стены раннего храмового комплекса, образующие узкий обводной коридор.

²¹ Раскопки Ю. Ф. Бурякова, М. Садиева.

²² Дата определена Б. Д. Кочневым.

Раскопки показали большую разрушенность северного фасада восточной стены, уничтоженного в раннемусульманский период почти до основания и восстановленного вновь глинобитной забивкой.

Второй большой раскоп был заложен вдоль северной стены (до 30 м) к центру мечети. Эта часть площади частично исследовалась траншеей В. Л. Вяткина, вытянутой с запада на восток²³, и раскопом Я. К. Крикиса²⁴. Вдоль северной стены вскрыто сочетание закрытого помещения с плотным уровнем пола и сохранившейся на стенах белой ганчевой обмазкой и дворика, одна стена которого обмыта, а пол посыпан галькой. Здесь также найдено несколько монет и детали сгоревших деревянных конструктивных элементов.

Следует остановиться на находке нескольких фрагментов поливной терракоты с белой и голубоватой глазурью. Это фрагменты кувшинчика, покрытого голубой глазурью, с выступающими из-под нее полосами охристой краски. Этот прием характерен для конца XII—начала XIII в.

Встречены отдельные целые экземпляры жженого кирпича размером $20 \times 20 \times 3$ см, $22 \times 22 \times 3,5$ см и даже $23 \times 23 \times 4$ см, железные гвозди, остатки строительного алебаstra. Интересна находка буквы «мим», выточенной из жженого кирпича, и обломка плитки резной неполивной терракоты с глубоким рельефом растительного орнамента.

Проведена зачистка и второго северного входа в мечеть. Вход этот ранее существовал предположительно, так как мы расчистили подходившую к нему с севера дорожку шириной 3,5 м, выложенную жженым кирпичом с бордюром из вертикально поставленных кирпичных обломков. Вдоль дорожки (в 4,1 м от входа) расчищен устой размером 80×58 см. Вход в мечеть сохранился плохо, его ширина от 2,75 до 3,15 м (западный край оборван). У самого входа — порожек из жженого кирпича толщиной в полкирпичика. Размер кирпича дорожки $21 \times 21 \times 2,5$ —3 см, порожок — $3,9 \times 19 \times 7$ см.

---

²³ В. Л. Вяткин. Отчет о раскопках из Афрасиаба в 1905 г., Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях, СПб., 1908, № 1, стр. 1—15.

²⁴ В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.), ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 41.

К западу от входа вдоль стены заложен шурф 3 раз-
мером 2×2 м. Выявлено, что стена сохранила два уровня по-
лов — хорезмшахский и караханидский и стоит на культур-
ных слоях. В раскопе и шурфе найдены 3 медных монеты
саманидо-караханидского времени, а под стеной, в нижнем
слое шурфа, — согдийская медная монета с квадратным
отверстием.

Небольшой раскоп был заложен вдоль южной стены, вну-
три мечети у первого южного входа. Здесь, вдоль западного
продолжения входа, расчищена тонкая стеночка толщиной
10 см (в полкирпичика). Кирпич жженный. Возле него —
остатки трех сгоревших балочек диаметром 13—14 см и сго-
ревшей доски.

В слое пожараща найдено плохо сохранившееся лезвие
железного ножа и кинжалчика. Второй нож более интере-
сен. Он однолезвийный, конец обломан, сохранилась обгорев-
шая деревянная рукоятка. Нож, вероятно, был в кожаном
чехле, обрамленном полоской медной обкладки. Общая сохра-
нившаяся длина — 17 см (без острия), рукоятки — 4,5 см.
Это женский или детский кинжалчик.

К западу, в квадрате 1248, расчищено скопление из 5
железных наконечников стрел, 4 из которых имеют плоские
широкие лезвия и 1 наконечник — бронебойный. Найдена так-
же медная монета караханидского облика.

К юго-востоку от мечети проводилась расчистка дорожной
магистральной, вымощенной рваным чупанатинским сланцем и
булыжником.

Дорога разветвляется на два отростка: один вел к цита-
дели, вдоль магистрального водопровода, обеспечивавшего по-
следнюю водой; второй — поворачивал к северу с 15—25-гра-
дусным склонением и, вероятно, проходил непосредственно
вдоль мечети. На дороге найдена керамика с зеленой и голу-
бой глазурью и медная монета плохой сохранности.

К востоку от мечети, севернее восточного входа, был зало-
жен разрез шириной 2 м, доведенный в длину до 8,5 м. От
верха стены разрез опущен на 6,25 м. В разрезе расчищены
два уровня дороги: верхняя — вымощена рваным камнем, ниж-
няя — желтой галькой. Верхний уровень дороги частично
перекрыт слоем внешней рубашки восточной стены мечети.
Западнее дороги раскрыт лоток водопровода, сложенный из

жженого кирпича, а под настилом дороги — водопровод из кубуров.

В процессе археологических работ, проводившихся в западной части мечети и прилегающей местности, было вскрыто помещение мавзолея размером $3 \times 2,7$ м. В его северной части отмечен вход размером 1,2 м. Пол помещения вымощен жженым кирпичом, уложенным плашмя (размер кирпича $30 \times 17 \times 5$ см), он на глиняном растворе. Стены разрушены до основания.

Западнее расположено помещение 2 размером $2,3 \times 2,5$ м, вытянутое с востока на запад. Его первоначальный пол не сохранился в связи с перестройкой. Помещение имело один вход с запада. Северная и западная стены, на которых заметны следы ремонта, плохо сохранились. Полы в этих помещениях выстланы жженым кирпичом размером $30 \times 18 \times 4$ см, $31 \times 16 \times 5$ см. На полу помещения 1 найдена медная монета XII в.

В михрабной части мечети на глубине 1,5 м от дневной поверхности расчищено два слоя вымостки, состоявшей из одного ряда жженого кирпича ($31 \times 15 \times 4$ см, $20 \times 20 \times 4$ см).

Недалеко от вымостки, восточнее михраба, обнаружено квадратное в плане помещение ($2,4 \times 4$ м). Его стены покрыты двухслойной штукатуркой из алебаstra толщиной 3 см, пол вымощен жженым кирпичом размером $37 \times 19 \times 5$ см и также обмазан слоем алебаstra. На полу близ михраба обнаружены остатки горелого дерева, обломки резного штука, терракоты с геометрическим орнаментом, медные монеты, рухнувшая во время пожара в мечети балка. Здесь же были два железных наконечника стрел и полуобгоревший скелет воина с остатками одежды и кожаных доспехов.

Интересной находкой является фрагмент резного деревянного панно с растительным и геометрическим орнаментом, видимо, сгоревшего во время пожара 1220 г.

В связи с изучением стратиграфии наслоений кладбища, формировавшегося вдоль соборной мечети, в 30 м к западу от нее был заложен шурф, в котором расчищено четыре захоронения по мусульманскому обряду. Все погребения ориентированы с юга на север. Длина могильной ямы 1,9 м, ширина 60 см. В завале найдено много шлифованных обожженных кирпичиков и обломков плиток резной терракоты.

В целях дальнейшего историко-топографического изучения северной части Самарканда продолжены раскопки и в

квадрате 31/XVII²⁵. Раскоп расположен севернее соборной мечети на краю обрыва городища. На данном участке пока удалось выявить четыре периода средневековых культурных наслоений (раскоп до материка не доведен):

I период — остатки жилых помещений VII—VIII вв.

II период — жилые помещения IX—X вв.

III период — прекращение функционирования жилых помещений XI—XII вв.

IV период — многослойное кладбище с рядом мавзолеев XII — начала XIII в., примкнувшее к северной стене городища.

Результаты раскопок в северной части городища еще раз подтвердили, что уже в X в. основной очаг жизни жилых и производственно-ремесленных помещений переместился в центральную и западную часть городища, а на севере постепенно складывается кульгово-мемориальный комплекс с соборной мечетью, примыкающим к ней кладбищем и группой мавзолеев.

Продолжалось изучение античного квартала, расположенного на северной окраине городища, восточнее раскопа 6, недалеко от поворота городской стены II в. до н. э. и арки, выводящей на оборонительную площадку²⁶.

Здесь утрамбованные слои прерываются, примыкая к мощным завалам из сырцового кирпича. Слои завалов содержат керамику не позднее первых веков до н. э. Зафиксирован полукруглый обрыв, вдоль которого и легли упомянутые завалы. Раскоп доведен до глубины XXII яруса, причем в XX ярусе зафиксирован слоистый уровень. Материал из перекрывающих его слоев может быть датирован периодом Афрасиаб I.

В обрыве под основанием стены II в. до н. э. обнаружены остатки обрушившегося погребения, от которого сохранилась лишь часть погребальной камеры, ориентированной по линии восток—запад. Череп, несмотря на изъяны и плохую сохранность, удалось закрепить. Датировать погребение не представляется возможным, поскольку перекрывавшие его слои уже были разрушены.

Неподалеку от погребения и под ним расчищены горелые уровни, а выше — кладка из сырцового кирпича, размеры

²⁵ Раскопки Э. Ю. Буряковой и Л. Г. Брусенко.

²⁶ Раскопки Г. В. Шишкиной.

которого не установлены из-за его плохой сохранности. В процессе дальнейших археологических работ необходимо выяснить характер кладки и горелых полов. Раскоп перспективен, ибо есть все основания предполагать выявление новых участков древней оборонительной стены и древнейших дорог.

Таким образом, исследования последних лет представили ряд новых материалов, касающихся древнейших этапов истории города, начиная с середины I тыс. до н. э. Они позволили уточнить планировку города и сообщили новые сведения о ремесленном производстве поры становления феодализма, раскрыли новые страницы из истории культуры и монументального строительства раннефеодального Самарканда и города XI—XII столетий.

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЙ РАСКОП
В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА
АФРАСИАБ

Весной 1959 г. мы продолжили раскопки, которые в 1947 г. проводил А. И. Тереножкин в северной части городища, западнее цитадели. Первоначальной задачей раскопок было вскрытие здания, обнаруженного А. И. Тереножкиным. Но в ходе работ возникла более общая задача стратиграфического изучения данного участка городища. Необходимо было показать в разрезах соотношение по вертикали основных вскрываемых сооружений и наслоений, что и было осуществлено (рис. 1, 2) за четыре полевых сезона 1959—1962 гг.¹

Работы продолжались и в 1965—1966 гг. с целью дополнительного исследования наиболее значительного из сооружений, вскрытых в раскопе, — древней городской стены (рис. 3)². Предварительное сообщение о произведенных исследованиях было опубликовано³.

¹ Работы на раскопе 6 (порядковый номер нашего раскопа на Афрасиабе) велись автором по поручению руководителя работ В. А. Шишкина при участии археологов Д. П. Вархотовой (1959 г.), М. И. Филанович (1959—1961 гг.) и лаборанта В. Я. Суровенкова (1962 г.).

² В 1960 г. М. И. Филанович исследовала средневековую крепостную стену, для чего была заложена траншея, прорезавшая всю толщу культурных наслоений до материкового лесса. Эту траншею мы будем называть глубинной. Полученные в ней материалы будут опубликованы отдельно.

³ Осенью 1965 г. в течение двух недель автор вел дополнительные зачистки стены. В 1966 г. раскоп был расширен к западу от глубинной траншеи. В работах принимал участие М. С. Саднев.

³ С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб, СА, 1969, № 1, стр. 183—198.

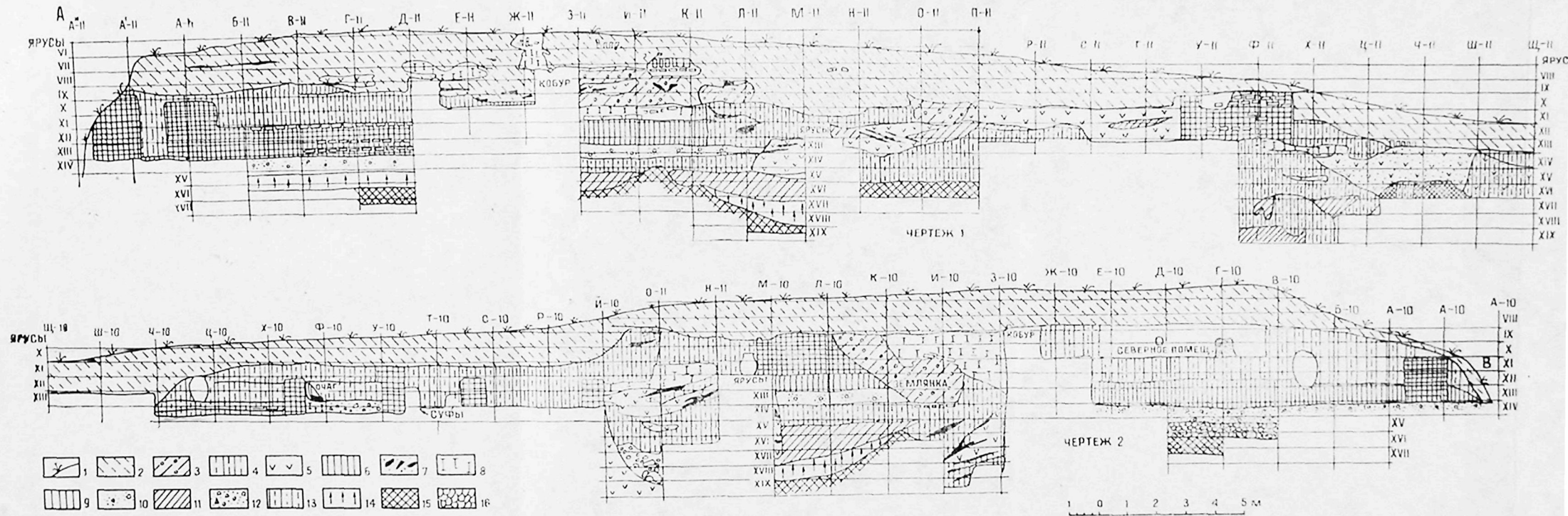

Рис. 2. Основные стратиграфические разрезы. Условные обозначения:

1. Дерновый слой; 2. Верхние наслоения (с погребениями); 3. Рыхлый желтовато-серый слой с включениями керамики, золы, угля, костей; 4. Глина темно-желтого цвета средней плотности; 5—Органические остатки; 6. Желтовато-бурый плотный грунт с включениями керамики;
7. Зола, уголь; 8. Разрушенная сырцовая кладка; 9. Стены деревянных сооружений; 10. Глина с примесью гальки (фундамент крепостной стены); 11. Глина плотная, темно-желтого цвета, без керамики; 12. Сырцовый завал, пахса; 13. Буроватый грунт средней плотности с керамикой, углем, золой; 14. Темно-бурый рыхлый завал с древнейшей (VI—V вв, до н. э.) керамикой; 15. Материковый лес; 16. Пахсовая полкладка под внешней частью древней крепостной стены.

За двенадцать лет, прошедших с того времени как был оставлен старый раскоп, стены обнаруженных в нем помещений и его края сильно оплыли, планировка раскрытой А. И. Тереножкиным части здания восстанавливается лишь в самых общих чертах (см. план рис. 1, 5). Нам удалось полностью восстановить планировку только одного помещения в северной части старого раскопа. Оно почти прямоугольное в плане (размером $5,6 \times 3,4$ м), вытянутое с севера на юг. В стенах возле северо-западного угла выявлено два проема. Один из них ведет на запад, видимо, в другое помещение, уже полностью выклинившееся, второй — на север, где местами прослеживались стены еще одного помещения.

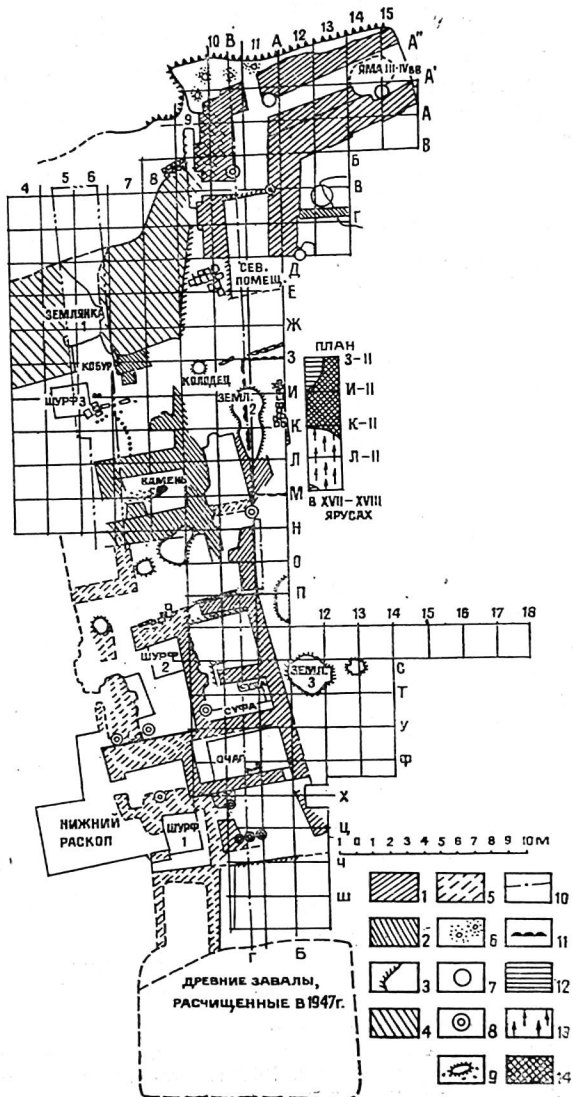
В описываемом помещении был расчищен закопанный А. И. Тереножкиным алтарь зороастрийцев, устроенный на суфе, примыкающей к западной стене. Он уже известен в научной литературе⁴. Алтарь сложен из трех глиняных плит с закругленными вершинами; толщина плит — 3,5 см, высота и ширина 50—52 см. Две плиты поставлены вертикально и вмазаны одна за другой в неглубокую нишу, третья — положена перед ними, образуя прямой угол. В месте смыкания плит, в нижней из них, сделан вырез-углубление размером 10×6 см. Под вырезом была обнаружена обожженная земля: видимо, в этом месте хранился горячий уголь для сохранения огня. Поверхность плит обожжена и закопчена. Несомненно, это был культовый очаг, а помещение в целом использовалось как домашняя молельня или святилище, подобно раскрытым в зданиях VII—VIII вв. в Пянджикенте⁵. Этот вывод о назначении помещения подтверждается слоем золы на полу толщиной 10 см⁶.

---

⁴ Л. И. Ремпель. Изображение «Дома огня» на двух терракотовых плитках с Афрасиаба, ДАН Таджикской ССР, Сталинабад, 1953, стр. 25—30; В. А. Шишкин. Узбекистанская археологическая экспедиция АН УзССР, ИМКУ, вып. II, Ташкент, 1961, стр. 39—40; А. А. Абдуразаков, М. А. Камбаров и Ш. И. Ильхамов. Консервация алтаря огня на Афрасиабе, ОНУ, 1971, № 4, стр. 49—50.

⁵ В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента, Труды Таджикской археологической экспедиции, т. IV, МИА, 124, М.—Л., 1964, стр. 67—72.

⁶ К югу от суфы с алтарем, в том же помещении обнаружена нижняя часть хума, подпертого обломком ручного жернова и зернотеркой. Помещение с алтарем после раскопок 1959 г. было опять закопано, однако алтарь в значительной мере пострадал от кладонискателей. В 1970 г. он был реставрирован и перенесен в Музей истории в Самарканде.

Южнее святилища обнаружены контуры небольшого помещения с проемом в западной стене. Далее к югу намечаются контуры относительно большого помещения с двумя проемами также в западной стене. Его длина — 3,3 м, ширина — 2,3 м. Южнее, по-видимому, было еще одно помещение, различающееся очень нечетко. Старый раскоп с юга завершался большой впадиной, образовавшейся после снятия наслоений древнего завала при раскопках А. И. Тереножкина.

В пределах старого раскопа было решено провести некоторые работы с тем, чтобы получить материалы для датировки здания и подстилающих его наслоений. С этой целью заложили два шурфа. Шурф I был заложен в северо-западном углу помещения с двумя проемами в западной стене. Его площадь — 2,3—2,1 м. Вскрытие велось по ярусам глубиной 50 см от условного репера, как и по всему нашему раскопу. Под полом помещения обнаружен рыхлый завал грунта различных оттенков желтого и коричневого цветов с примесью органических остатков, костей, керамики, среди которых встречались и фрагменты кубков.

Второй шурф площадью 2×2 м был заложен в северо-восточном углу помещения с алтарем. Над полом хорошо просматривалась кладка восточной стены из сырцового кирпича размером 38×10 см. Под стенами здания не обнаружено фундаментов, кирпичная кладка накладывалась на тонкий слой (до 10 см) плотного светло-коричневого грунта. В шурфе на глубине 1 м в основном обнаружен рыхлый грунт светло-коричневого и серого оттенков с фрагментами керамики, среди которой найдены и обломки кубков. Ниже — толстая прослойка (до 20 см) из обожженной земли, золы, угля, под которой выявлен желтый зеленоватого оттенка, довольно плотный грунт. На глубине 2,4 м от пола помещения был обнаружен материковый лесс.

Рис. 1. План раскопа 6 после работ 1959—1962 гг.
Условные обозначения:

1. Стены древних сооружений; 2. Стены раннесредневекового здания; 3. Остатки раннесредневековых стен над древним зданием; 4. Средневековая городская стена; 5. Стены помещений, раскрытых в старом раскопе; 6. Обнажение фундамента древней крепостной стены; 7. Бадрабы; 8. Хумы; 9. Ямы- углубления; 10. Граница глубинной траншеи; 11. Граница глубинной части раскопа; 12. Древняя (III—I вв. до н. э.) яма; 13. Древнейший (VI—V вв. до н. э.) слой; 14. Материковый лесс.

К западу от стен, вскрытых в старом раскопе, в южной его части до склона образовалась ровная поверхность шириной 7 м. На этом участке (на плане — «нижний раскоп»)

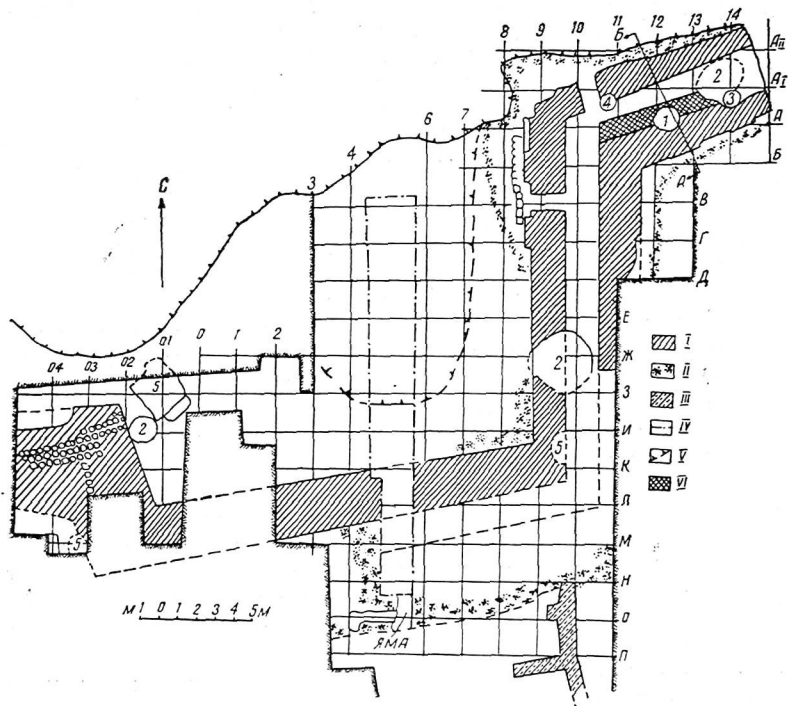

Рис. 3. План северной части раскопа 6 по уровню древней крепостной стены (после работ 1965—1966 гг.).
Условные обозначения:

I—древняя крепостная стена; II—край фундамента древней крепостной стены; III—древнее (кушанское) здание; IV—граница глубинной траншеи; V—край древнего обрыва; VI—ремонтная кладка древней крепостной стены; А—Б—линия разреза стены.
1—яма I в. до н. э.; 2—ямы III—IV вв.; 3—бадраб VIII в.; 4—бадраб X в.; 5—землянка.

расчищена площадка размером 30 м², глубиной 2 м. Здесь не было обнаружено конструктивных остатков, а выявленный сплошной завал дал некоторый керамический материал, характеризующий наслоения, подстилающие здание. Глубже

Рис. 4. Сверху—вид на раскоп с северо-востока (1961 г.). Снизу—древнее здание. Вид с северо-востока

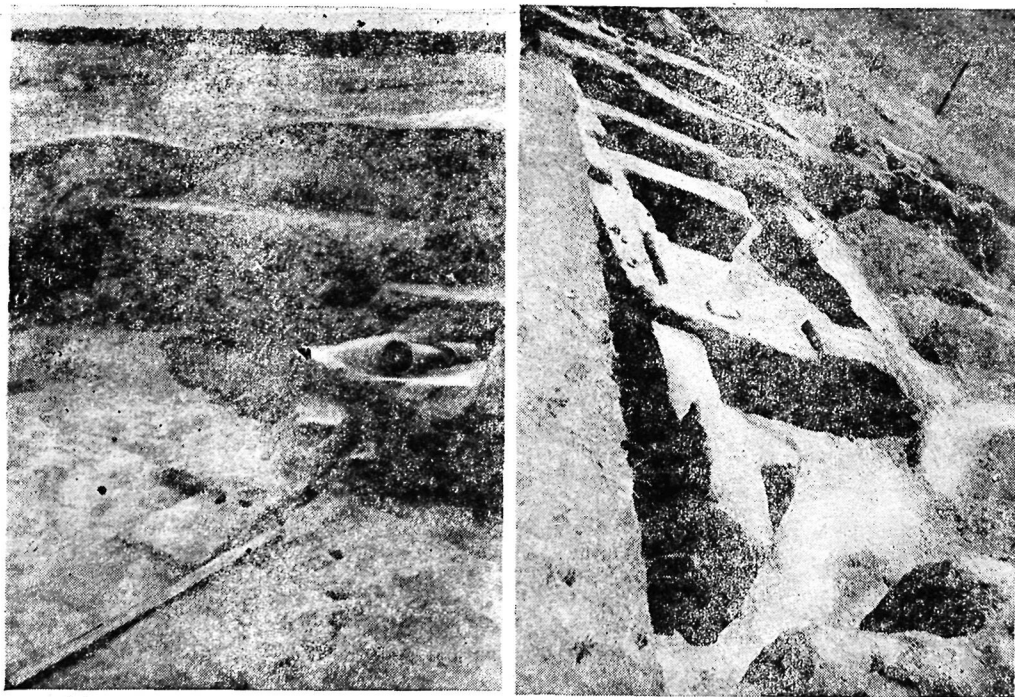

Рис. 5. Справа—древняя крепостная стена. Вид с востока. Слева—средневековая стена от мечена знаком X в месте пролома для водопровода. На переднем плане—гнезда от кольевкаркасной постройки (?).

конструктивных остатков мы не искали, так как в шурфе 1, находящемся рядом, было установлено, что глубина завалов в этом месте не менее 5 м.

Площадь раскопа была доведена до 1200 м², включая и часть здания, вскрытую А. И. Тереножкиным. Работы осложнялись тем, что вскрываемая площадка была частью средневекового кладбища.

Описание конструктивных остатков и окутавших их наслоений мы будем вести по следующему плану: древняя крепостная стена, древнее здание, раннесредневековые наслоения, верхние наслоения.

I. Конструктивные остатки и наслоения

Древняя крепостная стена. В 1961—1962 гг. в северной части раскопа, над крутым, местами переходящим в обрыв склоном к Сиабу, были обнаружены руины мощной стены из сырцового кирпича с коридором (рис. 4, 5). Стена была проложена вдоль склона с востока на запад, а затем под тупым углом сворачивала к югу внутрь городища. В 1965—1966 гг. был расчищен отрезок стены с коридором до ее поворота к западу, а также часть стены без коридора длиной, почти равной отрезку стены с коридором. Древняя городская (крепостная) стена была раскрыта в пределах раскопа 6 на протяжении 62 м. В 1968 г. ее западный отрезок обследовала М. И. Филанович⁷.

Признаки древней крепостной стены были выявлены еще до обнаружения ее сплошной кладки в виде прослойки из плотной темно-коричневой глины толщиной 40—55 см с большой примесью галечника. Позднее выяснилось, что это был фундамент древней стены. Толщина восточной части стены с коридором достигает 6 м.

В угловой части коридора, в его северной стене, обнаружен проем шириной 85 см, который выводит теперь к обрыву: от проема до обрыва всего 1,5 м по поверхности фундамента. По-видимому, в древности за проемом была или небольшая открытая площадка, или же он вел в башню, от которой теперь не осталось и следа.

---

⁷ См. статью М. И. Филанович «К истории слеснения городских укреплений Афрасиаба», помещенную в этом же сборнике.

Внешняя часть стены сохранилась на высоту 2,2 м, внутренняя — на 1,75 м; боковая поверхность последней, обращенная к городищу, украшена пилястрами шириной 1,5—1,6 м, выступающими из плоскости стены на 12—13 см.

Северный сектор коридора капитально ремонтировался. Во время ремонта на поврежденную внутреннюю часть стены была сделана довольно небрежно накладка: у основания — глина средней плотности, видимо, без всякой дополнительной обработки — с керамикой и костями. В результате ремонта коридор в этом месте был сужен до 95 см.

При расчистке развалин стены в северном секторе выявлено несколько прорезавших ее ям. Наиболее древняя из них обнаружена на поверхности внутренней части стены, причем, эта яма прорезала как основную кладку, так и ремонтную на кладку. Материалы, обнаруженные в яме, важны для определения времени разрушения стены, поскольку они хотя бы ориентировочно могут указывать на эту дату. Ниже мы увидим, что эти материалы относятся к рубежу н. э. (I в. до н. э. — I в. н. э.).

Чтобы выявить структуру стены, в ее северном секторе был сделан полный поперечный разрез (рис. 3, А—Б) с разбором кладки полосой 1,5 м. Линия разреза была намечена таким образом, чтобы выяснить соотношение основной и ремонтной кладок (рис. 6). В разрезе показана и яма, прорезавшая обе эти кладки.

Кирпич основной кладки стены укладывался в перевязку таким образом, чтобы швы каждого верхнего ряда кирпича приходились над серединой нижнего ряда. Для того, чтобы выдержать это чередование, наружные ряды кирпича выводились по вертикали с чередованием целого кирпича и половинника. Ширина швов между кирпичами — 2,5—5 см. Наиболее характерные размеры кирпича основной кладки стены (в см): $36 \times 35 \times 16$; $35 \times 34 \times 15$; $36 \times 36 \times 16$; $35 \times 35 \times 15$; $37 \times 36 \times 16$. Встречаются кирпичи толщиной 18 см. Почти все они имеют знаки на нижних поверхностях (рис. 7, 3—4).

Система ремонтной кладки та же, что и основной, хотя и менее строго выдержана. Типичные размеры кирпича в ремонтной кладке (в см): $33,5 \times 31,5 \times 16$; $33,5 \times 33 \times 16$; $34 \times 33 \times 15$; $34 \times 34 \times 17$; $35 \times 35 \times 17$; $35 \times 35 \times 16$. В ремонтной кладке также многие кирпичи имеют знаки (рис. 7, 1—2), более разнообразные, чем в основной.

Пол коридора устлан деревянным настилом, от которого сохранилась полоска темно-коричневого древесного тлена толщиной 2—3 см. Этот пол, так же, как и кладка стен, был наложен непосредственно на фундамент — слой плотной глины с примесью галечникового камня. Фундамент выступал за пределы стены примерно на 50 см в обе стороны. В месте

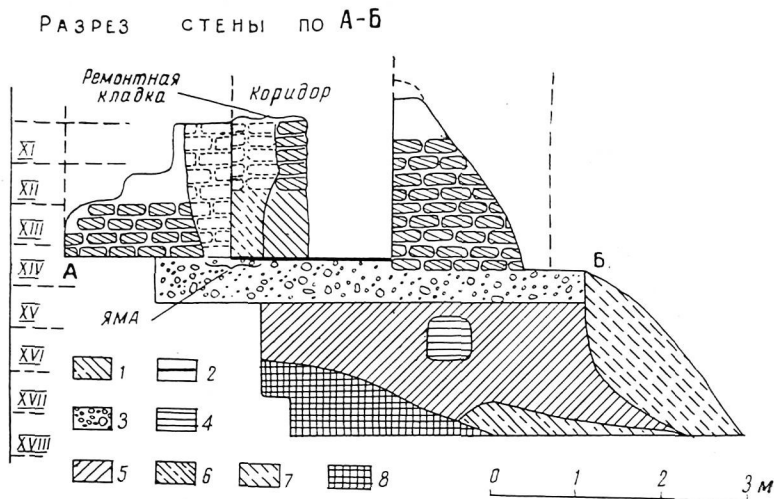

Рис. 6. Разрез древней крепостной стены (к плану, рис. 3).
Условные обозначения:

1. Глина средней плотности (ремонтная кладка в стене); 2. Прослойка древесного тлена (пол коридора); 3. Глина с примесью камня (фундамент стены); 4. Плотная глина типа пахсы; 5. Плотная глина комковатой структуры; 6. Деструктивный лесс; 7. Завал из рыхлого грунта; 8. Материковый лесс.

разреза фундамент подстилался слоем толщиной до 1,2 м, состоящим из плотной глины комковатой структуры серовато-желтого цвета, с небольшим содержанием керамики и костей. В верхней части этого слоя отмечено пятно иной структуры в виде плотной пахсы.

На уровне XVI яруса от условного репера был обнаружен материковый лесс со слегка покатой поверхностью в сторону обрыва. В своей нижней части этот склон прикрыт завалом из деструктивного лесса, в котором обнаружены мелкие фраг-

менты керамики. Край обрыва перекрыт рыхлым отвалом.

Длина западного отрезка стены с коридором — 21 м, сохранность стены по всей длине далеко не одинакова. Северная ее часть сохранилась относительно лучше, чем южная, которую с большим трудом удалось проследить по незначительным ос-

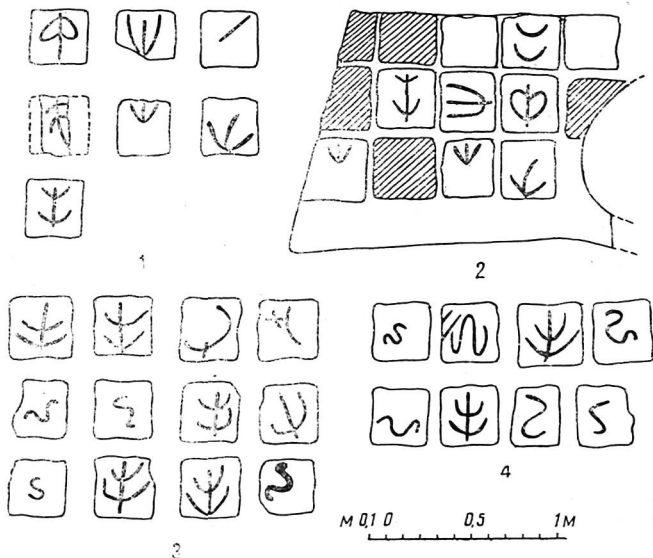

Рис. 7. Кирпичи со знаками из разреза древней крепостной стены.

1—2—кирпичи из ремонтной кладки; 3—4—кирпичи из основной кладки.

таткам. От внутренней стены коридора остался только фундамент в виде уже известного нам слоя глины с камнем; внешняя — повреждена ямой IV—V вв. и землянкой X в.

В северной части с западной (внешней) стороны древняя крепостная стена сверху была перекрыта остатками глинобитной кладки средневековой городской стены. После снятия этой кладки выяснилось, что к наружной поверхности вскрываемой древней стены сверху приложена при ремонте древняя кладка из того же кирпича, из которого сложена вся стена. Под древнюю кирпичную накладку здесь, как и в

северном секторе коридора, была использована относительно рыхлая глина, которой и окутывалась нижняя часть внешней поверхности стены. Выяснилось, что западная (внешняя) поверхность стены с двумя выступами-пилястрами шириной 1,55 м, обрамляющими проем, сложена из кирпича того же

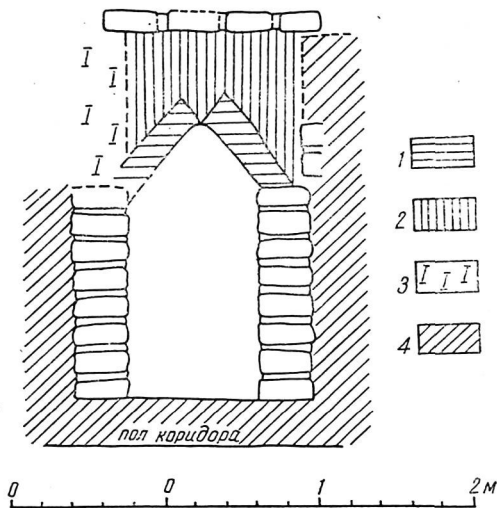

Рис. 8. Разрез проема в древней крепостной стене.

Условные обозначения:

1. Свод арки; 2. Глиняная закладка над проемом; 3. Разрушенная кладка; 4. Кладка крепостных стен.

размера, что встретился в плотной глиняной забивке проема, т. е. $36 \times 36 \times 17$ см. Этот факт свидетельствует о том, что промежуток времени, прошедший от постройки стены до ее ремонта (перестройки), не был особенно продолжительным. Возможно, эта переделка велась одновременно с ремонтом внутренней части стены.

Ширина западного проема, так же как и северного, — 85 см, высота — 1,75 м. Арка сложена из двух удлиненных блоков пахсы (рис. 8), проложенных внутри пучками камыша. Длина этих своеобразных блоков — 70—75 см, ширина их

вертикальных (боковых) плоскостей — 15—19 см, нижней и верхней — 23—25 см. Обращенные вверх поверхности слегка закруглены. Блоки наложены нижними концами на отступы в кирпичной кладке стены, верхние же их концы сомкнуты, образуя венчание перекрытия проема. Над аркой — слой глины, поверх которого продолжалась кирпичная кладка.

Пол описываемого арочного проема на 30 см выше пола коридора. С внешней стороны проема на уровне пола вымостка из сырцового кирпича, образующая ступеньку по отношению к ровной площадке, устроенной перед входом. К северу от проема за пилястром было сделано возвышение типа суфы, примыкающее к стене.

Площадка, на которую выходит этот проем, заканчивается с внешней стороны обрывом, что и дало возможность сделать здесь выход из крепости. Вероятно, эта площадка имела оборонительное назначение. Например, с нее могли сбрасывать камни и бревна в случае нападения со стороны обрыва. Но, по-видимому, эта деталь фортификации не была целесообразна, ибо проем вскоре был капитально заложен.

Установлено, что и в западном секторе стены с коридором глина с камнем подсыпалась только под стену с небольшими отступами в обе стороны. Под внешней частью стены в XV и начале XVI яруса обнаружена плотная кладка из комков глины, наложенная прямо на материковый лесс (рис. 9, кв. Д—10). Видимо, здесь был слишком рыхлый грунт, который заменили более плотной кладкой.

Слои, подстилающие древнюю стену, были исследованы еще в двух местах — в южной ее части (в глубинной части раскопа) и в глубинной траншее. На площадке размером 16 м² в пределах квадратов З—Л—II (см. план, рис. 1, глубинная часть раскопа) в XIII—начале XIV яруса был вскрыт фундамент древней крепостной стены. Под ним выявлен желто-коричневый слой средней плотности, перекрывающий рыхлый грунт бурого цвета, насыщенный обломками керамики и костями. Этот грунт был уже на уровне XVII—XVIII ярусов от репера, т. е. здесь культурный слой был глубже, чем в других местах раскопа, за исключением глубинной траншеи. На глубине почти 6 м от поверхности в материковом лессе была обнаружена яма, содержимое которой оставалось нетронутым во время постройки крепостной стены. Здесь был получен основной керамический материал, характеризую-

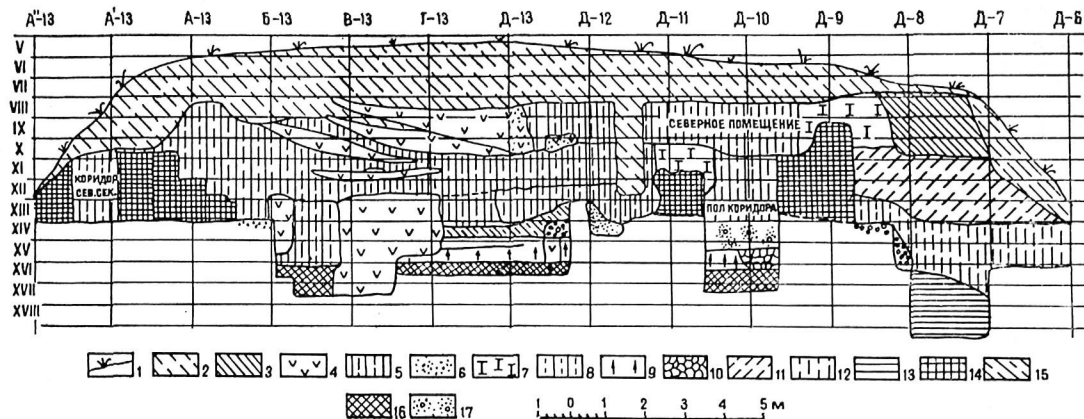

Рис. 9. Разрез наслоений в северной части раскопа 6. Условные обозначения:

1. Дерновый слой; 2. Верхние наслоения (с погребениями); 3. Средневековая городская стена; 4. Органические остатки; 5. Глина средней плотности темно-желтого цвета; 6. Уголь, зола; 7. Разрушенная кладка; 8. Завал из желтовато-бурой глины комковатой структуры; 9. Светло-серая глина средней плотности с древнейшей (VI—V вв. до н. э.) керамикой; 10. Подкладка под фундамент внешней части стены из комков пахсы; 11. Светло-серая глина пылевидной структуры; 12. Завал из светло-серой глины комковатой структуры; 13—Плотная светло-желтая глина; 14. Древняя крепостная стена; 15. Завал из плотной глины; 16. Материковый лесс; 17. Фундамент стены.

щий древнейшие наслоения на данном участке городища, а также найден древнейший бронзовый двухперый наконечник стрелы, датируемый VI—V вв. до н. э. (табл. I, 1).

Рассмотрим западную часть стены сплошной кладки, прослеженную в основном по фундаменту, так как почти на всем ее протяжении древняя кирпичная кладка была разрушена более поздними постройками. Мы установили, что трасса стены была проведена по ломаной линии. Образую со стеной и коридором тупой угол, она шла к ЮЗЗ, затем также под тупым углом поворачивала к северо-западу и, наконец, направлялась на запад. В месте последнего поворота был обнаружен небольшой выступ, скорее всего являющийся признаком башни. Сохранились два-три ряда кирпичной кладки. Размеры кирпичей (в см): $33,5 \times 33,5 \times 15$; $34 \times 34 \times 15$; $36 \times 36 \times 15$; $36 \times 36 \times 15$; $36 \times 35 \times 16$; $42 \times 40 \times 20$.

Эти данные свидетельствуют о том, что здесь применялся кирпич тех же размеров, что и в восточной части стены (кроме одного очень крупного кирпича). Почти все они имели знаки в виде окружностей или скоб.

Толщина западной части стены—от 2,8 до 4 м. Под стеной обнаружены признаки слоя, который мы пока условно датируем VI—IV вв. до н. э. Стена в этом месте была прикрыта лишь слоем глины в 0,5—1,5 м средней плотности.

Ломаная линия трассы стены не совпадает с современным краем городища (см. план, рис. 3). Объяснение этому дает М. И. Филанович, работавшая на глубинной траншее и получившая материал не только для датировки средневековой стены⁸, что было целью заложения траншеи. Она обнаружила выем-обрыв, который врезался в городище. Древние строители вынуждены были обогнуть его, чем и была обусловлена ломаная в плане линия крепостной стены. Этим обрывом ограничивалась глубокая впадина, врезавшаяся в городище с севера, со стороны Сиаба. Она определила резкий поворот стены к

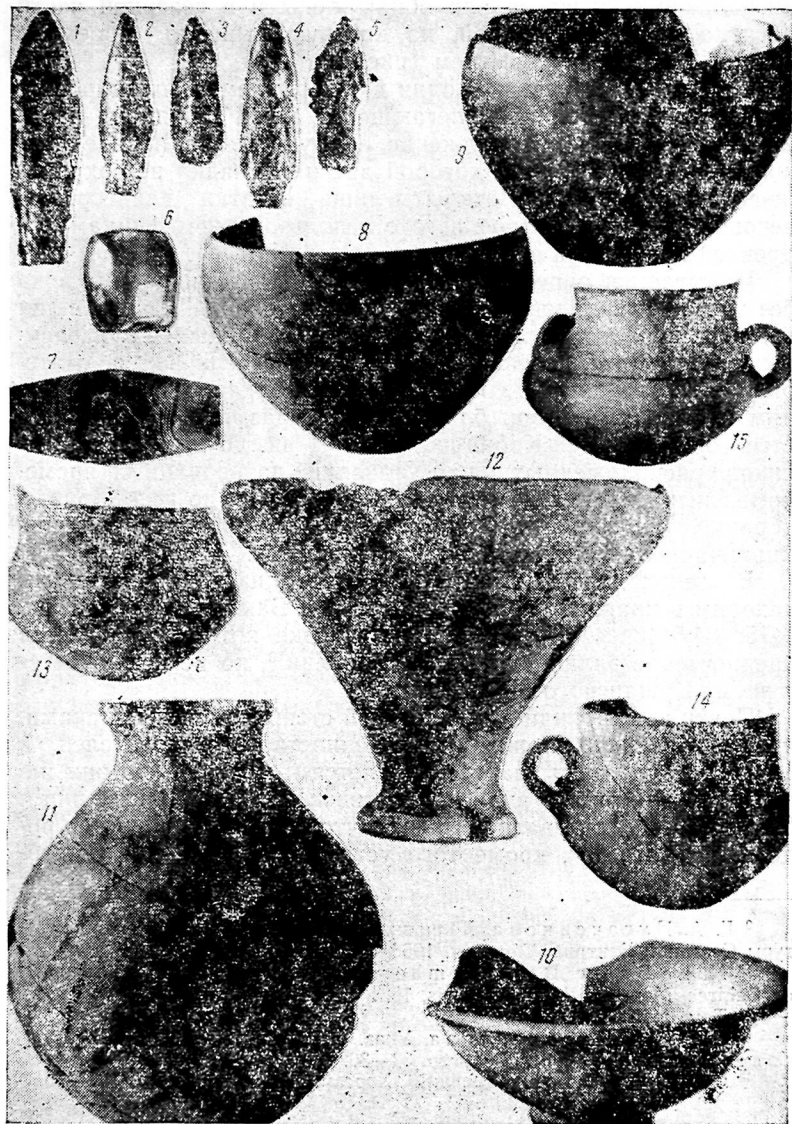

Т а б л и ц а I.

1. Бронзовый наконечник стрелы VI—V вв. до н. э.; 2—5—бронзовые наконечники стрел III—II вв. до н. э.; 6—7—бусы III—I вв. до н. э., 8—10—сосуды III—I вв. до н. э., 11—сосуд II—III вв. н. э.; 12—кубковидная чаша V—VI вв.; 13—15—кружки VIII в.

⁸ См. статью М. И. Филанович, помещенную в этом же сборнике.

югу, а затем и к западу. Признаки этой же впадины в виде ниспадающих слоев завала обнаружены и в северной части раскопа перед площадкой, на которую выводил проем с сохранившимся перекрытием (рис. 9, Д—8).

Остался невыясненным один важный элемент планировки: к югу от коридора и прилегающей к нему западной части стены обнаружено продолжение ее фундамента в виде площадки шириной 5 м, на которой древняя кладка не сохранилась (рис. 3). На ней открыты лишь остатки раннесредневекового здания, построенного с использованием фундамента древней крепостной стены.

Попытаемся определить время существования стены пока без учета материалов из облегающих наслоений. Сопоставляя размеры кирпича исследованной стены с данными, приведенными в таблице, составленной Г. А. Пугаченковой по материалам изучения памятников Бактрии-Тохаристана⁹, приходим к выводу, что они ближе всего к размерам кирпича из стен городища Кей-Кобад-шах (III—I вв. до н. э.) и памятников, расположенных близ Халчаяна, датированных временем, близким к началу нашей эры — до II в. до н. э. Правда, обращает на себя внимание относительно большая толщина кирпича из крепостной стены на Афрасиабе.

В стенах древних Бактр наиболее близкие аналогии мы находим в кирпиче периода Бактры I и Бактры I-а (35×32×15; 34,5×34×14,5 см), при датировке которых отдается предпочтение эллинистическому времени¹⁰, но не исключается и время Кушанского государства¹¹.

Почти все кирпичи из крепостной стены помечены знаками, причем довольно сложными. Большинство исследователей в интерпретации этих знаков склоняется к мнению, что они наносились для учета труда коллективов или отдельных лиц¹². Еще ранее высказывалось мнение, что эти знаки являются родовыми тамгами¹³, кроме того установлено, что они способ-

---

⁹ Г. А. Пугаченкова. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент, 1966, стр. 126—127.

¹⁰ M. Le Berre, D. Schlumberger. Observations sur les remparts de Baktres, Mem. DAFA, XIX, Paris, 1964 p. 87—88.

¹¹ Там же.

¹² См.: Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 129—130; А. В. Гудкова. Ток-кала, Ташкент, 1964, стр. 33—36.

¹³ С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 94—95.

ствовали сцеплению кирпича с раствором¹⁴. Усложненные знаки на кирпичах характерны для довольно длительного периода — с III в. до н. э. и до III в. н. э., поэтому их трудно использовать для определения времени возведения стен. Знаки, зафиксированные на кирпичах из нашего раскопа, по своему характеру не противоречат намечающейся датировке стен — III—I вв. до н. э. Что же касается их семантического значения, то, видимо, этот вопрос нуждается в дальнейшей разработке. В самом деле, если согласиться с тем, что знаки нанесены для учета труда, то при интерпретации наших материалов можно было бы предположить, что в ремонтных работах принимало участие больше строителей, чем в сооружении основной стены, что явно несопоставимо с реальной обстановкой.

Материалом для датировки стены может служить также керамика, попавшая в глину или же в раствор при изготовлении кирпича.

К этой же группе материалов можно отнести и керамику, обнаруженную в самой древней из ям, прорезавших стену, поскольку она определяет, хотя бы приблизительно, время ее разрушения. Наиболее характерные из находок в этой яме — две ножки кубков почти одинаковой формы (рис. 10, 18—19), покрытые плотным ангобом красного цвета. Одна из них — с потеками коричневатых оттенков. Ножки кубков как бы выточены. Они имеют ложбинки по ободку и конусовидные полости в донышках. По форме они близки ножкам кубков из некрополя на Туп-хоне (I в. до н. э.)¹⁵.

Фрагмент устья кубка с валиком на корпусе (рис. 10, 17), покрытый плотным красным ангобом с признаками красного лощения, также не может быть датирован временем более поздним, чем I в. до н. э., поскольку во II—III вв. н. э. качество керамических изделий значительно ухудшилось, о чем будет говориться ниже.

Тонкостенные сосуды с венчиком, резко загнутым внутрь (рис. 10, 20), или же плоским, профилированным наружу (рис. 10, 21), покрытые плотным красным ангобом, также

¹⁴ В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма, ТХАЭЭ, т. I, М., 1952, стр. 89—90.

¹⁵ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, Труды согдийско-таджикской археологической экспедиции, т. I, МИА, 15, стр. 165, табл. 83, 7. 9.

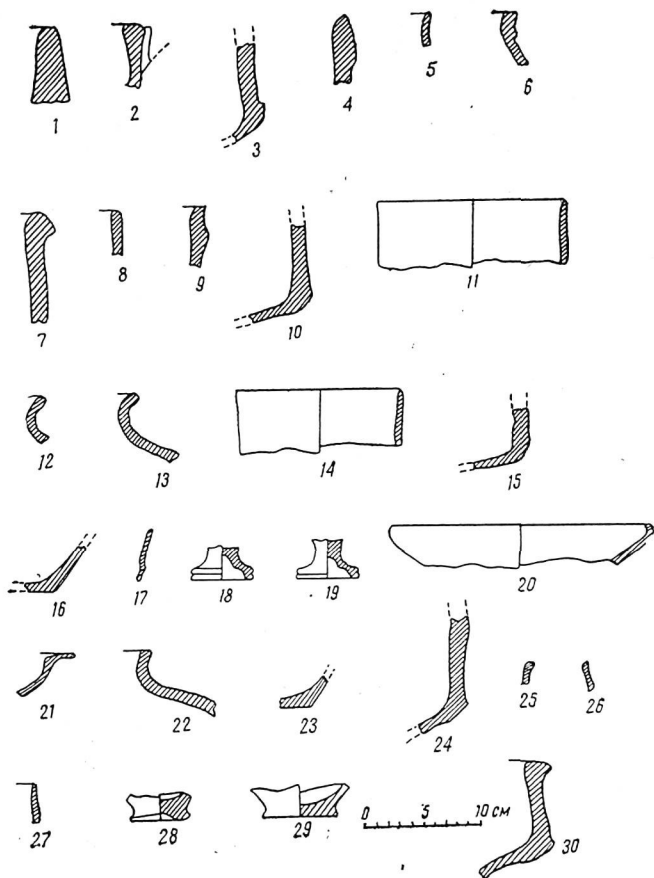

Рис. 10. Фрагменты керамических изделий:

1-6—из слоя, подстилающего фундамент крепостной стены; 7-10—из кладки фундамента стены; 11-13—из основной кладки стены; 14-16—из ремонтной кладки; 17-24—из древней ямы, прорезавшей стену; 25-30—из кладки стены в разных местах (сборы В. А. Шишкина).

отличаются высокой техникой изготовления. Эти керамические формы характерны для III—I вв. до н. э. В древней яме, выкопанной в стене, найдены и фрагменты менее характерных толстостенных сосудов (рис. 10, 22—23). Из более древних наслоений попал в яму фрагмент сосуда с подкошенным донцем (рис. 10, 24).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что уже в I в. до н. э., или по крайней мере в I в. н. э., эта часть стены уже не функционировала в качестве оборонительного сооружения. Однако следует отметить, что устье ямы расположено ниже уровня сохранившейся части внешней стены коридора (рис. 6) и, следовательно, не исключена возможность, что в поздний период существования стены в качестве оборонительного сооружения использовалась лишь ее внешняя сторона.

Стало быть, можно предполагать, что в I в. до н. э. стена еще существовала, однако время ее сооружения до сих пор не уточнено. Для решения этого вопроса следует привлечь материалы, обнаруженные в самой кладке стены. Из них наиболее характерны края стенок кубков: один из них найден в основной кладке внешней части стены (рис. 10, 11), другой — в ремонтной кладке (рис. 10, 14). Однако известно, что эта керамическая форма существовала длительное время, по крайней мере с III в. до н. э. и до III в. н. э.¹⁶ Кроме названных фрагментов в кладке стены найдены лишь очень мелкие части этих сосудов, что затрудняет использование находок для определения времени сооружения стены. Однако сама техника их изготовления свидетельствует о том, что они не могли быть древнее III в. до н. э. (это были тонкостенные красноангобированные сосуды).

Фрагменты других сосудов, найденные как в основной кладке (рис. 10, 12—13), так и в ремонтной (рис. 10, 15—16) трудно использовать для датировки сооружения, поскольку они менее известны, чем кубки в аспекте определения их типологического развития.

---

¹⁶ С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм, СА, 1964, № 3, стр. 83—87. Следует отметить, что в более позднее время (1967—1968 гг.) при раскопках на городище Афраснаб были найдены кубки еще древнее, относящиеся к V—IV вв. до н. э. Но они толстостенные и отличались относительно грубой выделкой.

Отметим несколько фрагментов, извлеченных В. А. Шишкиным из кладки стены (рис. 10, 25—30). Преимущественно они принадлежали тонкостенным красноангобированным сосудам. Из них наиболее характерны сосуды с поддонами, обнаруженные в наслесиях, подстилающих древнее здание, расположенное южнее стены. Эти наслоения можно датировать III—II вв. до н. э. В кладке был также найден крупный фрагмент сосуда (рис. 10, 30) еще более раннего из наслоений, подстилающих стену.

Рассмотрим еще несколько фрагментов керамики, найденных под фундаментом стены. Это прежде всего два фрагмента изделий лепной работы. Один из них, скорее всего бортик жаровни (рис. 10, 1), второй — обломок широкогорлого сосуда с ручкой (рис. 10, 2). Глина, из которой изготовлены эти сосуды, насыщена шамотом и дресвой, сверху — грубая обмазка. Найденны фрагменты двух толстостенных сосудов, покрытых плотным серым ангобом. Один из них со скошенным донцем (рис. 10, 3), второй — с венчиком в виде широкой утолщенной полоски (рис. 10, 4). Обе керамические формы обычны для древнейшего слоя, подстилающего фундамент стены и в других местах. Двумя небольшими фрагментами представлены относительно тонкостенные красноглиняные широкогорлые сосуды (рис. 10, 5—6).

В самом слое глины с камнем (в фундаменте стены) найдено четыре фрагмента сосудов (рис. 10, 7—10). Все они станковой работы и по своему облику также тяготеют к древнейшему слою.

Таким образом, стена была сооружена на краю обрыва к Сиабу, следуя его изгибам. Древние строители, готовя полосу под стену, не обнажали поверхность материкового лесса, а лишь слегка ее выравняли. В результате древнейшая часть культурного слоя сохранилась в данном месте на глубину, определявшуюся рельефом поверхности лесса. В местах, где грунт был недостаточно плотным, подоснова фундамента укреплялась комками пахсы. На подготовленную поверхность насыпался слой глины с большой примесью галечникового камня, служивший, собственно, фундаментом. Цоколь в данном месте не воздвигался, в нем не было надобности, поскольку стена прокладывалась вдоль крутого склона. Кирпичная кладка стен накладывалась прямо на фундамент. Бой-

ниц здесь, видимо, не было, хотя бы потому, что из-за крутизны склона ими нельзя было пользоваться.

Стена не могла быть возведена ранее III века до н. э., поскольку в ее кладке обнаружена керамика, датируемая III—II вв. до н. э. Постройку ее можно отнести к концу III или к первой половине II в. до н. э. Поддерживать стену в надлежащем состоянии, видимо, было довольно трудно, ибо балочные перекрытия требовали частых ремонтов. Начало разрушения стены определяется примерно рубежом нашего летоисчисления (I в. до н. э.—I в. н. э.), когда в ее внутренней части была выкопана яма. Но не исключено, что ее внешняя часть некоторое время использовалась в качестве оборонительного сооружения.

Стены с коридором внутри широко известны в научной литературе, особенно много их было выявлено в Хорезме и в Парфии¹⁷. Упомянем лишь некоторые из них: двойная стена в Джанбас-кале приблизительно той же толщины, что и стена, вскрытая на Афрасиабе. Датируется она III в. до н. э.—I в. н. э.¹⁸ В Хорезме обнаружена и более поздняя крепость с двойной стеной — Анга-кала, относящаяся к III—IV вв. н. э.¹⁹ Из парфянских крепостей отметим Чильбурдж (II—III вв. н. э.)²⁰. Двойная городская стена была открыта и в Южном Таджикистане на городище Кей-Кобад-шах, датированная III—I вв. до н. э.²¹ Выявлена стена с проходом и с помещениями внутри и в развалинах древнего Балха²².

Приведенные факты свидетельствуют о том, что планировка оборонительного сооружения в виде двойных стен с проходом-коридором внутри в древности широко применялась в Средней Азии. В нашем раскопе на Афрасиабе жилых построек, современных описанной стене, обнаружить не удалось. На небольшой площадке, вскрытой внутри крепостных стен у их внутреннего северо-западного угла, ничего конструктивного, кроме части очага у южного края раскопа, не было

¹⁷ А. В. Гудкова. Ток-кала, Ташкент, 1964, стр. 10—13.

¹⁸ С. П. Голстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 88.

¹⁹ Там же, стр. 114—115.

²⁰ Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры феодализма и рабовладения, М., 1958, стр. 53.

²¹ А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг., Труды Таджикской археологической экспедиции, т. III, МИА, 66, М.—Л., 1958, стр. 290—298.

²² M. Le Berre D. Schlumberger. Указ соч., стр. 83.

выявлено. Обнаружены две одновременные ямы. Из них в центре находилась более поздняя (диаметром 1,3 м), она прорезала вторую, большую по своим размерам. Ямы прорезают все культурные наслоения и заканчиваются уже в материковом лессе.

Рассмотрим наслоения, перекрывающие остатки древней крепостной стены в ее восточной части. Пол коридора был раскрыт на грани XIII—XIV ярусов от репера, на глубине около 4 м от поверхности вскрывавшейся нами площадки, не считая крутого склона к Сиабу, где глубина была соответственно меньшей.

Всю свиту слоев, перекрывавших стену, можно подразделить по вертикали на два горизонта, из которых нижний относится к древности, верхний — к средневековью. Залегание слоев, относительно «спокойное», установлено над западным сектором коридора, где граница между древними и средневековыми наслоениями устанавливается довольно четко на глубине 1 м от поверхности.

Значительно сложнее складывается картина наслоений над северным сектором коридора и над небольшой вскрытой площадкой, примыкавшей к стенам с их внутренней стороны: здесь слой с обломками средневековой керамики прослеживался местами на глубину 2,5 м от поверхности.

Над фундаментом крепостной стены и прослойкой темнубурого тлена, образовавшегося от сгнившего деревянного настила коридора, которую можно считать точно установленным уровнем пола, обнаружен завал из грунта различных оттенков бурого, коричневого и желтого цветов, местами с линзами обожженной земли с примесью керамики, костей, угля, золы. Признаки более позднего пола в отслаивании и в несколько ином составе грунта были установлены вдоль западной стены коридора на высоте 75 см от первоначального пола. К этому уровню относится и большой хум, частично вкопанный в городскую стену немного севернее западного проема. Этот факт свидетельствует о том, что уровень, к которому относится хум, образовался в период, когда крепостная стена была уже заброшена или же использовалась только ее внешняя часть.

Следующий уровень был зафиксирован значительно выше (1,5 м от уровня пола коридора). Здесь выявлено довольно обширное помещение, условно названное Северным. Пол-

ностью это помещение оконтурить не удалось, так как восточная его стена оказалась разрушенной. Протяженность помещения с севера на юг — 5,9 м, в ширину оно приближалось к 3,5 м. Западная его стена сохранилась на высоту до 1,2 м. В ней обнаружена небольшая ниша глубиной 20 см. Все стены покрыты глиняной штукатуркой. В целях исследования структуры стен Северного помещения были сделаны разрезы и зачистки сверху. Выяснилось, что специальной кладки стен этого помещения не существовало, оно было выкопано в земле, причем, западная его сторона пришлось на древнюю крепостную стену и часть ее кладки при этом была снята.

При попытке вскрыть восточную сторону Северного помещения в том месте, где предполагалось обнаружить его северо-восточный угол, были выявлены два хума, вкопанных рядом. Их венчики не сохранились. Примерно на середине их высоты, на 60 см выше уровня пола Северного помещения (в IX ярусе от репера), выявлен четко отслаивающийся неровный пол и тонкая глинобитная стенка. Еще один пол намечался на 20 см выше. Здесь заметна граница между двумя слоями, из которых нижний был более плотным. К этому уровню можно отнести и две тонкие глинобитные стенки, образующие прямой угол. Все это перекрывал слой кладбища.

В северной части раскопа на глубине от VI до XVII яруса от репера было отмечено шесть уровней с различной степенью четкости.

Древнее здание. Западную часть руин древнего здания полностью раскрыл А. И. Тереножкин. Мы исследовали развалины его восточной части.

Восточнее старого раскопа над зданием выявился перемешанный слой толщиной до 1 м, насыщенный разрушенными погребениями с древней и средневековой керамикой. Остатки здания покрывал завал из глины различных оттенков желтого цвета средней плотности.

Восточнее помещения с алтарем старого раскопа раскрыты два соединенных проемом помещения, почти равных по площади первому (см. план, рис. 1, кв. ПТ—9—11). Их пол, раскрытый на глубине 1,5—2 м от поверхности склона, выше на 15—20 см уровня пола помещения с алтарем. Стены сохранились в высоту до 80 см. На этом уровне они были сложены из квадратного кирпича длиной 35—36,5 см и толщиной 10—11 см. Местами поверх древней кладки обна-

ружен кирпич размером $40 \times 26 \times 11-12$ см — несомненный признак поздней постройки. Фрагменты поздней кладки выявлены во многих местах вскрывавшегося древнего здания. Они своими очертаниями не вполне совпадают с направлением древних стен (см. план, рис. 1). Старые стены частично были использованы в качестве фундаментов для более поздней постройки.

В западной стене северного вновь открытого помещения расчищены три неглубокие ниши. Из них две боковые — прямоугольные в горизонтальном сечении, а центральная — с закругленной щипцовой стенкой. Ширина центральной ниши — 95 см, глубина — 18—20 см. Пол перед центральной нишей слегка приподнят и обожжен, обожженной коркой покрыта и поверхность самой ниши. В наслоениях при расчистке этого помещения найдены две терракоты и небольшое количество фрагментов посуды.

Устройство очага в центральной нише говорит о том, что он не был кухонным. Вряд ли он предназначался исключительно для обогрева помещения. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что так же, как и алтарь святилища, раскрытого в старом раскопе, очаг находился в западной стене и был расположен почти по одной с ним оси. Эти наблюдения дают основание сделать вывод, что данное помещение не было обычной жилой комнатой, а предназначалось для общественного пользования.

В северо-восточном углу этой комнаты был заложен шурф размером 2×2 м. Под ее полом обнаружен завал, состоящий из глины различных оттенков желтого и коричневого цветов, золы, органических остатков, керамики. Материковый лесс был раскрыт на глубине 1,5—2 м от пола.

В расположенной к югу от описанного помещения небольшой комнате, вытянутой с востока на запад ($3,8 \times 2$ м), вскрыты вдоль стен (кроме западной) суфы-сиденья, а в юго-западном углу — большой хум. Керамики найдено немного, но среди обломков посуды обнаружено полностью сохранившееся терракотовое изображение богини-матери (табл. II, 4). Это помещение можно принять за вспомогательное при комнате с нишами, так как только с ней оно соединялось проемом. Судя по наличию суф-сидений, расположенных вдоль стен, здесь собирались обитатели здания для выполнения каких-то обрядов или для бесед.

В северной стене помещения с нишами был обнаружен другой проем, ведущий в комнату, от которой сохранилась только нижняя часть восточной стены с выступом-пилястром.

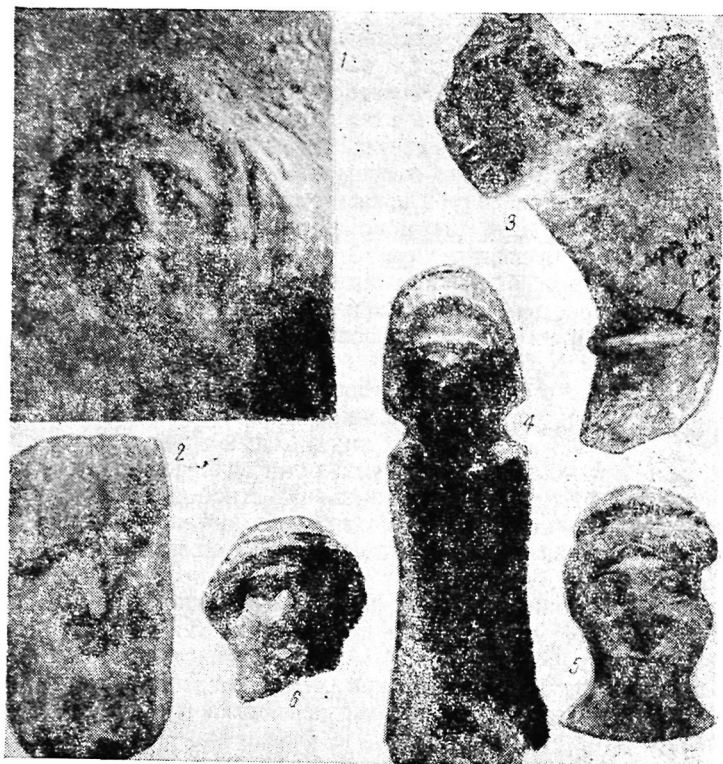

Таблица II. Терракотовые изображения III в. до н. э.—III в. н. э. Она в плане несколько скошена по отношению к восточной стене помещения с нишами. При расчистке пола здесь были найдены две зернотерки. Далее к северу продолжения стен древнего здания не обнаружено.

К югу от комнаты с суфами раскрыты еще два помещения древнего здания. Первое, размером $5,3 \times 2,75$ м, вытяну-

тое с востока на запад, названо нами помещением с очагом. В нем выявлено три пола-уровня — очаг находился в среднем из них (рис. 2, черт. 2, кв. Ф—10). Пол с очагом расположен на 60 см ниже верхнего пола. На нем в завале найден жженный кирпич размером 40×40×8 см. Очаг примыкал к южной стене. Он полуовальной формы, слеплен из глины, можно различить три слоя обмазок-ремонтов. Очаг имел, несомненно, хозяйственное назначение. Пол и стена вокруг очага сильно обожжены, много обожженной земли и в завале. Вероятно, им пользовались довольно длительное время.

При зачистке пола с очагом выяснилось, что стены здания продолжают вглубь и, следовательно, этот пол не является первоначальным полом комнаты. И действительно, более древний пол был выявлен на 50 см ниже. Промежуток между ними заполняли обломки сырцового кирпича и комки пахсы. Выявлены фрагменты кладки из кирпича размером 38×38×14 см. Один из них использован в качестве основания для очага.

Помещение с очагом соединялось проемом только с одной комнатой, расположенной южнее — на грани выклинивания конструктивных остатков. Южная стена этой комнаты совсем не сохранилась, а с востока обнаружен лишь небольшой ее отрезок, несколько скошенный по отношению к соответствующей стене помещения с очагом. В западной стене этой комнаты найден проем, выведивший в помещение с двумя проемами старого раскопа.

В самом южном из сохранившихся помещений, которое мы сейчас рассматриваем в наслоениях, как и в помещении с очагом, имелось три пола. На верхнем уровне в южной части помещения обнаружено три хума. Один из них частично вкопан в западную стену, как и четвертый хум, находящийся в северо-западном углу.

Западная стена помещения была сооружена на уровне, соответствующем уровню соседнего помещения с очагом. Северная стена комнаты продолжалась глубже до третьего пола. Между вторым и третьим полами обнаружен завал, в котором найдены два рядом положенных кирпича размером 39×39×13 см и 38×38×14 см.

Для исследования наслоений, подстилающих помещение с хумами и помещение с очагом вдоль восточных стен, были вскрыты полы и вынут грунт до материкового лесса.

Выяснилось, что и здесь здание было построено на мощных завалах из глины, органических остатках золы с примесью сильно раздробленной керамики. Лишь под очагом обнаружена разрушенная кладка.

Раскоп в южном его конце был расширен к востоку, но здесь, кроме древней ямы, средневековой землянки и средневековых же погребений, ничего не обнаружено.

Таким образом, развалины древнего здания были вскрыты полностью. В нем было обнаружено 9—10 в той или иной мере сохранившихся помещений (считая и помещения старого раскопа). Однако они, безусловно, являлись лишь частью здания, по которой невозможно восстановить его планировку в целом. Несомненно только, что восточная стена здания не была фасадной, так как она без проемов, сплошная, и состоит в плане из двух отрезков, расположенных один по отношению к другому под тупым углом. Возможно, что был еще и третий отрезок с юга, также скошенный по отношению к средней части. Об этом свидетельствует направление (с отклонением к востоку) внутренней поверхности сохранившегося фрагмента восточной стены помещения с хумами. Восточная стена здания в своей нижней части прилегала к древним завалам. На внешней стороне сохранившейся части стены не обнаружено каких-либо признаков, по которым можно было бы установить, что она подвергалась влиянию таких природных факторов, как солнечный свет и ветер. К ней прилегала глина, из-под которой с трудом обнажалась поверхность стены: здание с севера было разрушено более поздними постройками, а с запада и юга — естественными оплывами склона, а затем и погребениями.

Анализируя материалы вскрытия четырех помещений, расположенных рядом, нельзя не заметить существенных различий между двумя северными и двумя южными. В южных помещениях были капитальные перестройки, связанные с их перепланировкой, отмечено по три пола, тогда как в северных отсутствуют признаки перестройки и пол всего один. Этот факт объясняется, на наш взгляд, различием в назначении помещений; южные, несомненно, были связаны с хозяйственной деятельностью обитателей здания — они в ходе использования больше разрушались, в них скапливались разные отвалы. А наличие кухонного очага в одном из помещений прямо подтверждает вывод об их хозяйственном назначении.

Указанные особенности южных помещений в сопоставлении с двумя северными уже сами по себе подтверждают сделанный нами вывод о том, что последние носили общественный характер.

В. Л. Воронина, используя этнографические материалы, установила, что в условиях города Пянджикента в VII—VIII вв. существовали кроме храмов еще и общинные дома — прототипы алов-хона горных таджиков, сохранившиеся до недавнего времени. В них собирались жители кишлака для «вечерних бесед, развлечений и общей трапезы»²³. В горных кишлаках таджиков общинные дома часто соединялись с мечетью. Разновидностью алов-хона являлись мехмон-хона — помещения для гостей, причем в последних, как культовый пережиток, отмечались ниши, обращенные к западу.

Таким образом, выявлено, что в раскрытом нами здании три помещения предназначались для общественных церемоний. Но чтобы установить различия в их назначении, понадобились дальнейшие наблюдения. Можно предположить, что помещение, раскрытое в старом раскопе, было молельней, а два других (алов-хона), расположенных севернее, предназначались для вечернего времяпровождения обитателей дома и гостей. Они были также в какой-то мере связаны с культовой обрядностью. Об этом свидетельствует их нахождение возле святилища с ориентацией очага по оси с алтарем, а также находки терракот.

Помещение несколько иной планировки с суфами обнаружено и в наслоениях VI—VII вв. на Варахше. Оно также определено по своему назначению как алов-хона²⁴.

Вскрытое нами здание (рис. 4, 5) было, по-видимому, типа замка. Оно стояло особняком, не примыкая непосредственно к другим постройкам. К северу от него расположен обрыв к Сиабу, возможно, с еще сохранившейся на вершине древней стеной, с южной и западной стороны — склоны к ложине, с востока к стенам здания примыкали обширные древние завалы.

Здание было выстроено без фундамента. Оно стояло на ровной площадке, расчищенной примерно до уровня пола коридора описанной выше крепостной стены. Причем под ним

²³ В. Л. Воронина. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии, СА, 1957, № 4, стр. 90.

²⁴ В. А. Шишкин. Варахша, М., 1963, стр. 123—124.

нигде не обнаружено столь знакомого нам слоя глины с камнем. При выравнивании площадки, по-видимому, были снесены руины более древнего здания, признаком которого является кладка из крупного кирпича, обнаруженная под очагом в хозяйственном помещении. В основном же здание выстроено на завалах.

Уже эти наблюдения дают возможность установить, что описанное здание — сооружение более позднее, чем крепостная стена. Это подтверждается и керамическими материалами, найденными при расчистке здания, датированными II—III вв. н. э.

Нельзя не отметить, что длина стороны квадрата кирпича, из которого построено это здание, больше соответствующих размеров кирпича из крепостной стены, но они значительно тоньше последних. Эти наблюдения дают возможность проследить эволюцию формата сырцового кирпича, употреблявшегося в древних постройках Согда.

Раннесредневековые наслоения. В ходе работ над стратиграфическим раскопом, несмотря на фрагментарность остатков древних сооружений, все-таки можно было восстановить некоторые элементы их планировки. Средневековые сооружения сохранились значительно хуже. Удалось восстановить планировку только одного помещения раннесредневекового здания, остатки стен которого выявлены между древним зданием и средневековой городской стеной (рис. 3, кв. ЛМ—7—8). Мы его назвали помещением с камнем, так как в центре на полу здесь находился большой камень.

Здание — капитальное, толщина его глинобитных стен местами достигала 1,6 м. Уровень пола лишь на 50 см выше пола древнего здания. Под южной стеной обнаружен завал из костей крупного рогатого скота и овец (определение И. М. Громова). Керамика на всем этом участке относилась к V—VI вв., что и дало возможность датировать эти массивные остатки стен. Пол помещения выявлен достаточно четко, если считать полом довольно ровную вымостку из булыжного камня. Размер помещения — 4×2,5 м, его стены слегка скошены, проем намечается, хотя и не особенно четко, в западной стене.

В промежутке между помещением с камнем и средневековой городской стеной снят плотный завал из комков пахсы, образовавшийся, по-видимому, из обрушившихся стен здания.

Ничего конструктивного, кроме незначительных фрагментов стен, здесь не обнаружено. Немного ниже выявлена твердая поверхность с небольшими углублениями, расположенными полукругом — как бы гнезда от столбцов каркасного здания или какой-либо пристройки. Ямки (подпрямоугольные или округлые) опущены на глубину до 35 см, их диаметр 6—10 см. В западной части этот полукруг из углублений был перекрыт кладкой из сырцового кирпича размером 48×28×9—10 и 55×30×9—10 см, т. е. типичного раннесредневекового кирпича.

Для исследования наслоений, подстилавших средневековую городскую стену и пол с ямками, был заложен шурф 3 (см. план, рис. 1). Под полом обнаружены плотные глиняные завалы, местами с включением сырцового кирпича. На уровне конца XVI яруса почти по всей площади шурфа был выявлен материковый лесс. В шурфе, за исключением 2—3 фрагментов малохарактерной керамики, ничего не обнаружено.

Заложенная позднее глубинная траншея прошла по западному краю помещения с камнем и площадки с ямками. В результате выяснилось, что разделяющая их стена построена уже на прослойке с керамикой V—VII вв. и, следовательно, могла быть датирована даже более поздним временем. Однако отсутствие поздних материалов показывает, что эта стена сооружена в пределах указанного времени, а прослойка V—VII вв. была наложена непосредственно на фундамент древней крепостной стены.

Исследования показали, что древняя крепостная стена в этом месте была сброшена под обрыв в глубинной траншее, а строители здания V—VI вв. произвели полную расчистку площадки, удалив с нее все развалины. Несомненно, что постройки V—VII вв. занимали весь участок городища, раскрытый в нашем раскопе. Об этом свидетельствуют остатки стен из прямоугольного кирпича, наложенные на стены древнего здания, а также прослойки и линзы с керамическими материалами, вскрытые местами и над развалинами древней крепостной стены.

Верхние наслоения. Из более поздних средневековых наземных сооружений в пределах нашего раскопа выявлен лишь отрезок глинобитной стены (мы уже упоминали о нем), проложенный над самым обрывом к Сиабу (рис. 4, 5). Его длина — около 30 м, толщина — 4 м. В высоту стена сохранилась

до 2 м. В восточной части отрезка стены намечается башеннообразный выступ: в этом месте глинобитная кладка средневековой стены перекрывала кирпичную кладку древней крепостной стены. С внутренней стороны стена имела хорошо отслаивающуюся поверхность, с внешней — она была сильно повреждена, и ее кладка почти не отличалась от прилегающих оплывов.

В средней части вскрытого отрезка обнаружен пролом шириной 2,2 м для пропуска водоотвода, кобуры (глиняные трубы) которого были найдены к югу от пролома над площадкой с признаками каркасной стены в виде углублений от кольев (рис. 4, 5). Пол здания, к которому относилось это водоотводное сооружение, не сохранился. В результате расчистки пролома вскрыто еще одно помещение — землянка длиной 2,5 м и шириной (не считая ниши) — 1,5 м. Вход в нее был, по-видимому, с севера, со стороны обрыва в виде пандуса-лаза. Обнаружены также признаки второго водоотвода. Факт устройства землянки в проломе говорит о заброшенности стены уже в X в.: в землянке найдены фрагменты керамики IX—X вв.

В пределах нашего раскопа единственными помещениями бытового назначения последнего периода обживания данного участка городища были землянки. Они широко известны²⁵, и использование их, как свидетельствует материал, было очень разнообразным. Видимо, они служили и как кладовые, и как место для отдыха во время жары. Возможно, что некоторые из них использовались и в культовых целях: в Кандии Малой, например, упоминается «катакомба», в которой совершались моления²⁶.

Землянки дали отчетливо выраженный керамический материал конца IX и первой половины X в. О заселенности данного участка городища в этот период свидетельствует и содержимое бадрабов (очистных ям), в одном случае, с частью подведенного к нему ряда кобуров водоотвода. Одна из землянок дала материал XII—начала XIII в.

Судя по материалам раскопок и рельефу местности, вся

---

²⁵ В. Л. Вяткин. Городище Афраснаб, Ташкент, 1927, стр. 17; В. А. Шишкин. Из археологических работ на Афраснабе, «Известия УзФАН», 1940, № 12, стр. 67.

²⁶ В. Л. Вяткин. Кандия Малая, Справочная книжка Самаркандской области, вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 260.

северная часть ложины между раскопом и западной стеной городища была занята средневековым кладбищем. Погребения встречались уже на глубине 30 см от поверхности склона, что говорит о сильном выветривании, которому подвергалась исследуемая площадка за прошедшие столетия. Кости скелетов превратились в труху.

Отмечено два основных вида устройства погребений. Первый — подбойная камера типа ляхад с закладкой входа сырцовым кирпичом, поставленным наклонно на ребро, и с упором на основание, также из сырцового кирпича. Подбой обычно делался с восточной стороны. Из сырцового кирпича выкладывался и второй вид погребений типа сагона. При устройстве погребений применялся сырцовый кирпич размером 37—41×20—21×7—8 см. Встречался и жженный кирпич размером 30×16×4 см.

Костяки обычно положены головами на ССЗ, лица погребенных повернуты к западу. Руки вытянуты вдоль туловища. В одном погребении обнаружен костяк с руками, сложенными на груди.

Для антропологического исследования было взято тринадцать черепов различной сохранности. По предварительному заключению В. Я. Зезенковой, представленные краниологические материалы отражают несколько антропологических пластов в населении средневекового Самарканда. Из тринадцати черепов два определены как монголоидные и одиннадцать — как европеоидные. Из европеоидов три черепа относятся к типу Среднеазиатского междуречья с монголоидной примесью, явно выраженной на двух из них, и три — к средиземноморскому. На остальных пяти европеоидах установить более точную диагностику невозможно. Обращает на себя внимание факт незначительности монголоидного антропологического пласта.

Кладбище существовало над многослойными культурными отложениями, и поэтому, естественно, при его вскрытии найдены обломки керамических изделий почти всех нижележащих слоев. Встречались и фрагменты средневековой керамики, в основном IX—X вв. Под одним из погребений найдено разрушенное ташнау с квадратным кирпичом размером 21×21×4 см, характерным для этого времени. Из этих наблюдений следует, что кладбище существовало в более позднее время.

1.1 Комплексы археологических материалов

Основным вещественным материалом, которым были насыщены наслоения, вскрытые в раскопе, как и обычно при вскрытии городищ, являлись обломки глиняной посуды. Собрана небольшая коллекция терракотовых изображений. Другие

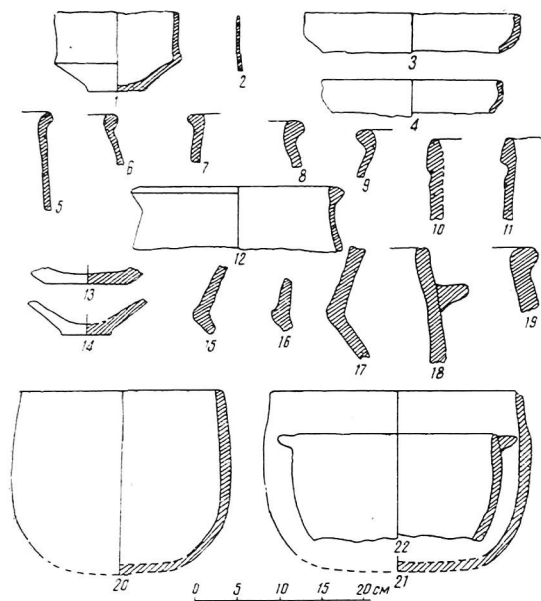

Рис. 11. Древнейший керамический комплекс (VI—V вв. до н. э.).

виды материалов — изделия из металла, стекла, камня (за исключением зернотерок и жерновов), встречались очень редко. При определении комплексов материалов и их датировок большое значение имело то обстоятельство, что в раскопе вскрыты значительные конструктивные остатки.

Комплекс древнейшего слоя. Древнейшие наслоения обнаружены только под фундаментом крепостной стены. Основной материал для характеристики этих наслоений получен в

глубинной части раскопа (рис. 2, кв. К—Л—11), севернее древнего здания (рис. 1, кв. К—Л—11). Здесь найден лишь один сосуд, который из обломков удалось восстановить почти полностью (рис. 11, 1). Сосуд коническо-цилиндрической формы; дно плоское, нижняя часть корпуса обращена вниз в виде усеченного конуса, верхняя — почти цилиндрическая, с небольшим прогибом. В месте смыкания обеих частей сосуда образовался характерный перегиб с круговым заостренным рубчиком на внешней поверхности. С внутренней стороны заметны вмятины от ручной правки, с наружной — поверхность сосуда ровная, рубчик нанесен при помощи специального приспособления — лекала. Сосуд сформован из одного куска, красноглиняный, стенки относительно толстые — 0,7—1,1 см. Снаружи верхняя (цилиндрическая) часть сосуда и перегиб покрыты желтовато-белым ангобом. Высота сосуда в сохранившейся части — 9,2 см, диаметр корпуса в месте перегиба — 16 см, дна — 7 см. К сосудам подобного типа, по-видимому, относится и небольшой фрагмент закраины (рис. 11, 2).

Обнаружены фрагменты и других сосудов с перегибом от донной части к цилиндрическому корпусу (рис. 11, 15, 16, 17). Это толстостенные сосуды грубой работы. Толщина стенок местами превышает 2 см. Они изготовлены на гончарном круге, хорошего обжига, покрыты серым ангобом.

Один из толстостенных сосудов был передан на лабораторный анализ²⁷. Выяснилось, что он изготовлен из одного куска глины (наличие перегиба давало основание предположить, что сосуд изготовлен из двух частей, составленных гончаром). Гончарная масса являлась смесью лесса и пластичной чупанатинской глины типа керамзитовой (гильмоя), в которую добавлялся пух камышовых метелок для уменьшения воздушной усадки. Высокая температура обжига (900—950°) свидетельствует о совершенной конструкции гончарной печи.

Сосуды описанного типа широко известны в научной литературе. Они датируются в широких хронологических рамках — с VII по IV в. до н. э. и связывают древнейшую куль-

---

²⁷ Лабораторный анализ некоторых образцов керамических изделий произведен в Лаборатории археологической технологии Института истории и археологии АН УзССР в 1963—1964 гг. Здесь и ниже приведены выводы из заключения Н. С. Гражданкиной (руководителя лаборатории в указанное время) о технологии представленных образцов.

туру, открытую на Афрасиабе (по А. И. Тереножкину — Афрасиаб I²⁸), с памятниками Бактрии, Маргианы и Хорезма²⁹.

Кроме коническо-цилиндрических сосудов в древнейших наложениях найдены и обломки сосудов других видов, в частности, верхние части двух сосудов с невысокими бортиками (рис. 11, 3—4), напоминающих блюда. При переходе к донышку заметна грубая подрезка. Обнаружено несколько фрагментов слабо профилированных венчиков, обрамляющих в виде широких полос устье больших толстостенных сосудов (рис. 11, 10—11). Точно такие же венчики характерны для крупных сосудов из комплекса Кабадиан I³⁰. Эта аналогия дает возможность восстановить форму сосуда — цилиндрическую, с конусной донной частью.

Горшкообразные сосуды также широкогорлые, со стенками лишь слегка наклонными внутрь (рис. 11, 6—9, 12). Донца встречались только плоские (рис. 11, 13—14).

Все отмеченные виды посуды — станковой работы и изготовлены из хорошо промешанной и обожженной глины до придания ей различных оттенков красного цвета. Внешняя сторона сосудов обычно покрывалась серым ангобом.

От хума остались лишь мелкие фрагменты отогнутого наружу венчика (рис. 11, 19). Он изготовлен из красной глины без ангоба, с применением гончарного круга. Диаметр его устья — около 50 см, стенки корпуса почти вертикальные.

Единственным видом посуды, вылепленной вручную, были котлы. В глубинной части раскопа обнаружен фрагмент толстостенного котла (рис. 11, 18) из красной глины с большой примесью толченой керамики и кварца. Ангобом покрыта только его внешняя поверхность. Стенки сосуда без венчика почти вертикальны и лишь слегка наклонены внутрь. Ручка — в виде прямого выступа, нижняя ее поверхность закопчена.

Исследуя состав глиняной массы, Н. С. Гражданкина пришла к следующему заключению: керамика лепная, масса грубая с очень большим количеством крупно-зернистой добавки — дресвы (песок или дробленый чупанатинский сланец, в небольшом количестве керамический бой). Обжиг производился

²⁸ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 155.

²⁹ См. В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, 73, М.—Л., 1959, стр. 42—44.

³⁰ В. М. Массон. Указ. соч., стр. 56, рис. 14.

при свободном доступе воздуха, температура недостаточная—500—530°, что свидетельствует об обжиге на костре. Лепка грубая, по горизонтальным бороздкам. С внутренней стороны видно, что стенки сосудов наращивались путем наложения горизонтальных полосок глины. Поверхность сосудов, хотя и заглажена, но крупные части дресвы все же проступают наружу.

Котлы с широким открытым устьем, стенки почти прямые, лишь слегка выпуклые к середине, переход к плоскому днищу закруглен (рис. 11, 20—21). Ручка в виде небольшого выступа нередко находится под самым краем устья (рис. 11, 22). Высота сосудов до 20 см, диаметр устья—до 30 см, толщина стенок наибольшая в днище и в середине корпуса—1,5 см. Подобные котлы обнаружены также в нижнем слое Муг-тепе и в Ура-Тюбе, датированном IV—II вв. до н. э. Но для определения материалов из этого комплекса исследователи привлекают и Яз-депе III (V—IV вв. до н. э.)³¹.

В глубинной части раскопа в древнейшем слое найден бронзовый наконечник стрелы. Его длина—4,9 см. Он двухперый, с почти цилиндрическим корпусом и выступающей втулкой (табл. I, 1). Подобные наконечники стрел найдены при раскопках ряда памятников Средней Азии, в частности, Яз-депе в Маргиане³², где они датированы VII—V вв. до н. э.

Из отдельных находок можно назвать еще обломок железного ножа с заостренным концом, а также камень (черный песчаник), один из закругленных углов которого был выщерблен в ходе выполнения какой-то рабочей операции. В грунте, подстилающем древнюю крепостную стену, часто встречались мелкие кусочки бирюзы и лазурита, в частности, найдена одна целая бирюзовая бусинка цилиндрической формы длиной 0,8 см и диаметром 0,5 см.

Исследованы материалы из наслоений, прикрывавших непосредственно материковый лесс—древнейших на исследуемом участке городища. Однако фрагменты описанных типов керамических изделий обнаружены в различных местах раскопа, даже в кладке средневековой городской стены. Это яв-

---

³¹ В. А. Ранов, Е. Д. Салтовская. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г., в сб. «Археологические работы в Таджикистане», вып. VII, (1959 г.), Душанбе, 1961, стр. 122.

³² В. М. Массон. Указ. соч., стр. 45—48.

ление находит свое естественное объяснение: древнейшие наслоения городища были сильно разрушены в условиях интенсивной жизни города, а насыщавшие их культурные остатки перемешались с материалами более поздних отложений.

В нашем раскопе на Афрасиабе древнейший слой выделяется стратиграфически четко. На основе приведенных данных его можно датировать VI—IV вв. до н. э.

Комплекс материалов из развалин древней крепостной стены. В данный комплекс включены материалы из наслоений, перекрывавших пол коридора, а также остатки крепостной стены. Кроме того, сюда включены некоторые находки из завалов, обнаруженных на небольшом участке, вскрытом внутри крепостных стен, причем учитывалась изрытость этого участка.

Керамики найдено немного, к тому же вся она находилась в раздробленном состоянии. Однако и в этом скудном материале выявлено несколько характерных керамических форм. Наиболее интересной является кубок относительно хорошей сохранности (рис. 12, 1). Он тонкостенный, изготовлен из глины хорошего обжига, покрыт местами отпавшим красным ангобом. Небольшая, но довольно устойчивая ножка с суженным перехватом и конусовидной полостью внутри была выполнена отдельно от корпуса. Шов загладился при вращении круга. Корпус объемистый, с полого расширяющимися внизу и с почти вертикальными стенками в его верхней части. Завершается небольшой отогнутостью краев устья. Высота сосуда — 16,3 см, диаметр устья — 14,4 см, диаметр ножки — 4,5 см.

В развалинах древней крепостной стены обнаружено множество фрагментов подобных же кубков. Один из них был передан на лабораторный анализ. По заключению Н. С. Гражданкиной, масса кубка состоит из хорошо промешанной смеси лесса и чупанатинской керамзитовой глины, с небольшим преобладанием последней. В эту смесь добавлялось немного тончайшего кварцевого песка и пуха. Ангоб приготавливался из темно-красной железистой глины, по-видимому, без добавления лесса и, следовательно, с более сильным коэффициентом усадки, чем и объясняется относительная непрочность ангоба. Лощение производилось по направлению движения круга. Температура обжига доходила до 950°.

Кубки как одна из наиболее характерных керамических форм имеют большое значение для датировки стены, в раз-

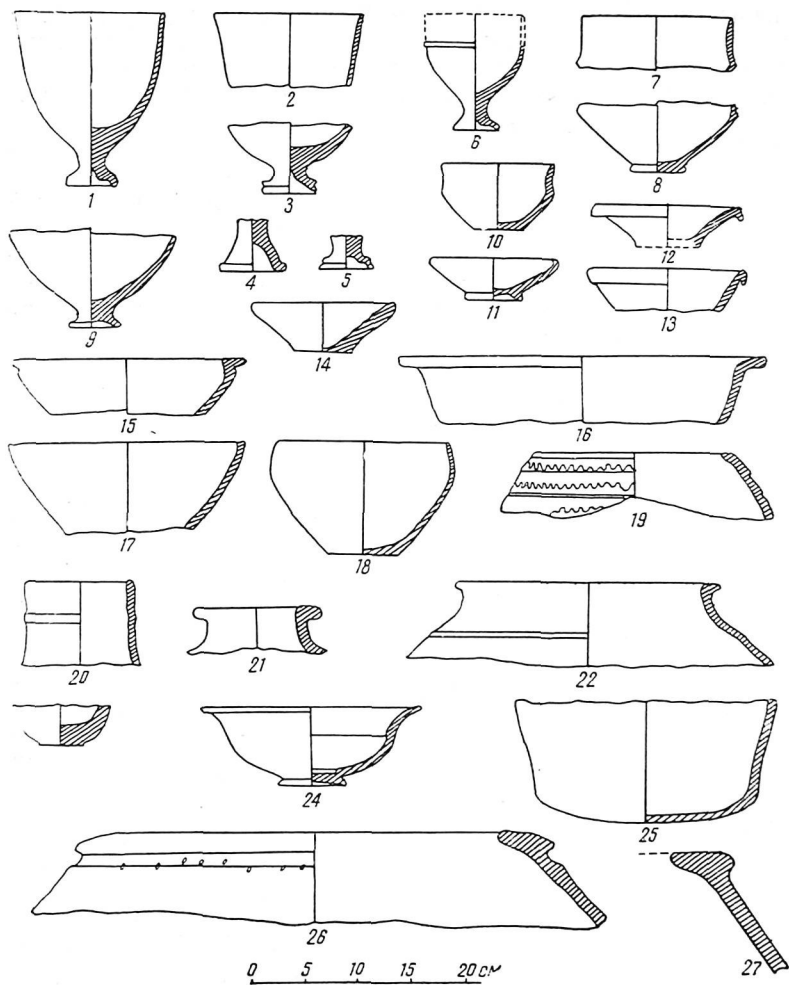

Рис. 12. Керамический комплекс из развалин древней крепостной стены (III—I вв. до н. э.).

валинах которой они были найдены. Однако, как уже указывалось, они характерны для наслоений памятников, датированных с III—II вв. до н. э. и до III в. н. э. Описанный кубок можно отнести к древнейшему виду этого типа сосудов³³.

Другие кубки в рассматриваемом нами комплексе найдены лишь в мелких фрагментах (рис. 12, 2—6, 9), некоторые из них имеют поясок-валик в середине корпуса (рис. 12, 6). Все кубки выполнены в высокой гончарной технике, они тонкостенные, покрыты плотным красным ангобом, иногда с признаками лощения.

В фрагментах найдены и тонкостенные сосуды несколько иного вида, называемые в археологической литературе иногда кубками, иногда чашами. Их отличает характерная особенность корпуса: нижняя часть этих сосудов изготовлена в виде усеченного конуса, верхняя — в виде широкой цилиндрической полоски. В месте соединения обеих частей корпуса образуется коленчатый перегиб. Иногда он имеет характерный выступ на перегибе (рис. 12, 7—8) — это наиболее древние из них. Эти сосуды отличаются от описанных кубков еще и тем, что диаметр их устья почти всегда больше их высоты.

В дальнейшем мы будем называть кубками сосуды, диаметр которых меньше их высоты, чашами — сосуды с обратным соотношением размеров. Следует отметить, что сосуды рассматриваемых видов очень разнообразны, однако кубки, как правило, выше чаш, но бывают исключения, хотя и довольно редко.

Как и кубки, коническо-цилиндрические чаши выполнялись в хорошей гончарной технике. Они изготавливались также из пластичной глины с примесью лесса и добавлением растительного пуха. Ангоб наносился погружением в высокожелезистую глину без лесса, но коэффициент расширения был обычно согласован: ангоб прочный, темно-красного цвета. Температура обжига 900—950°.

Часто встречались и фрагменты сосудов типа блюдецек (рис. 12, 11—13) с загнутыми внутрь краями или с венчиком, резко профилированным наружу. Характерна миска (рис. 12, 24 и табл. I, 10) из хорошо обожженной глины, покрытая светло-красным ангобом. Сосуд на невысоком поддоне с

---

³³ Мы не имеем в виду более ранние кубки, найденные в 1957—1968 гг. и выполненные в другой гончарной технике.

плавно расширяющимися вверх стенками и заметным перегибом внутри, выше которого стенки принимают вид отлогого валика, обрамляющего устье сосуда. С внутренней стороны в центре доньшка сделано углубление с вертикальными стенками; с таким же углублением часто встречались и отмеченные выше блюдечки. Высота миски — 7 см, диаметр устья — 20 см.

Сосуды типа мисок (рис. 12, 15—17) отличаются большим разнообразием венчиков: некоторые из них имеют ровную верхнюю поверхность, профилированные наружу, другие — с отогнутыми краями стенок. Встречаются и почти совсем без венчика с желобком на верхнем срезе. Своеобразны банкообразные сосуды без поддона, с закругленными в разрезе стенками и слегка суженными в устье (рис. 12, 18, табл. I, 8—9). Подобные сосуды А. И. Тереножкин относит к слою Афрасиаб II, датированному IV—III вв. до н. э.³⁴ По нашим данным этот слой относится к III в. до н. э.

В комплексе несколько необычным выглядит фрагмент сосуда с суженным устьем (рис. 12, 19), чуть заметным венчиком и закругленной верхней частью корпуса. Он украшен волнистыми линиями, нанесенными, судя по неровностям, при медленном вращении круга очень неуверенной рукой. Орнамент в виде волнистых линий получил широкое распространение со II в. до н. э. в условиях ремесленного производства на рынок³⁵.

Узкогорлые сосуды представлены лишь мелкими фрагментами. Так, характерен фрагмент кувшина с сильно профилированным венчиком и коротким горлышком (рис. 12, 21). В изломе заметно, что венчик и внешняя часть стенки горлышка изготовлялись из отдельных полосок глины. Кувшин ангобирован плотным серым ангобом. Другой узкогорлый сосуд, покрытый красным ангобом, отличается тонкостенностью и наличием валика на поверхности примерно в середине горловины (рис. 12, 20).

Некоторые виды толстостенных сосудов имели характерный валик, отделяющий шейку от корпуса (рис. 12, 22). В забивке проема, раскрытого в западном секторе крепостной стены, обнаружено слегка закругленное, гладкое днище круп-

³⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 156, рис. 69.

³⁵ С. К. Кабанов. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе, ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 51—52.

ного сосуда (рис. 12, 25). Оно, по-видимому, изготавливалось отдельно в форме и уже потом скреплялось с корпусом. Встречались и шероховатые днища с отпечатком грубой подстилки. Хумы станковой работы покрывались серым ангобом. Их характерной особенностью является закругленность верхней части корпуса, стенки которого завершены уплощенным венчиком с ложбинкой под ним (рис. 12, 26—27). Керамический комплекс, взятый на уровне развалин древней крепостной стены, позволяет ориентировочно датировать его III—I вв. до н. э.

К описанному комплексу можно отнести и терракотовое изображение обнаженной женщины (табл. II, 2) с руками в виде накладных полосок. Правая ее рука согнута в локте, кисть сливается с грудью, левая — опущена вниз. Ноги изваяны лишь до колен. Изображение головы не сохранилось. Терракота из красной глины, покрыта темно-красным ангобом, Лицевая сторона сформована с помощью штампа, обратная — грубо срезана ножом, высота сохранившейся части — 6,2 см. Терракоты подобного рода широко известны в коропластике Средней Азии. Они относятся к изображениям богини-матери и датируются III—II вв. до н. э.³⁶

В наслоениях, перекрывавших древнюю крепостную стену, найдено несколько терракотовых изображений животных. Относительно хорошо сохранилась зооморфная ручка сосуда. Верхняя плоскость навершия разработана в виде головы быка с глазами, нанесенным полым стерженьком, и ноздрями — заостренной палочкой. Выделяются массивные рога. Обжиг изделия хороший, сосуд покрыт плотным красным ангобом, частично отслоившимся. Найдено также стилизованное изображение джейрана, показанного в беге, с обрубок рогов, примитивная, грубо слепленная собака.

Из других находок (помимо керамических) к уровню древних крепостных стен можно отнести лишь два бронзовых наконечника стрел и две бусинки. Один из наконечников — хорошей сохранности, трехперый, с выступающей втулкой (табл. I, 2). Он похож на некоторые наконечники стрел, найденные на хорезмском памятнике Кюзелигыр³⁷. С. П. Тол-

³⁶ В. А. Мешкерис. Терракоты Самаркандского музея, Л., 1962, стр. 18—19, табл. 1, 5.

³⁷ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 98, рис. 44, 5.

стов датирует их VI—V вв. до н. э. Однако известно, что трехперые бронзовые наконечники стрел в Средней Азии встречаются и в наслоениях III—II вв. до н. э.³⁸ Именно к этому времени относится и наша находка. Впрочем, не исключено, что этот наконечник мог быть перемещенным поверх стены из более древних наслоений.

Второй наконечник стрелы, найденный в закладке проема стены, менее характерен: он с отломанной втулкой, почти треугольный в сечении (табл. I, 3)³⁹.

На полу коридора, в его западном секторе, найдена агатовая бусинка крупного размера (длина 4,1 см, диаметр — 1,8 см). Ее форма напоминает цилиндр со слегка суженными концами (табл. I, 7). Тщательно отполированная бусинка похожа на крупнейшую из найденных на Фархадстрое⁴⁰.

Вторая бусинка найдена в закладке проема в западном отрезке стены. Она из сердолика. По форме — это пятигранник с плоскими срезами с обеих сторон (табл. I, 6).

Комплекс из завалов, подстилающих древнее здание. Пол древнего здания хорошо сохранился почти во всех помещениях. Он разделяет наслоения двух периодов в обживании данного участка городища.

³⁸ В. М. М а с с о н. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 47.

³⁹ Данная работа находилась уже в печати, когда была опубликована статья А. И. Тереножкина «Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда» (СА, 1972, № 3), в которой эти наконечники стрел датируются концом VI — первой половиной V в. до н. э. На этом основании А. И. Тереножкин относит известную нам крепостную стену к V в. до н. э.

На наш взгляд, описанный выше комплекс материалов не позволяет столь сильно углублять датировку стены. Об этом свидетельствуют кирпичи со знаками, которые в Средней Азии известны только с III в. до н. э. Кроме того и сама датировка наконечников стрел указанного типа узким отрезком времени (немногим более полустолетия) вызывает сомнения. Мы склонны поддержать в этом вопросе И. Н. Медведскую (СА, 1972, № 3, стр. 85), пришедшую к выводу, что тип наконечника почти не меняется в течение двух-трех веков.

⁴⁰ С. К. К а б а н о в. Археологические находки на Фархадстрое, «Известия АН УзССР», 1948, № 5, стр. 74—75.

На Фархадстрое бусы мы получили от частного лица, поэтому какие-либо стратиграфические данные для их датировки отсутствовали. Они были ориентировочно датированы I—II вв. н. э. Однако находка крупной агатовой бусины, обнаруженной в отложениях, которые могли образоваться не позднее I в. до н. э., дает возможность датировать весь комплекс находок на Фархадстрое более ранним временем — III—I вв. до н. э.

С целью выявления подстилающих здание наслоений было заложено три шурфа и снята сплошная полоса грунта вдоль восточной стены хозяйственных помещений (рис. 2, черт. 1, кв. Ф—III—11). Выявлены завалы с довольно большим количеством керамических изделий. Установлено, что преобладающим видом посуды являлись чаши, самые разнообразные по своим формам. Наблюдаются некоторые различия в качестве изготовления посуды. В данном комплексе хорошо представлены коническо-цилиндрические чаши. Одна из них найдена в обломках в нижних слоях завала (рис. 13, 1). Она хорошего обжига, покрыта плотным красным ангобом с темноватым оттенком в нижней части корпуса. Различия в цвете ангоба показывают, что при обжиге в гончарной печи чаши укладывались устьями вниз одна на другую, а широкая верхняя сторона сосуда оставалась открытой. Неодинаковые условия обжига и являлись причиной различия в цвете ангоба на одном и том же сосуде⁴¹.

Поверхность описываемого сосуда тщательно сглажена. Она матового оттенка, но без лощения. Чаша на невысоком поддоне, с почти прямыми, расходящимися от доньшка стенками, перегнутыми к вертикали в верхней части корпуса. Место перегиба с внешней стороны отмечено характерным рубчиком. Форма сосуда с перегибом корпуса отражает преемственность древней традиции, на что обратил внимание А. И. Тереножкин⁴², хотя технические возможности гончарного дела заметно повысились. Это видно из значительно большей тонкостенности описанного сосуда в сравнении с похожим сосудом из комплекса Афрасиаб I.

Данный сосуд изготовлен на ножном круге быстрого вращения, высота описанной чаши — 13 см, диаметр устья — 16 см, диаметр дна — 5,3 см, толщина стены в середине корпуса — 0,5 см.

В форме чаш с перегибом корпуса уже отмечаются некоторые различия. Найден всего один фрагмент сосуда этого вида, но относительно меньшего, более толстостенного и с закругленным перегибом корпуса (рис. 13, 2). Ножки этих сосудов обычно сложной моделировки, ступенчатые, с вые-

⁴¹ Л. М. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва, ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 44—45.

⁴² А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 156.

мом на нижней поверхности (рис. 13, 3—5). Сравнительно с комплексом, взятым в развалинах древней крепостной стены,

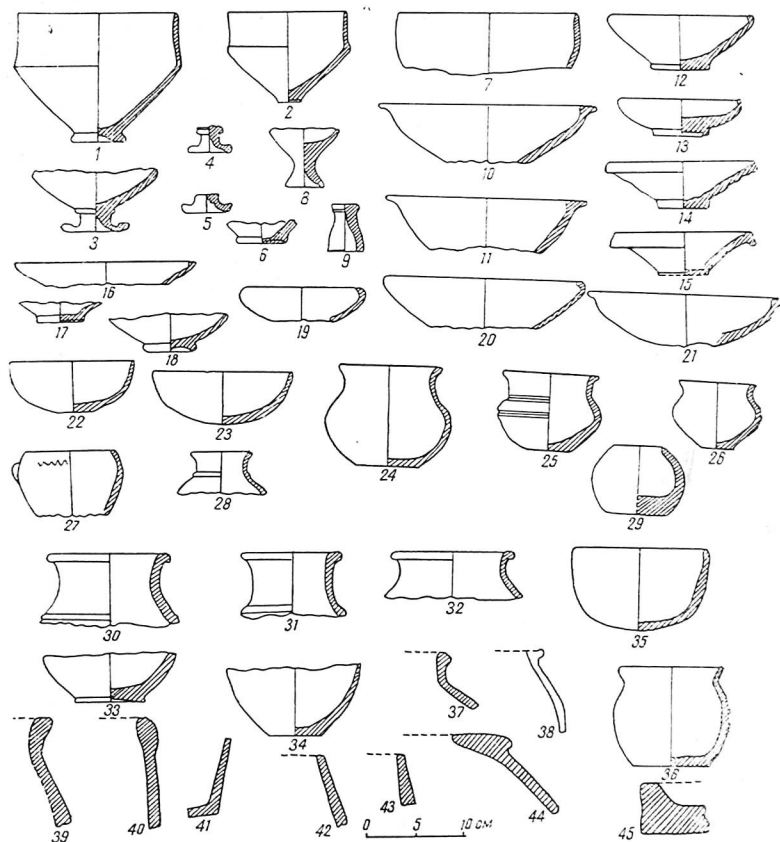

Рис. 13. Комплекс из завалов, подстилающих древнее здание (III—I вв до н. э.).

здесь найдено незначительное число фрагментов кубков (рис. 13, 7—9).

Описанная коническо-цилиндрическая чаша позволила ориентировочно датировать весь комплекс, в котором она

взята, поскольку чаши этого вида широко известны в археологии Средней Азии. Правда, следует отметить, что, как и кубки (бокалы), эта керамическая форма была широко распространена на протяжении довольно длительного времени и подверглась большим изменениям.

На Афраснабе А. И. Тереножкин выявил два подвиды чаш с перегибом корпуса. Один из них более древний, вытянутый в высоту (диаметр устья лишь слегка превышает его высоту), датируется III—II вв. до н. э.⁴³ Другой — с коленчатым перегибом корпуса, более приземистый. Он датируется II—I вв. до н. э.⁴⁴ Описанная чаша из раскопа 6 по технике изготовления и по соотношению размеров высоты и диаметра устья близка к более древнему виду этих сосудов.

В данном комплексе более разнообразными и многочисленными, чем в керамике из развалин древней крепостной стены, были небольшие сосуды, которые мы условно назвали блюдцами или блюдами, в зависимости от их размеров. Из небольших сосудов обращают на себя внимание относительно толстостенные, вылепленные из глины различных оттенков красного и светло-желтого цветов, покрытые серым ангобом. Сосуды эти на невысоком поддоне, с выемом или без выема на нижней поверхности. Стенки прямые, редко слегка закругленные, очень пологие, завершаются или загибом внутрь (рис. 13, 12—13), или же они отогнуты наружу (рис. 13, 15). Иногда в центре доньшка делалось круглое с вертикальными стенками углубление, окруженное валиком. Сосуды этого типа известны по всему эллинистическому Востоку от берегов Средиземного и Черного морей до отрогов Памира. Они датируются III—II вв. до н. э.⁴⁵

Сосуды, типологически тяготеющие к описанным, отличаются тонкостенностью. Обычно они красноглиняные, с плотным красным или черным ангобом, а иногда с признаками лощения. Встречаются и сероглиняные, хотя и очень редко. Венчики профилированы наружу (рис. 13, 10—11) или загнуты внутрь (рис. 13, 16, 20).

---

⁴³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 156, рис. 69, IV, I.

⁴⁴ Там же, рис. 69, V.

⁴⁵ С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афраснаб, стр. 189—190.

В хорошей гончарной технике выполнены сосуды с маленьким плоским донышком в виде чуть заметного среза, или же с закругленным дном (рис. 13, 22—23).

В завалах, подстилающих древнее здание, найдена целая серия миниатюрных сосудов, разнообразных по своей форме (рис. 13, 24—29), преимущественно типа горшочков. Миниатюрные сосуды широко известны в археологической литературе⁴⁶. Отметим сосудик с широким устьем и слабо изогнутыми в разрезе стенками (рис. 13, 27). Поверхность немного загнутого внутрь края устья украшена ровной насечкой. Ниже помещен орнамент в виде ломаной линии, нанесенной от руки без вращения круга. Эта ломаная линия прервана наклепом, изображающим лицо женщины или юноши (табл. II, 1).

Кувшины сохранились лишь в мелких фрагментах, их венчики профилированы наружу, горловины — короткие (рис. 13, 30—32). Наиболее характерный для них признак — валик у основания горловины. Ручки — пластинчатые, с ложбинкой в середине на внешней поверхности. Днища плоские, иногда с поддоном (рис. 13, 33—34). Поверхность кувшинов покрывалась преимущественно красным ангобом.

Толстостенные сосуды других видов также найдены лишь в мелких фрагментах (рис. 13, 37—41). Они в основном хорошей техники изготовления, в особенности крупные сосуды, покрытые черным ангобом, с плоскими днищами и круто поставленными стенками нижней части корпуса (рис. 13, 41).

Хумы обычно изготовлялись на гончарном круге, хорошо обжигались и покрывались серым ангобом. На вогнутый внутрь край устья сосуда накладывался уплощенный венчик с выступом наружу (рис. 13, 44).

Реже встречалась керамика лепной работы. Это главным образом фрагменты котлов, из которых один небольшой сосуд (его высота — 10,4 см, диаметр корпуса — 11,4 см) найден почти целым. Он имеет плоское дно и боченкообразный корпус, со слегка отогнутыми краями устья (рис. 13, 36). Более крупные котлы встречались лишь в мелких фрагментах (рис. 13, 42, 43). Они почти прямые с наклоном во внутрь.

Котлы изготовлялись из глины с дробленным чупанатинским кварцем, окрашивались в черный или темно-красный

---

⁴⁶ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, ТХАЭЭ, IV; Керамика Хорезма, М., 1959, стр. 117—123.

цвета. Температура обжига была не выше 750°. Такую температуру, как отмечала Н. С. Гражданкина, можно получить даже при костровом обжиге. Но в данном случае не исключена возможность обжига в печах весьма несовершенной конструкции.

Найдена одна чаша лепной работы. Она полусферической формы (рис. 13, 35), изготовлена из красной глины с примесью дресвы. Внешняя поверхность чаши ровная, тщательно заглаженная. Судя по намечающемуся шву между загнутыми краями дна и бортиком, обе части этого сосуда сделаны по отдельности, а затем слеплены вместе, причем весь процесс изготовления велся при помощи формы-футляра, которым охватывалась донная часть. Высота чаши 8,5 см, диаметр устья — 15,5 см, толщина стенок до 1 см.

Мы уже отмечали чаши с закругленными донцами станковой работы. Это были тонкостенные сосуды хорошей техники, что вполне соответствовало комплексу, в котором они найдены. Однако описываемый сосуд выпадает из комплекса как по своей технике изготовления, так и по форме. Возможно, он попал сюда из кочевнической среды, где, как показывают наблюдения, круглодонные сосуды лепной работы являлись обычными⁴⁷. Полусферическая форма чаш встречается и в памятниках, оставленных земледельческими народами. Обычно они выполнены в хорошей гончарной технике⁴⁸.

К описанному комплексу можно отнести и мустахару (дорожную флягу) хорошей сохранности, найденную ниже уровня пола здания в нижнем раскопе. Мустахара сделана из хорошо обожженной глины и покрыта плотным красным ангобом. Сосуд округлый (диаметр 21,5 см, толщина 16 см, высота 25 см), со слегка уплощенной внутренней стороной, узким горлышком и проушными удлиненными ручками. Обе его стороны украшены концентрическими ложбинками. По форме данная мустахара близка к сосудам этого вида, найденным в нижних слоях Кой-Крылган-калы, датированных IV—II вв. до н. э.⁴⁹

⁴⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26, М.—Л., 1952, стр. 53—60; К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или, Алма-Ата, 1963, табл. IV—V.

⁴⁸ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда, МИА, 15, М.—Л., 1950, стр. 166—167; Л. М. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва, ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 57—58.

⁴⁹ М. Г. Воробьева. Указ. соч., стр. 90, 99, рис. 12, 26—27.

Мы уже упоминали об антропоморфном налепе на сосуде. В восточной части раскопа найден еще один налеп, возможно, ритон, по-видимому, относящийся также к первым векам до н. э. Это голова женщины с уплощенным лицом (табл. II, 3), удлинёнными глазами, небольшим носом и узким ртом. Уши закрывает сложная прическа с украшениями. Сосуд выполнен из глины хорошего обжига, ангоб светло-серого цвета. Высота фрагмента сосуда — 8 см.

Под полом древнего здания обнаружены два плохо сохранившихся бронзовых наконечника стрел — трехлопастных, типа описанных выше и, следовательно, относящихся также к III—II вв. до н. э. (табл. I, 4—5).

На основании приведенных материалов можно заключить, что завалы, на которых построено здание, датируются III—I вв. до н. э.

Керамика из развалин древнего здания. Керамический комплекс, взятый в завалах, заполнявших помещения древнего здания, позволяет установить значительные изменения, которые произошли как в технике гончарного производства, так и в формах сосудов в сравнении с гончарными изделиями из развалин древней крепостной стены. Заметную эволюцию претерпели сосуды, названные коническо-цилиндрическими чашами. Их стенки стали более утолщенными, черепок — красноватого цвета, рыхловатый, с примесью известковых включений; ангоб — непрочный, темно-коричневых оттенков. Сосуды приземистые (рис. 14, 1), нижняя часть корпуса слегка закруглена. По соотношению высоты и диаметра устья эти сосуды очень похожи на чаши из Мерва, датированные I в. до н. э. — I в. н. э.⁵⁰, но, по-видимому, качество их изготовления было гораздо выше.

В завале, заполнявшем помещение с очагом, был найден рюмкообразный, вытянутый в высоту кубок (рис. 14, 2), что отличало его от кубка, обнаруженного в развалинах древней крепостной стены. Высота кубка — 16,7 см, диаметр устья — 10,5 см. Он на полой цилиндрической ножке, с перехватом. Обжиг хороший, черепок звонкий, розового цвета, кубок снаружи и внутри покрыт черным ангобом, причем если он

---

⁵⁰ Л. М. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва, стр. 60. рис. 6, 7—8.

хорошо сохранился внутри, — лежал плотным слоем с глянце-
цевым оттенком, то снаружи весь вытерся и отпал.

Ранее на Афрасиабе подобные кубки находили при рас-
копках А. И. Тереножкина. Они датировались им II—I вв.

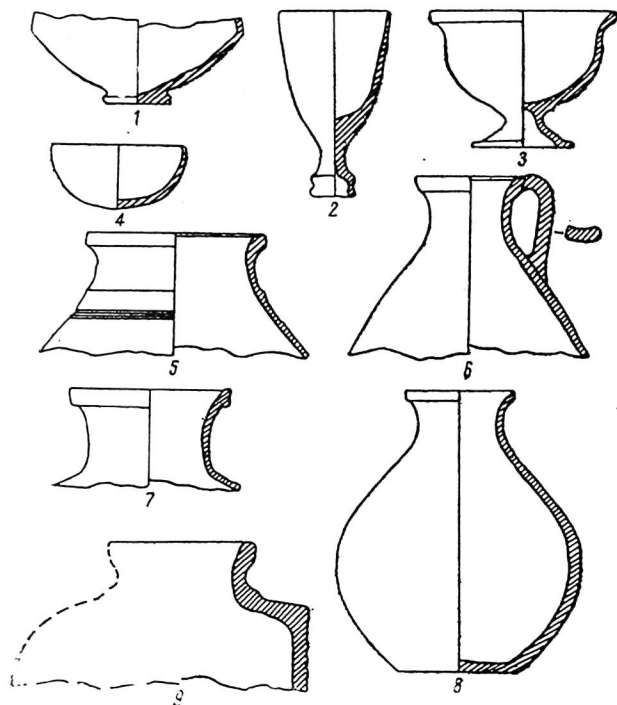

Рис. 14. Комплекс из развалин древнего здания (II—
III вв. н. э.).

до н. э. (Афрасиаб IV)⁵¹ Однако есть основания датиро-
вать их более поздним временем.

В завале, заполнявшем алов-хона, найдена чаша очень
своеобразной формы, напоминающая вазу на невысокой фи-
гурной ножке (рис. 14, 3). Чаша эта из красноватой глины,

⁵¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, V, 1—2, 8.

покрыта розовым ангобом, за исключением узкой полоски вдоль края внутри и широкой — снаружи, где ангоб различных оттенков темно-красного и коричневого цветов. Ножка сосуда по форме колоколообразная, внутри полая, изготовлена отдельно и затем довольно грубо прилеплена к корпусу. Высота сосуда — 12,4 см, диаметр устья — 20 см.

Как и в комплексе подстилающих здание завалов, здесь выявлена уплощенная чаша с закругленным дном (рис. 14, 4), изготовленная на гончарном круге, но с бугристой поверхностью в донной части от правки сосуда пальцами. Сосуд внутри покрыт серым ангобом с потеками черного цвета. Его высота — 5 см, диаметр устья — 11,5 см.

Обнаружены фрагменты двух кувшинов. Один из них дает возможность восстановить форму верхней части сосуда. Кувшин узкогорлый, с относительно удлиненной шейкой, профилированным наружу венчиком, со скошенным внутрь верхним срезом и с очень крутыми плечиками (рис. 14, б). Ручка пластинчатая, короткая, прикреплена верхним краем к венчику. Глина серовато-желтая, ангоб серый. Поверх него на шейку, а местами и на корпус, нанесен еще и черный ангоб, от которого остались лишь следы.

Второй кувшин более крупный и более широкогорлый (рис. 14, 5). Характерен его венчик в виде обруча с закруглением внизу. Плечики пологие, признаков ручки не видно. Вся сохранившаяся часть снаружи, сверху и внутри покрыта темно-красным, почти черным, ангобом.

В помещении с очагом найдены фрагменты узкогорлого сосуда с профилированным наружу венчиком. Короткая шейка плавно переходит в шаровидный корпус с небольшим дном (рис. 14, 8). Глина хорошего обжига, ангоб — серый. Шейка и верхняя часть корпуса покрыты поверх ангоба еще и черной краской с потеками и пятнами по корпусу (табл. I, 11). Высота сосуда — 25 см, ширина устья — 10 см, корпуса — 21 см.

Из толстостенных сосудов следует отметить и фрагмент большой выючной фляги — мустахары (рис. 14, 9). Одна из боковых поверхностей этого сосуда плоская, а горловина — широкая, в отличие от более древних сосудов этого же вида с узким горлышком и сфероидальными боковыми сторонами. Сосуд покрыт серым ангобом, наложенным весьма неравномерно. Обжиг высокого качества. Подобные сосуды были

найлены в одном из погребений близ Ширин-сая, ориентировочно датированного II—III вв.⁵²

В хозяйственном помещении собрано довольно много подвесок, необожженных, грубо слепленных из глины, различных по размеру и весу; диаметр их — до 13 см, толщина — 4,5 см. Подвески чаще всего круглые, в виде лепешек, но встречаются и пирамидальные, высотой до 7 см. На одной из подвесок был оттиск штампа с зооморфным (?) изображением. Видимо, эти подвески применялись в ткацком деле.

Найденное в помещении с суфами⁵³ изображение богини-матери (табл. II, 4) сильно истерто с лицевой стороны. Похоже, что эта терракота долгое время лежала в потоке, но, конечно, ее заглаженность нельзя объяснить только действием воды. Имея в виду, что терракота обнаружена в помещении с суфами, примыкающем к алов-хона, можно предположить, что она изгладилась при выполнении ритуала обращения молящихся к богине-матери.

Вторая терракота была найдена в самом помещении с очагом (алов-хона). Собственно, сохранилось лишь изображение головы мужчины с удлинненным лицом, которому придано слегка саркастическое выражение (табл. II, 5). Большой орлиный нос сросся с переносьем, рот плотно сжат, слегка скошен, косые складки щек асимметричны, развитый подбородок, глаза отчетливо моделированы, лоб почти весь закрыт нависающими складками головного убора. Шея относительно высокая, соразмерно массивная. Высота терракоты — 4 см. Глина красная с небольшой примесью тончайшего песка, ангоб не наносился.

Обе описанные терракоты относятся к комплексу древнего здания. Этого нельзя сказать по отношению к третьей терракоте, найденной на уровне разрушенной кладки стен. Она изображает голову юноши с удлинненным асимметричным лицом (табл. II, 6). Характерны глубоко запавшие глаза с расширенными зрачками, придающие лицу трагическое выражение. Это впечатление усиливает искривленный, как бы в плаче, рот. Нос прямой, головной убор в виде покрывала.

---

⁵² В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане, СА, М.—Л., 1952, стр. 342, 354.

⁵³ С. И. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афраснаб, стр. 191—192.

Терракота выполнена из розовой глины и сплошь покрыта серым ангобом. Сохранилась в высоту на 3,7 см.

Суммируем различия в признаках, отличающих комплекс древнего здания от материалов более ранних наслоений. Ниже стало качество глиняной массы, хуже ее приготовление и обжиг. Почти не встречается плотный красный ангоб, тем более с лощением, покрытие сосудов шероховатое, ангоб — рыхлый, в большинстве случаев серый. Отмечается новый прием в ангобировании: поверх нижнего слоя ангоба, обычно серого, накладывается второй, очень небрежно, с потеками по всей поверхности, преимущественно на верхнюю часть сосуда. Второй слой ангоба чаще всего окрашен в темно-коричневый цвет, что объясняется условиями обжига в восстановительной среде, но встречается и красный ангоб с потеками.

Изменения в форме сосудов удалось проследить в немногих случаях, но они также достаточно показательны. Кубки стали более вытянутыми, для ножек характерна цилиндрическая форма. Однако более важным и показательным является изменение соотношения высоты и диаметра устья у сосудов этого вида. Сохранились и чаши с коленчатым перегибом корпуса, но они стали более приземистыми. Исчез характерный для древних сосудов этого вида рубчик на месте перегиба — его стали делать без резко выраженного угла, с закруглением.

В пласте над полом здания не обнаружено характерных блюдец, очень распространенных в нижнем слое. Изменилась и форма кувшинов — они приобрели удлиненное горлышко.

Отмеченные изменения в технике изготовления сосудов и в их форме свидетельствуют о том, что исследуемое здание не сразу сооружалось на древних отвалах. До его постройки данное место пустовало некоторое время, в течение которого и произошли указанные перемены. Как велик этот промежуток времени — установить не удалось. Но если взять за основу мнение о том, что наиболее поздние материалы, найденные под зданием, датируются I в. до н. э., то время его постройки можно отнести к концу I в. н.э. (не ранее), а обнаруженный в нем комплекс датировать II—III вв. н. э.

Комплекс III—IV вв. В восточной части раскопа, над северным сектором коридора (в X—XII ярусах) вскрыта

довольно большая яма, заполненная битой керамикой. Эта керамика близка к комплексу древнего здания, но она еще более толстостенная и грубой работы. Уровень устья этой ямы исключает предположение, что она имеет какое-либо отношение к древнему зданию. Несомненно, яма возникла позднее, в III—IV вв. В ней найдены фрагменты сосудов, аналогичные находкам в северном помещении, расположенном выше уровня древнего здания.

В яме было много обломков чаш с перегибом корпуса. Среди них встречались почти целые сосуды. Найденные здесь чаши относительно толстостенные, они изготовлены из плохо промешанной и слабо обожженной глины. Ангоб преимущественно темно-коричневый, непрочный, часто почти весь отслоившийся, но встречаются и сосуды с прочным красным ангобом.

Обнаружена почти целая чаша из глины различных оттенков бледно-желтого цвета, покрытая серым ангобом. Она на невысоком поддоне, стенки покрыты серым ангобом, в нижней части — пологие, а в верхней, цилиндрической — слегка наклоненные во внутрь (рис. 15, 1). Перегиб корпуса плавный, с закруглением, переход конической части в цилиндрическую довольно отчетливый. Высота сосуда — 11,2 см, диаметр устья — 19 см.

Несколько иные пропорции у другого сосуда (рис. 15, 2). Он более вытянут в высоту. Чаша изготовлена из светло-желтой глины, покрытой черным ангобом, в значительной части ангоб отслоился. Сосуд имеет невысокую ножку с выемом на нижней поверхности. Переход от конической части к цилиндрической совершен с еще большим закруглением. Высота сосуда 10,3 см, диаметр устья — 14 см.

Несколько иной вид имели чаши или вазы, от которых сохранились ножки с нижними частями корпуса, отличающиеся своей закругленностью. Намечается переход к отлогому краю устья (рис. 15, 19—20).

Своеобразен сосуд на невысоком поддоне с отлогими стенками, завершающимися почти вертикальным бортиком без венчика (рис. 15, 5). По-видимому, это стянутая форма коническо-цилиндрических чаш. Сосуд из красной глины, покрыт снаружи беловатым ангобом. Его высота — 7,8 см, диаметр устья — 22 см. Там же найден аналогичный по форме миниатюрный сосудик (рис. 15, 6).

К описываемому комплексу относятся и крышки крупных сосудов, напоминающие опрокинутые неустойчивые чаши с почти прямыми стенками (рис. 15, 8). Они делались из крас-

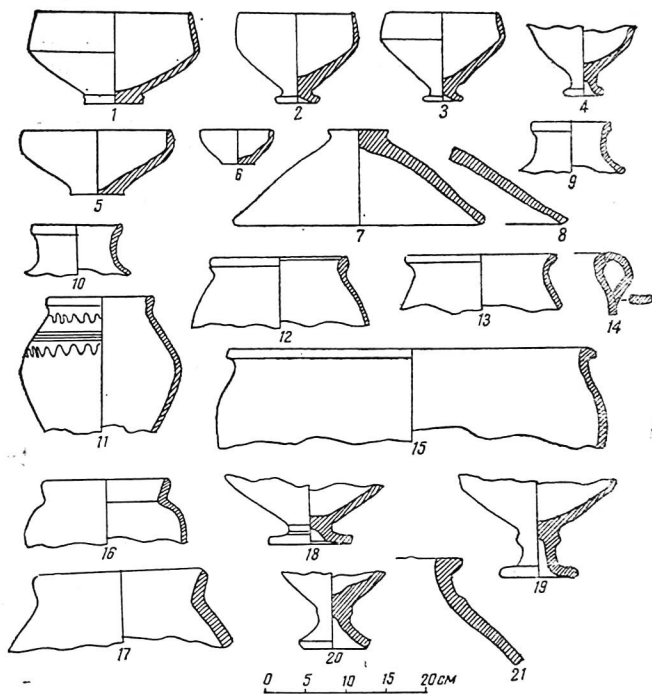

Рис. 15. Керамический комплекс III—IV вв.

ной глины и покрывались беловатым ангобом. А. И. Тереножкин относит эти изделия к рубежу н. э.⁵⁴

Мы можем восстановить лишь форму горлышек кувшинов (рис. 15, 9—10). Они завершены профилированными наружу подтреугольными в срезе довольно узкими венчиками. Кувшины покрывались серым ангобом, иногда на него накладывался черный ангоб.

⁵⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 157, рис. 69, VI, 7.

Разнообразную форму имели толстостенные сосуды типа горшков, макитр. Наиболее характерен широкогорлый сосуд (рис. 15, 11) из красной глины, покрытый плотным красным ангобом, сильно потертым при использовании. У него округлый, слабо профилированный наружу венчик, крутые плечики, украшенные двумя круговыми волнистыми линиями, разделенными ложбинками. Интересен и другой красноангобированный сосуд с заостренным верхним угловком венчика (рис. 15, 12). Найден также фрагмент сосуда с закругленным венчиком (рис. 15, 13), покрытый серым, а сверху черным ангобом.

Подобное двойное покрытие ангобом часто применялось для крупных широкогорлых сосудов (рис. 15, 14—15).

Котлы делались вручную из жаростойкой массы с примесью дробленого камня (дресвы). Они имели круглый в разрезе корпус и слегка отогнутый наружу край устья (рис. 15, 16—17).

В северном помещении был найден фрагмент сосуда на высокой ножке (рис. 15, 18) из того же жаростойкого материала, но станковой работы. Сверху он покрыт розовым ангобом; поверхность сохранившегося доньшка носит следы воздействия огня. По-видимому, это была курильница.

Важным признаком комплекса, хоть и негативным, является отсутствие в нем кубков: здесь не было найдено ни одного фрагмента этого вида посуды, столь распространенного ранее.

К описанному комплексу можно отнести и терракотовое изображение мужчины с круглой головой и несоразмерно тонким туловищем (табл. III, 1). Лицо европеоидного типа, широкое, с большими, четко моделированными глазами, чуть намеченным ртом и развитым подбородком, сливающимся с полными щеками. Нос сбит, но видно, что он не был крупным. Головной убор, видимо, отсутствовал; короткие волосы не прикрывают ушей. Туловище в виде стерженька, в срезе почти круглое. Руки и нижняя часть туловища срезаны до обжига. Терракота выполнена из розовой глины и покрыта серым ангобом, а поверх него — потеками и пятнами черного цвета. Лицо изваяно с помощью штампа, туловище слеплено от руки. Высота — 6,6 см. Терракота найдена в перемещенных наслоениях. Ориентируясь по покрытию черным ангобом внаброс, ее можно датировать III—IV вв.

Следует отметить несколько изображений животных, которые также можно отнести к описанному комплексу: стилизованная голова коня, покрытая красным ангобом, верблюд с

Таблица III. Терракотовые изображения IV—VIII вв.

лапой обезьяны на спине, голова коня с уздечкой, наконец, изображение джейрана. Почти все эти изображения обнаружены в перемешанном грунте и их датировка весьма условна.

Зернотерки встречались только в фрагментах. Это — продолговатые камни преимущественно из серого и черного песчаника, с заглаженной и слегка вогнутой верхней поверх-

ностью. Бруски изготовлялись обычно из черного песчаника. Собственно для них подбирались продолговатые камни длиной до 20 см, поверхности которых при затачивании металлических изделий срабатывались. Надо сказать, что из металлических изделий, кроме мелких обломков ножей, почти совсем потерявших свою форму, ничего больше не встретилось.

В качестве терок использовались камни, главным образом из гранитов и песчаника⁵⁵ подходящей величины, с более или менее правильными гранями, которые по мере надобности выравнивали. Что именно растирали этими камнями — злаки, краски или специи, — трудно сейчас сказать. Но терки встречались довольно часто и, стало быть, они были в большом употреблении. Их можно встретить во всех памятниках, где есть наслоения первых веков до н. э. и примерно до V—VI вв.

Из каменных поделок других видов обращает на себя внимание фрагмент мраморного блюда (или чаши) с прямоугольным выступом в виде ручки и фрагмент формы из мергелистого песчаника, предназначенной, по-видимому, для отливки каких-либо дисковидных и конусовидных предметов из металла.

Комплекс V—VII вв. Материалы исследуемого периода найдены преимущественно в средней части раскопа, где обнаружены остатки здания, относящегося к V—VII вв. Некоторые из них найдены и в других частях раскопа — в отдельных прослойках и линзах.

Отметим прежде всего так называемые чашевидные кубки — керамическая форма, широко распространенная в Согде в этот период. Эти сосуды известны в ряде памятников долины Зарафшана, в частности, в наслоениях Тали-Барзу⁵⁶, Пянджикента⁵⁷, в исследованном памятнике близ Кафыр-калы⁵⁸, а

---

⁵⁵ Минеральный состав каменных изделий определил О. И. Исламов.

⁵⁶ Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 101, рис. 6, б, д.

⁵⁷ А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента, МИА, 15, стр. 91, табл. 41, 4ж; И. Б. Бентович. Керамика Пянджикента, МИА, 37, М.—Л., 1953, стр. 139—140; Б. И. Маршак. Керамика нижнего слоя Пянджикента, Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, № 14, Сталинабад, 1957, стр. 93, рис. 2, 12—13.

⁵⁸ Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, ИМКУ, вып. II, Ташкент, 1961, стр. 207, рис. 8, 7—8.

также в средней части долины реки Кашкадарьи — в наслоениях Аул-тепе⁵⁹ и в др.

Наш фрагментарный материал обогатила находка почти целой кубковидной чаши (табл. I, 12), вытянутой в высоту, покрытой красным плотным ангобом. По своему общему облику этот сосуд как продукт гончарного ремесла выглядит

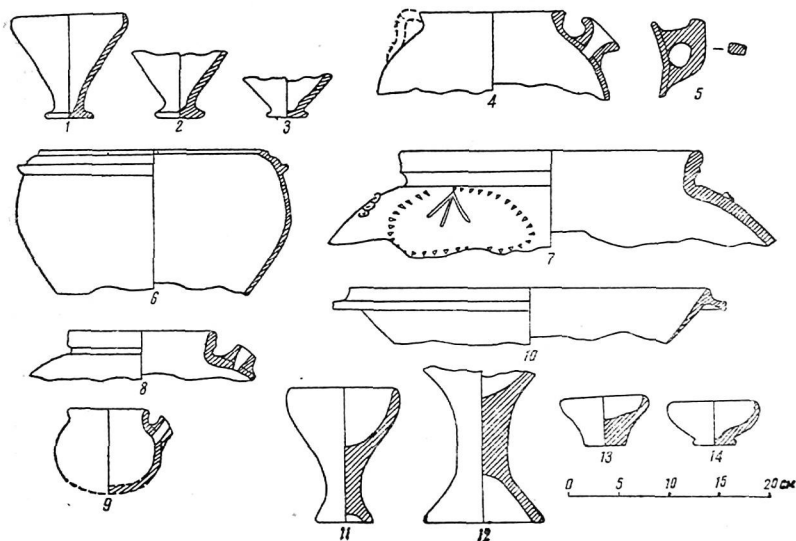

Рис. 16. Комплекс V—VII вв.

значительно доброкачественнее, чем описанные чаши из комплекса (III—IV вв.). Кубковидная чаша на кольцевом невысоком поддоне со стержнеобразной нижней частью корпуса. Стенки корпуса резко расширяются вверх, закругляясь лишь у краев устья, они слегка загнуты внутрь (рис. 16, 1). Высота сосуда — 10 см, диаметр устья — 13 см. Другие сосуды этого вида встречались лишь в мелких фрагментах. Они

⁵⁹ С. К. Кабанов. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашкадарьи (Узбекистан), СА, 1958. № 3, стр. 149, рис. 7, 1—3.

различались по технике изготовления и по формам ножек (рис. 16, 2—3).

Керамической формой, характерной для данного слоя, являются сосуды, которые условно можно назвать кринками со сливом под венчиком (рис. 16, 4). Они встречаются обычно там, где находились описанные кубковидные чаши. В нашем комплексе их довольно много, но, в лучшем случае, они представлены в крупных фрагментах. Характерно, что они почти стандартные, поэтому не удалось отметить их какие-либо варианты. Сосуды эти также красноглиняные, покрыты серым ангобом, а поверх набрасывался черный ангоб, дававший потеки. Венчик вертикальный, плоский сверху и с внешней стороны, плечики закруглены. До обжига под венчиком сосуда делалось отверстие, к краям которого прикреплялся слив — цилиндрический у основания, с раструбом, смятым с двух сторон. Диаметр устья сосудов данного типа — 15—18 см, корпуса — до 23 см. Встречались и более крупные экземпляры (правда, в мелких фрагментах).

Котлы в этом комплексе исключительно станковой работы. Они тонкостенные, изготовлены из жаростойкой глиняной массы с примесью дробленого кварца, в изломе темно-пепельного цвета. Найден также крупный фрагмент котла с широким устьем, обрамленным венчиком в виде скошенной полоски, наложенной на словно бы срезанный (без плечиков) корпус (рис. 16, 6). Подобный сосуд из Афрасиаба был опубликован В. Л. Вяткиным⁶⁰. Известен он и в Пянджикенте⁶¹.

Встречаются фрагменты котлов и иной формы — с вертикальными краями устья и очень пологими плечиками, на которые иногда наносился орнамент. Обнаружен фрагмент такого сосуда с овалом, нанесенным на плечики пунктирными вдавливаниями треугольным острием. В овал вписана стрела (рис. 16, 7). Ручки котлов подразделяются на вертикальные проушные, иногда с характерным налепом на вершине (рис. 16, 5) и горизонтальные, в виде наклепленного жгутика. Круглые налепы на вершине ручек можно рассматривать как

---

⁶⁰ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 37.

⁶¹ И. Б. Бенетович. Керамика Пянджикента, МИА, 37, М.—Л., 1953, стр. 134.

рудименты зооморфных изображений, характерных для некоторых видов сосудов.

Из жаростойкой массы изготавливались и небольшие котлы со сливом под венчиком (рис. 16, 8—9) — они, по-видимому, предназначались для кипячения жидкости. Из этой же массы изготовлены очень своеобразные сосуды типа мисок, с прямыми тонкими стенками и сильно профилированным наружу венчиком с ложбинкой на верхней поверхности (рис. 16, 10).

Из той же жаростойкой массы изготавливались и курильницы (рис. 16, 11—12) довольно грубой лепки. Это широко распространенная керамическая форма как в Средней Азии, так и в сопредельных странах⁶². Однако сосуды такого типа, сделанные из жаростойкой массы, — редкость. Установлено, что жаростойкие изделия изготавливались при температуре 850—900°. Это позволяет сделать вывод о том, что обжиг данных изделий велся уже в гончарных печах достаточно совершенной конструкции.

В раскопе встречались жернова из пород гранитного ряда. Диаметр целого верхнего камня жернова 31 см, толщина — 4 см. Верхние камни имеют вогнутую форму, на их рабочую поверхность часто наносились ложбинки. На оборотной (верхней) стороне верхнего камня сделаны специальные углубления для рычага.

В северной части раскопа на глубине около 1 м найдена медная монета с изображением на лицевой стороне коня, идущего влево. Над спиной коня надпись в виде неровной полосы, совершенно неразборчивая. Диаметр монеты — 2 см, вес — 1,37 г. О. И. Смирнова определяет подобные монеты как относящиеся к чекану (или литью) удельных правителей Согда VII — первой половины VIII в.⁶³

Отметим еще несколько памятников искусства коропластов, которые можно датировать V—VII вв. Это фрагмент медальона диаметром 10—12 см с частью изображения правительницы и двух служительниц⁶⁴. Медальон сделан с помощью штампа из красной глины, хорошего обжига без ан-

⁶² См. Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 70—76.

⁶³ О. И. Смирнова. Монеты древнего Пянджикента, МИА, 66, М.—Л., 1958, стр. 222, 247—248.

⁶⁴ С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афраснаб, стр. 193—194.

гоба. Толщина плитки — 1,2 см, сохранившаяся высота — 5,5 см.

Налеп на сосуд в виде головы мужчины с условными чертами лица: глаза — круглые бугорки, еле намеченные надбровные дуги, нос — треугольный бугорок между глаз, расположен высоко над ртом и усами. Лицо обрамлено точечным бордюром (табл. III, 2). Налеп выполнен из желтоватой глины, покрыт плотным красным ангобом. Высота изображения — 3 см.

Антропоморфная терракота-примитив, судя по облому внизу, являлась украшением сосуда. Голова — треугольная по очертаниям с отогнутой назад вершиной, лицо сформовано путем защипа пальцами. В образовавшиеся впадины вписаны глаза, нанесенные полой трубочкой. Корпус почти круглый, руки — в виде заостренных отростков. Терракоту покрывал плотный красный ангоб, ее высота — 5,8 см (табл. III, 4).

Украшением к сосуду была и вторая терракота-примитив (табл. III, 5) — округлый стерженек с остроконечными, горизонтально отведенными отростками-руками. Голова утрачена.

Характерна почти полностью сохранившаяся терракота (табл. III, 3), изображающая бородатого мужчину с уплощенным лицом, на котором выделяется большой треугольный нос и глаза, нанесенные вырезом ножа. Рот почти затерт в поперечной ложбинке, нанесенной пальцем (или повязкой?) поперек всего лица. Борода показана мелкой, слегка скошенной насечкой. Вместо головного убора — три выступа (обломаны) в один ряд. Туловище округлое, суженное в талии, переходящей в довольно устойчивое утолщение-подставку с выемом на нижней поверхности. Сохранившаяся правая рука в виде отростка приложена кистью к подставке. Высота терракоты — 10,2 см. Обжиг — слабый, глина темно-желтого оттенка, ангоб серо-желтый, хорошо заглаженный. Описанная терракота похожа на лепные терракоты V—VIII вв. из наслоений Тали-Барзу⁶⁵.

Из изображений животных к рассмотренному комплексу следует отнести стилизованную голову коня. Глаза лошади нанесены наколом трубочки, ноздри — палочкой, грива показана косыми штрихами. Терракота хорошего обжига, покрыта розоватым ангобом.

⁶⁵ Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, стр. 96—97.

Материалы из верхнего слоя. Керамические материалы из верхнего слоя нашего раскопа — кладбищенского, к которым можно присоединить также находки из землянок и поздних (IX—X вв.) бадрабов — происходят из многократно перемещенного грунта и потому, естественно, они очень скудны и сильно раздроблены. В основном этот слой характеризуется наличием в нем поливной керамики.

Наиболее древним из поливных сосудов является кувшин с узким горлышком (в фрагменте), покрытый сплошной зеленой поливой; в этом фрагменте очень характерен налест на вершине ручки (рис. 17, 4), который, по-видимому, следует рассматривать как рудимент древних зооморфных изображений. Датируется эта находка концом VIII — началом IX в.⁶⁶

Здесь же найдено почти целое блюдо из беловатой пористой массы, толстостенное, внутри и снаружи покрытое поливой без ангоба. Блюдо глубокое, с равномерно закругленными стенками, поддон невысокий, плоский (рис. 17, 1). Лицевая поверхность блюда покрыта сплошным толстым слоем поливы мутно-белого и расплывчатого голубовато-зеленого цветов. Орнамент в два яруса: донная часть украшена сеткой из пересекающихся голубовато-зеленых полосок, образующих квадраты с точками в центре. Фон сетки — мутно-белый. Внутри по краю орнамент завершается полоской с имитацией надписи. Внешняя поверхность сосуда, включая и дно, лишь слегка внаброс покрыта мутно-белой поливой.

Другие сосуды этого же типа встречались лишь в фрагментах. Для них характерен плоский поддон и мутная расплывчатая полива с орнаментальными геометрическими узорами, преимущественно сетчатыми. Однако уже появляются элементы растительного орнамента. Датируется эта группа поливной керамики IX в.⁶⁷

Найдены отдельные фрагменты сосудов с поливой более высокого качества: подглазурная роспись по белому ангобу зеленой, желтой, коричнево-фиолетовой красками, подглазурная роспись этими же красками внаброс, потеками, сплошь

---

⁶⁶ Г. В. Шишкина. Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба (автореферат канд. дисс.), Ташкент, 1969, стр. 28.

⁶⁷ Там же.

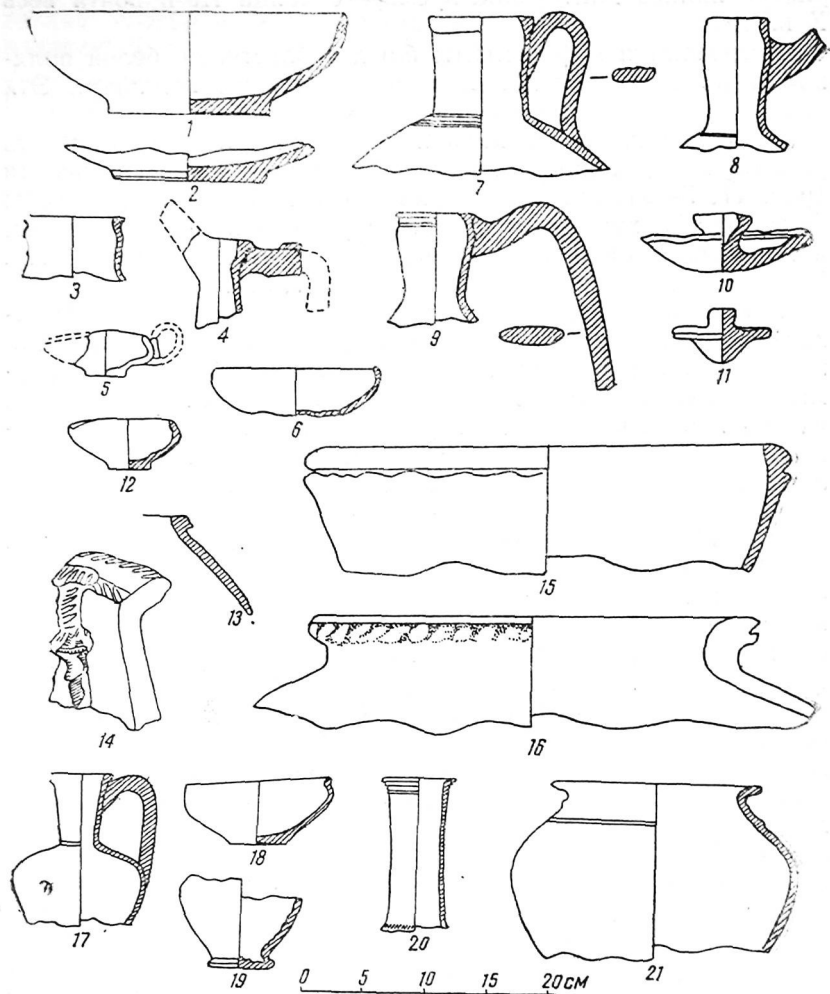

Рис. 17. Керамика из верхних слоев конца VIII—начала X в.

закрывающими белый фон ангоба. Керамика с такой поливой употреблялась длительное время — с конца IX и почти весь X в.⁶⁸

Встречаются и фрагменты блюд с блестящей белой поливой, относительно толстостенные, с плоским поддоном. Эти сосуды можно датировать началом X в.

Из фрагментов неполивной керамики следует отметить узкогорлые кувшины с почти цилиндрическими горлышками (рис. 17, 7—9), крышки сосудов (рис. 17, 10, 11), тагоры (рис. 17, 15), хумы с характерным украшением под венчиком в виде наклепной полоски (рис. 17, 16), котлы (рис. 17, 21). Найден также фрагмент очажка (рис. 17, 14).

Мы ограничимся лишь одним упоминанием об этих находках, поскольку они не дают достаточного материала для исследования неполивной керамики. Рассматривать эти формы нет надобности и потому, что в настоящее время ряд участников экспедиции на Афрасиабе ведет изучение средневековой керамики на более богатом материале. Существенно лишь то обстоятельство, что почти все перечисленные формы могут быть датированы IX — началом X в., этим определяют последний период в обживании данного участка городища. Небольшая группа материалов — тонкостенные кувшинчики, чаша (рис. 15, 17—20), может быть датирована более ранним временем — концом VIII в. Найдено незначительное число фрагментов изделий из стекла. Из них наиболее характерны флаконы с длинными узкими горлышками.

Никаких существенных признаков обживания, начиная с середины X в. до монгольского завоевания, в пределах нашего раскопа не обнаружено. Видимо, все это время здесь было только кладбище. К концу XII и началу XIII в. относятся лишь несколько фрагментов сосудов с зеленой и голубой поливой. Но их могли занести на кладбище случайно, поскольку оно существовало в пределах города. Далеко не случайный характер носит находка небольшого клада из одиннадцати медных монет, обнаруженного на глубине 70 см в северной части раскопа. Монеты датированы 1213—1220 гг.⁶⁹, т. е. временем, непосредственно предшествовавшим разгрому Са-

⁶⁸ Г. В. Ш и ш к и н а. Древний Самарканд..., стр. 29.

⁶⁹ Научные работы и сообщения, кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 298.

марканда Чингис-ханом (1220 г.). Это обстоятельство, на наш взгляд, позволяет восстановить обстановку, в которой мог возникнуть клад: в тревожные дни разгрома города какой-то небогатый житель Самарканда спрятал в мешочке между могилами все свое богатство, надеясь таким образом сберечь его. Однако он уже не смог вернуться к этому месту⁷⁰.

В двух сырцовых кирпичях, взятых из кладки погребений, обнаружены мелкие фрагменты кашинной керамики, более характерной для XIV—XV вв. Данные находки не могут опровергнуть предположение о датировке кладбища в пределах XI—начала XIII в., поскольку этот вид керамики в Средней Азии был известен с XII в.⁷¹ Высказано также мнение, что кладбище в северной части городища Афрасиаб относится уже к послемонгольскому периоду⁷².

В описанном стратиграфическом раскопе впервые на городище Афрасиаб в пределах одного раскопа были определены наслоения и остатки сооружений, установлены комплексы вещественных материалов, характерных для основных периодов древней истории города. Значительно скуднее были материалы, характеризующие город в эпоху средневековья.

Первая попытка изучения наслоений Афрасиаба в их последовательности с древнейших времен была сделана А. И. Тереножкиным в 1945—1948 гг.⁷³ Выводы А. И. Тереножкина, хотя и основывались на материалах раскопов меньших по площади, затронули и вопросы исторической топографии города, которых мы почти не касались, и истории города в целом. Этот круг проблем в настоящее время решает коллектив археологов.

В раскопе 6 обнаружены значительные конструктивные остатки — прежде всего древняя городская стена (III—I вв.

---

⁷⁰ В. А. Шишкин высказал предположение, что монеты могли быть занесенными на это кладбище и после монгольского завоевания, поскольку в первые десятилетия после падения хорезм-шахов их монеты еще были в обращении.

⁷¹ Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв., Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 403; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма в IX—XII вв. ТХАЭЭ, IV, Керамика Хорезма, М., 1959, стр. 341.

⁷² М. Пачос. Средневековые погребения на городище Афрасиаб, в сб. «Научные работы и сообщения», кн. 5, Ташкент, 1962, стр. 193—194.

⁷³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, Опыт археологической периодизации, Канд. дисс., Л., 1948.

до н. э.) и древнее здание (I—III вв. н. э.). Их наличие было весьма благоприятным для изучения стратиграфии древних наслоений исследуемого участка городища. Это позволило внести ряд уточнений в периодизацию древних наслоений, предложенную А. И. Тереножкиным⁷⁴, и сделать некоторые выводы. Древнейшие наслоения на городище (Афрасиаб I) А. И. Тереножкин относит к сако-ахеменидскому периоду в истории Согда (VI—IV вв. до н. э.). На наш взгляд, его правильнее назвать древнесогдийским. В нашем раскопе обнаружены достаточно выразительные признаки этого слоя, прилегающего к материковому лессу, свидетельствующие о том, что в данном месте в VI—IV вв. до н. э. существовало поселение.

Период, который А. И. Тереножкин назвал сако-эллинистическим, на наш взгляд, было бы правильнее назвать согдийско-эллинистическим, поскольку в материалах из Афрасиаба представлена почти исключительно культура земледельческого населения, а в гончарстве отмечены признаки эллинизма. К этому периоду в нашем раскопе относится древняя крепостная стена, построенная, вероятнее всего, в первой половине II в. до н. э., хотя не исключается возможность возведения ее в конце III в. до н. э. Возможно, что именно эта стена определяла очертания первого укрепления площадью 9 га, выделяющегося в рельефе городища западнее цитадели.

В керамических изделиях заметен рост мастерства гончаров в сравнении с изделиями из предшествующего слоя (Афрасиаб I), хотя и раньше гончарство здесь было довольно развито. Наличие мощных крепостных стен, высокий уровень гончарного производства — все это свидетельствует об определенном подъеме в развитии города.

---

⁷⁴ С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб, стр. 196—198; А. И. Тереножкин в названной статье (СА, 1972, № 3) продолжает отстаивать свои прежние датировки наслоений Афрасиаба даже с тенденцией удревнения некоторых из них.

Не имея возможности анализировать его доводы, основной из которых — датировка бронзовых наконечников стрел — мы уже рассмотрели, ограничимся лишь следующим замечанием: если датировать открытую в раскопе 6 крепостную стену III—I вв. до н. э. (об этом уже писалось), то датировка последующих наслоений — времени кушанского здания и позднекушанского слоя (соответствующих периодам Афрасиаб IV и Тали-Барзу I — по периодизации А. И. Тереножкина), естественно, укладывается в хронологические рамки I—IV вв. н. э., что также доказывается приведенными в данной работе материалами.

Следующий этап в истории города в нашем раскопе представлен развалинами древнего здания, датированного II—III вв. н. э., хотя и не исключается возможность основания его в конце I в. н. э. Наиболее характерные керамические формы отнесены к слою Афрасиаб IV, датированному рубежом н. э.⁷⁵ Однако при датировке названного слоя А. И. Тереножкин основывался главным образом на таких находках, как кубки, не принимая во внимание длительности их применения.

Для восстановления облика древнего города весьма существенен сам факт обнаружения обособленно воздвигнутого крупного здания: видимо, в это время (в первые века н. э.), по крайней мере, часть города была застроена отдельно стоящими крупными зданиями.

Характерно, что размеры сырцового кирпича, из которого построено здание, несколько увеличились в стороне квадрата, но выделывать его стали гораздо более тонким, чем в предшествующий период. Этот признак можно использовать для датировки такого памятника, как стены Варахши, ориентировочно датированного в широких хронологических рамках — со II в. до н. э. и до II в. н. э., хотя и считалась более вероятной вторая половина этого периода⁷⁶. Теперь мы можем древнюю стену Варахши с большей уверенностью датировать I—II вв. н. э., исходя из факта сходства кирпича, из которого построена эта стена, с кирпичом древнего кушанского здания из наслоений Афрасиаба.

К комплексу из развалин древнего здания примыкают материалы из наслоений III—IV вв., близкие по своему составу и технике изготовления керамических изделий. Таким образом, определяется период длительностью примерно с конца I в. н. э. до начала V в., который условно можно назвать кушанским. Ухудшение качества керамических изделий, относительная редкость находок свидетельствуют о значительном упадке города в этот период в сравнении с предшествующим — согдийско-эллинистическим.

Из конструктивных остатков последующего периода обживания исследованного участка городища, который можно

---

⁷⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, рис. 69, V.

⁷⁶ С. К. Кабанов. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахша в 1953—1954 гг., ИМКУ, вып. I, Ташкент, 1959, стр. 149—150.

назвать поздне-согдийским (V—VII вв.), в раскопе обнаружены лишь фрагменты стен здания — пахсовых и из сырцового кирпича. Керамический комплекс относительно небольшой, но он имеет важное значение: раньше были известны лишь отдельные находки этого времени. В составе керамического комплекса наблюдаются значительные изменения: улучшилось качество изделий, появились такие характерные формы сосудов, как кубковидные чаши и кринки со сливом под венчиком. Тонкостенные котлы изготовлялись почти исключительно на станке. В мукомольном деле широкое применение получили ручные жернова, полностью заменившие зернотерки.

В строительстве вместо квадратного кирпича, характерного для более ранних периодов, стал применяться кирпич прямоугольный, более удобный для кладки стен в перевязку⁷⁷. В целом выявились существенные признаки роста производительных сил как основы начавшегося процесса становления феодальной социально-экономической формации.

Конструктивные остатки раннего этапа в развитии тюркско-согдийской культуры (VII—VIII вв.) в нашем раскопе с определенностью не выявлены. Материальная культура этого периода представлена лишь довольно большим комплексом керамики и стекла, описанным в другой работе⁷⁸. В этом же комплексе найдены обломки меча⁷⁹.

Из конструктивных остатков последнего периода обживания исследованного участка городища, который можно назвать тюркско-согдийским (IX—X вв.), в нашем раскопе зафиксированы лишь отрезок массивной городской стены и несколько землянок. Керамический комплекс верхнего слоя очень скудный, однако он позволяет установить, что это место было покинуто жителями в середине X в.

---

⁷⁷ В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии V—VIII вв., Ташкент, 1966, стр. 212.

⁷⁸ С. К. Кабанов. Изображение Шивы на оссуарии, СА, 1971, № 2, стр. 249—254.

⁷⁹ С. К. Кабанов. Погребение воина в долине р. Кашкадарья, СА, 1963, № 3, стр. 239—240.

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ
ГОРОДСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ
АФРАСИАБА

В современном рельефе городища Афрасиаб довольно явственно выделяются валы оборонительных сооружений, составляющие четыре как бы вписанных друг в друга кольца, сопряженных своими северными отрезками. Исторический подход к изучению городских укреплений предусматривает не только фиксацию последовательности наращивания этих колец, находящихся в неразрывной связи с расширением заселенной территории. Археологические наблюдения многих лет убеждают нас в том, что каждая линия городской стены Афрасиаба — объект приложения строительных усилий многих эпох. В дошедшем до нас виде оборонительное сооружение каждого кольца, даже рассматриваемое на небольшом отрезке, являет собой мозаику ремонтных вставок и пристроек, сделанных в разное время, причем уловить первоначальную кладку подчас очень трудно. Это положение, в общем-то свойственное многослойным городищам, насчитывающим не одну тысячу лет существования, особенно ярко прослеживается на Афрасиабе при исследовании северного отрезка внешнего оборонительного вала, идущего по краю сорокаметрового обрыва к Сиабу. Сам обрыв делал северный фас городища почти неприступным и намного упрощал постройку крепостной стены. Нельзя было ожидать здесь очень высокую стену с мощным основанием.

Однако наличие обрыва не обеспечивало и хорошей сохранности укрепления. Постоянное сползание лесса привело к уничтожению почти всего северо-восточного участка вала,

зато доступная северо-западная часть была исследована раскопами 6 и 12 на отрезке протяженностью 74 м.

Отрезок раскопа 6 сливается с массивом культурных наслоений, а отрезок раскопа 12 четко выделен в рельефе¹, так как он окружал пониженную относительно ровную площадь к западу от массива. Изрезанный характер материка под городищем сказался и под стенами.

Примечательно, что под стеной над обрывом идет материковый вал, возвышающийся на 1,3 м над остальной поверхностью лесса на Р—6 и почти на 3 м — на Р—12. Кроме того сам гребень вала Р—12 на 1,4 м ниже, чем на участке Р—6. На этом материковом валу залегал слой плотной глины с керамикой VI—IV вв. до н. э. (Р—6). С. К. Кабановым непосредственно на этом слое был выявлен отрезок городской стены с коридором на своеобразном фундаменте из глиносаманной плотной массы с галечником².

На протяжении расчищенных 66 м стена делает два изгиба, видимо, следуя извилистой линии древнего материкового обрыва. Отличительным признаком этой стены была упомянутая галечниковая подушка, которая отмечала ее трасу даже там, где кирпичная кладка не сохранилась.

Из перекрывающего остатки стены слоя и из кирпичей извлечены фрагменты керамики, в том числе кубков и чаш, которые в сумме с данными стратиграфии позволили С. К. Кабанову датировать возведение стены первой половиной II или концом III в. до н. э.

С помощью расчисток выяснено, что прямоугольный выгиб внутрь городища, который делает стена в пределах Р—6, связан с существовавшей в древности выемкой в обрыве. В ней на глубине 4 м от верха лессового вала имелась терраса, задержавшая на себе рухнувшую в этом месте наружу кладку стены и перекрывавшую ее мусорную свалку V—VII вв. н. э. В результате, линия обрыва выравнялась и подвинулась к краю на 12 м. Примерная ширина выемки 6 м. Была ли эта выемка местом древнейших ворот, покажет продолжение археологического вскрытия.

---

¹ На раскопе 6 работы проводил С. К. Кабанов в 1959—1961 гг. с участием автора; на раскопе 12 — автор (1960 и 1968 гг.).

² С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афраснаб, СА, 1969, № 1, стр. 183—187.

Последующие фортификационные работы на этом отрезке проводились на краю вновь образованного обрыва. Следы их — пахсовая стена, перекрывшая мусорную свалку V—VII вв. н. э., и восточный отрезок античной городской стены. Судя по монете, извлеченной из-под основания пахсы³ (поздне-халифатской — конца VIII или самого начала IX в.), эта стена была сооружена не раньше первой четверти IX в.

Несколько иная картина сложения крепостного вала выявлена на западном его участке раскопом 12 (рис. 1). Здесь, на гребне материкового возвышения, поверхность которого была выровнена, полита водой и местами покрыта булыжником, в древности возвели монолитную пахсовую стену. Сохранившийся сейчас на 4 м в высоту покатый останец шириной в основании 9 м не позволяет что-либо говорить об устройстве этого фортификационного сооружения. Видно только, что первоначальная стена претерпела ремонт квадратным сырцовым кирпичом размером 38—39×38—39×12 см.

На время возведения этой стены указывают размеры кирпичей и комплекс керамики из пахсы, для приготовления которой где-то поблизости разрушался культурный слой. Несмотря на фрагментарность восстанавливается ряд керамических форм — чаши, миски, горшки, кувшины, кубки. Изделия отличаются хорошей выделкой, тонким черепком, они окрашены ангобом от розового до почти черного цветов. На некоторых фрагментах заметны следы лощения. Венчики чаш, хоть и варьируют в сечениях профилей, в общем представлены двумя типами: загнутыми внутрь и отогнутыми наружу.

Другой вид — чаши с характерным очертанием, близким к цилиндроконическому, на выступающем поддоне. Горшки представлены экземпляром округлого очертания со специальным углублением по венчику для крышки. Кувшины — широкогорлые с расходящейся закраиной. Встречено несколько полых и сплошных ножек кубков. В целом комплекс примыкает к посуде первых веков до н. э., выявленной в достаточном количестве на Афрасиабе⁴.

Исходя из этого, временем возведения пахсовой стены с кирпичным ремонтом можно считать I в. до н. э. или I в. н. э. Кирпичной стены на галечниковой подушке на этом участке

³ Монета определена М. Е. Массоном.

⁴ С. К. Кабанов. Указ. соч., рис. 3.

вала не прослежено. Первоначальной здесь можно признать пахсовую. Ее основание, как уже указывалось, на 1,3 м ниже основания стены на галечнике. Выяснить стык этих двух отрезков невозможно, так как на его месте существовал еще в древности пролом шириной 6 м до уровня материкового

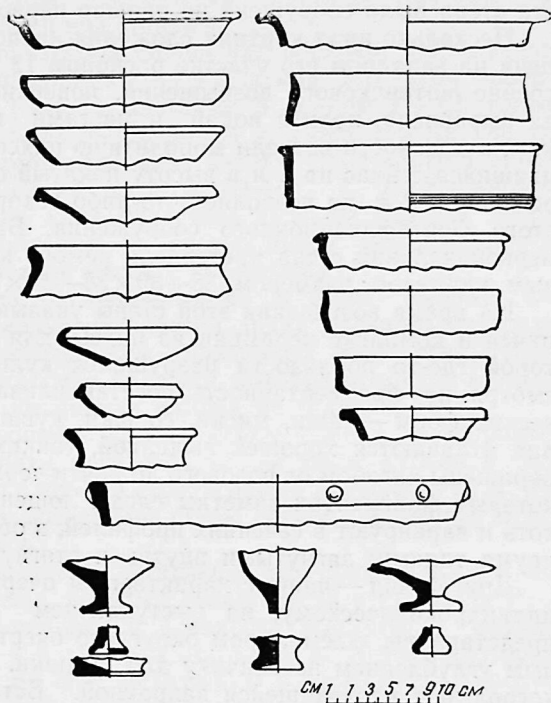

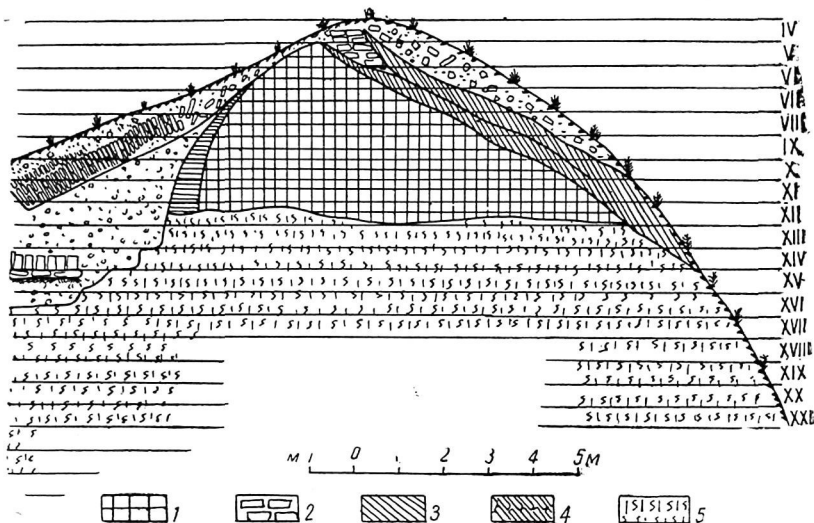
Рис. 1. Керамика и разрез стены из раскопа 12:

1—античная стена I в. до н. э.,—I в. н. э.;
2—ремонтная кладка стены; 3—оплыв стены; 4—рухнувшая стена начала IX в; 5—материковый лесс.

вала. По одну сторону его (с востока) видна стена на галечнике, по другую (с запада) — пахсовая. Пролом этот был впоследствии заполнен строительным завалом, видимо, продуктами разрушения стен. Поверх руин древних укреплений и пролома была проведена еще одна городская стена. Ее следы отмечены на участке раскопа 12 в виде мощного массива рухнувшей, но не потерявшей своей структуры кладки. Она покоится сейчас на мощном слое мусульманской клад-

бища, которое начало складываться на примыкающей к валу части городища еще в то время, когда последняя стена не обрушилась, но находилась в заброшенном состоянии.

Кладка состоит из прямоугольных кирпичей размером $46-47 \times 26-27 \times 8-9$ см. Подобный кирпич, характерный

для восточных областей Средней Азии поры раннего средневековья, на самом Афрасиабе встречается в несколько уменьшенном варианте ($42 \times 22-23 \times 7-8$ см) и в IX в. Есть все основания считать упавшую кладку принадлежавшей к самому позднему на этом участке оборонительному укреплению. Эта кладка была выявлена несколько восточнее места пролома, впритык пристроенной с юга к упомянутой пахсовой стене начала IX в. Таким образом, обе они не разделены большим временным промежутком и представляют два этапа сложения последней (на исследуемом участке вала) крепостной стены, которая оформляется в первой четверти IX в.

Дальнейшими расчистками на стыке раскопов 6 и 12 установлен еще один факт, дополняющий историю сложения северного оборонительного вала: были обнаружены остатки еще одной стены, лежавшей, как и галечниковая подушка

античной, на слое с керамикой VI—IV вв. до н. э., но перекрытой этой античной стеной. Зафиксированная в западной части Р—6, где она, видимо, огибала вымоину в материковом обрыве, стена эта тянется в сторону Р—12 на 17 м (рис. 2). Благодаря изгибу античной стены сохранился участок нижней стены, не полностью ею перекрытый. Здесь нижняя стена имеет высоту до 1 м, тогда как под галечниковой подушкой различимы в лучшем случае 20—25 см. В качестве строительного материала использована пахса, очень плотная зеленовато-серого цвета, положенная блоками или рядами высотой 17—20 см. Как можно судить по вскрытой части, в теле стены был каземат шириной 2,2—2,4 м. Пол тщательно промазан глиносаманной массой, плавно переходящей в штукатурку стен. Длину каземата проследить не удалось из-за плохой сохранности, хотя для этого и пришлось удалить часть галечниковой подушки и кладки античной стены.

Стена каземата, обращенная к обрыву, толщиной 2,4 м, ширина стены, обращенной к городищу, не определяется, так как она выклинивается на южном склоне вала. На западе стена из зеленовато-серой пахсы обрывается проломом так же, как и перекрывающая ее античная стена. На востоке она не прослеживается дальше середины вымоины в обрыве и первого поворота античной стены.

Примечательно, что перед нижней стеной на обрыве также существовала небольшая площадка. Когда возводили античную стену, перекрывающую руины нижней, внешняя стена каземата, видимо, была неплохой сохранности, и она осталась впритык к новой, частично (западным участком) уйдя под нее. Каземат уменьшился, но продолжал использоваться. Пол остался на том же уровне, был заново промазан, причем промазка переходила теперь на античную стену, лежащую на галечниковой подушке. Северная стена каземата на высоте 1 м оказалась перекрытой раннесредневековой мусорной ямой. Далее на всем восточном участке она надстроена средневековой пахсовой стеной. Горизонтальный стык этих кладок подчеркнут лишь небольшим выступом, и по фасаду они не воспринимаются как разновременные.

Внутри каземата между двумя промазками пола сохранились два фрагмента венчиков грубых сосудов весьма характерного облика. Вместе с керамикой из галечникового слоя они дают определенный штрих к датировке первой стены. Из

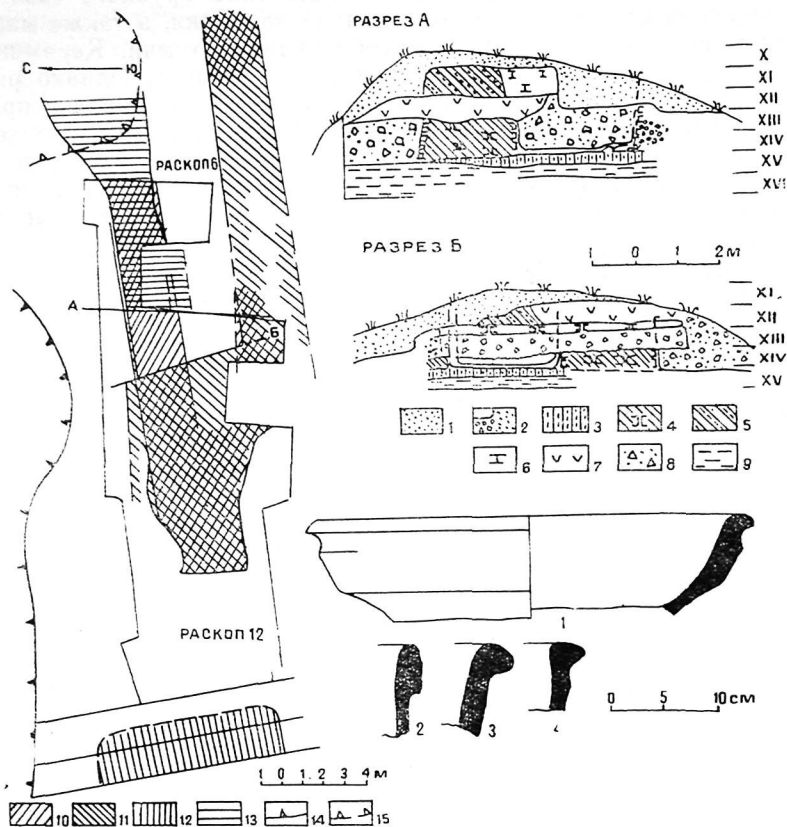

Рис. 2. План, разрезы городских стен и керамика IV—начала III в. до н. э.

1—слой мусульманского кладбища; 2 и 11—античная стена на галечниковом основании; 3—слой с керамикой VI—V вв. до н. э.; 4 и 10—древнейшая стена; 5, 6, 13—стена начала IX в.; 7—мусорная свалка V—VII вв. н. э.; 8—слой завала с обломками сырца; 9—материальный лесс; 12—античная стена I в. до н. э.; 14—край современного обрыва; 15—край древнего обрыва вымощен.

галечника извлечен фрагмент сосуда типа крупного таза с подкосом стенки и следами песочной подсыпки, а также манжетовидный венчик красноангобированной хумчи. Керамика родственна материалу середины I тыс. до н. э. Однако ряд признаков, например, уплощенное очертание венчиков, применение красного ангоба, позволяет отнести ее к комплексу переходному — от древнейшего к античному — и датировать IV — началом III в. до н. э. Полную аналогию она получает в обильном материале того же времени, выявленном в западной части Афрасиаба⁵.

Итак, по стратиграфии залегания нижняя пахсовая стена, перекрытая городской стеной конца III—II вв. до н. э., безусловно, относится к еще более раннему времени. Судя по фрагментам керамики с пола каземата, она существовала уже в IV — начале III в. до н. э. Упомянутые черепки на полу каземата сохранились, лишь будучи закрепленными новой промазкой, связанной со стеной на галечниковой подушке, что сближает по времени возведение обеих стен.

Что касается нижней стены, то она, безусловно, представляет остатки одной из древнейшей стен Афрасиаба и, видимо, принадлежит к городским укреплениям Мараканды, встретившим войска Александра Македонского. Характерные особенности древнейшей городской стены — отсутствие стилобата, необходимого элемента античной среднеазиатской фортификации. Между тем низкое расположение внутрстенных казематов или коридора как раз составляет один из признаков большой древности этого оборонительного сооружения.

Для примера можно привести крепости V—IV вв. до н. э. — Калалы-гыр⁶, Хазарасп⁷, древний Кеш⁸. Правда, на Афрасиабе этот признак не столь существенен. Наличие на северном фасае многометрового обрыва к Сиabu заменяло во все времена городским стенам мощный цоколь.

Более существенной аналогией является использование пахсы как главного строительного материала. В древнейшей

⁵ Комплекс обнаружен в раскопе С. К. Кабанова.

⁶ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 115.

⁷ М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. (Материалы Хорезмской экспедиции), вып. 6, М., 1963, стр. 184.

⁸ Н. И. Крашенинникова. Разрез крепостной стены древнего Кеша, ОНУ, вып. 8, Ташкент, 1968, стр. 64.

среднеазиатской фортификации она сочетается обычно в вер-хушках стен с кирпичом (как в Кеше или Кюзели-гыре)⁹. В Кеше использован кирпич размером $41 \times 21 \times 13-15-17$ см.

Напрашивается сравнение с рядами пахсы или, возможно, блоками $17-20$ см толщиной в стене Афрасиаба. Кроме того, поразительно совпадает и ширина внешней стены внутрстенного коридора в Кеше с северной стеной каземата афрасиабской стены (2,4 м). Возможно, что это был не каземат, а отдельный отсек внутрстенного коридора.

Будучи двойной, располагаясь на севере, на высоком обрыве, и, видимо, следуя его изгибам, древняя стена Мараканды, вероятно, не уступала по своим оборонным качествам современным ей крепостям Востока. На сохранившемся участке в 17 м не отмечено следов башен и судить об их существовании сейчас трудно. Вполне возможно, фланкирование достигалось здесь коленчатым периметром, что было традиционно для древневосточной фортификации там, где позволял рельеф местности. Древние авторы, писавшие о походах Александра Македонского, упоминают многочисленные города и укрепленные «скалы» в Согде и Бактрии¹⁰. На примере стены Мараканды, идущей по краю многометрового естественного обрыва, становится ясным, какие «скалы» они имели в виду. В отличие от городов и самой Мараканды они, видимо, были небольшими селениями, но располагались на характерных для рельефа Согда лессовых останцах и по краю обрыва укреплялись стеной.

Рассмотрев крепостные сооружения на отрезке северного вала Афрасиаба длиной 74 м, следует отметить большую пестроту слагающих его разновременных участков¹¹:

на приподнятом лессовом вале покоятся остатки одной из древнейших стен Мараканды, возникшей, возможно, в конце V или в начале IV в. до н. э. (в III в. до н. э. укрепление уже стояло в руинах). Примечательно, что в конце IV — начале III в. до н. э. была заброшена система водоснабже-

---

⁹ С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 99.

¹⁰ Квинт Курций Руф (История Александра Македонского), М., 1963, стр. 289.

¹¹ М. Пачос датировал возникновение первого кольца городских стен Афрасиаба IV—VII вв. н. э. (М. Пачос. К изучению стен городища Афрасиаб, СА, 1967, № 1, стр. 69). Результаты работ на раскопах 6 и 12 не были приняты во внимание.

ния с хаузами на территории, окруженной первой стеной¹². Возможная причина запустения — последствия вторжения войск Александра Македонского;

участок античной стены с коридором на галечниковой подушке, возведенной в III—II вв. до н. э. и перекрывшей древнюю;

расположенный к западу от нее участок также античной стены, но на материке, вероятным временем возведения которой может быть I в. до н. э. или I в. н. э. Необходимость в ее строительстве, видимо, возникла в связи с полным разрушением предшествующих стен на этом участке, либо ею заполнили имеющийся в древнем укреплении проем, так что он сократился до ширины 6 м;

последняя, перекрывающая все древние руины стена, сложенная из пахсы и прямоугольного кирпича, датируется первой четвертью IX в.

Таким образом, в многоэтапном характере северного оборонительного вала на участке своеобразного сопряжения всех крепостных колец Афрасиаба больше, чем в любом другом месте, отразилась многовековая и сложная история города.

---

¹² М. И. Филанович. К характеристике древнейшего поселения на Афрасиабе, «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 217.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗДАНИЯ
МУЗЕЯ ИСТОРИИ
ОСНОВАНИЯ САМАРКАНДА

Зимой и весной 1969 г. в восточной части городища Афрасиаб в 30 м от шоссеиной дороги Самарканд — Ташкент началась закладка музея истории основания Самарканда. Археологические наблюдения за земляными работами выполнял автор данной статьи. Цель раскопа — проследить стратиграфию в этой части Афрасиаба.

Площадь котлована 900 м², общая мощность культурного слоя около 6 м (5,30—5,60 м). В результате наблюдений и раскопок на данном участке была вскрыта группа помещений с внешней канализационной системой, обжигательные печи, а также значительный отрезок улицы длиной 20 м.

Так, помещение 1 находится в восточной части котлована и занимает площадь 5,30×5,20 м. Оно вытянуто с запада на восток и соединено проходом с помещением 2, ширина которого 1,10 см. Стены его оштукатурены глиной с саманом, толщина слоя — 1,2 см, пол выстлан жженым квадратным кирпичом (21×21×4 см).

В центре комнаты устроено ташнау. Западная и южная стены сложены из пахсовых блоков размером 45×45 см. Толщина южной стены более 1 м, северная плохо сохранилась.

Помещение 2 — квадратное в плане (5,10×5,10 см). Оно расположено к югу от помещения 1. Высота сохранившейся стены 1,20 см, толщина 70 см. Оно соединено проходом с помещением 3. Стены его покрыты двухслойной глиняной штукатуркой с саманом толщиной 3—4 см. Они сложены путем комбинированной кладки.

От уровня пола на высоту 1,5 м идут пахсовые блоки, размеры которых варьируют от $67 \times 69 \times 90$ см до $80 \times 80 \times 100$ см. Выше — сырцовый кирпич размером $26,5 \times 26,5 \times 4$ см; $45 \times 20 \times 6$ см. Полы выстланы жженым кирпичом $26,5 \times 26,5 \times 4$ см; $39 \times 19 \times 6$ см; $40 \times 20 \times 6$ см; $43 \times 30 \times 7$ см.

В помещении 2 сохранилась уложенная во всю длину наклонно канализационная система гончарных труб, идущая с востока на запад. С помощью трубы — колена она выводилась в поглощающий колодец, расположенный в восточной части помещения. Стенки колодца выложены жженым кирпичом размером $21 \times 21 \times 4$ см. Глубина колодца 1,70—2,50 м. На западе трубы выходили во двор. Устье ташнау оформлялось опрокинутым большим хумом и жженым кирпичом размером $21 \times 21 \times 4$ см. Образцы таких водоотводов найдены в Варахше в слоях X в.¹

Грунт вокруг ташнау комковатый, рыхлый, сплошь пронизан углем и золой. Рядом обнаружено четыре бадраба на расстоянии 1,5—2—3 м друг от друга.

Помещение 3 — длиной 4 м, шириной 3,10 м, стены сохранились в высоту 1,15 м. Хорошо видна кладка из пахсовых блоков толщиной 80 см с покрытием однослойной саманной штукатуркой (толщина слоя 1—2 см). Плохо сохранились восточная и северная стены. Полы в этих помещениях выстланы жженым кирпичом размером $28 \times 28 \times 5$ см и $39 \times 21 \times 7$ см.

В северной стене помещения на уровне пола расчищен очаг. Его ширина 50 см, высота — 40 см. Стены очага обожжены докрасна. Ниже вскрыто углубление, в устье которого обнаружен слой золы. Следы копоти отсутствуют, поэтому можно предполагать, что отопление было сандалным, характерным для современных таджикских и узбекских домов.

Аналогичные очаги обнаружены на городище Пянджикент².

Среди многочисленных находок поливной и неполивной керамики IX—X вв. были найдены фрагменты очажка, которые заслуживают особого внимания. Стенки его оформлены растительным орнаментом, верхний край очажка снаружи украшен тремя рядами валиков с фестончиками. Подобные

¹ В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии, СА, 1959, № 1, стр. 10.

² В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пянджикента, МИА, М.—Л., 1964, стр. 66.

глиняные очажки были предметом исследования Г. Григорьева³, В. Л. Вяткина⁴, А. Е. Маджи⁵ и др.

На западе эта группа помещений выходила на улицу, идущую с севера на юг. Длина сохранившейся части улицы 20 м, ширина 2,50 м. Южная часть улицы сохранилась лишь местами. Она выложена сланцевыми плитами, которые привозились из Чупан-Аты, находящейся неподалеку. Археологические раскопки подтвердили сведения арабских географов о том, что большинство улиц Самарканда и Бухары в X в. было вымощено камнем⁶.

К западу от улицы расчищены керамические печи, располагавшиеся в направлении С-Ю. В. Л. Вяткин, проводивший археологические раскопки на Афрасиабе, обнаружил несколько обжигательных печей, сложенных из кирпича. В плане они имеют круг или квадрат со стороной 2—3 аршина и высотой 3, 5 аршина⁷.

Остановимся на описании печей, обнаруженных в котловане: печи однокамерные, круглые, с топкой, диаметр обжигательных камер 2,10—2,10 и 1,50—1,60 м. В стенах расчищено 10 круглых в плане отверстий. При расчистке печи обнаружено 20 глиняных штырей цилиндрической формы и 4 сепоя. Эти находки говорят о том, что печи служили для обжига керамических предметов.

На площади раскопа частично расчищены четыре ямы, забитые жирной гумусной желто-зеленой глиной с большим количеством глазурованной поливной и стеклянной посуды IX—и первой половины XI в., а также три колодца глубиной 15—30 м.

На полу помещений на глубине 1,5 м от дневной поверхности найдены поливные и неполивные керамические предметы. Главную массу находок составляет глазурованная керамика, разнообразная по типам, формам и назначению. Наиболее характерные формы бытовой посуды — хумы, котлы, горшки, чаши, пиалы, светильники.

³ Г. В. Григорьев. Туступи, «Искусство», 1937, № 2, стр. 136.

⁴ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, стр. 53—54.

⁵ А. Е. Маджи. К вопросу об очажках с территории Таджикистана, Известия ООН АН ТаджССР, Сталинабад, 1960, стр. 84.

⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Соч., т. I, М., 1963, стр. 142.

⁷ В. Л. Вяткин. Там же, стр. 32.

Пиалы имеют тонкий черепок, в изломе красноватого цвета, глина хорошо отмучена, округлые стенки плавно поднимаются вверх от выступающего плоского поддона. Диаметр устья — 12 см, высота — 3,5 см, на бортиках имеются эпиграфический и растительный орнаменты, написанные коричневатой-черной краской под белой поливой. Вокруг венчика надписи выполнены куфическим шрифтом. Надпись гласит: «Мухаммад Хамид». Можно предполагать, что это имя мастера-керамиста. Эпиграфические орнаменты на керамике, поражающие красотой почерка, выполняли обычно среднеазиатские каллиграфы IX—XI вв.⁸

Кувшин с туловом яйцевидной формы поставлен на выступающее плоское дно. Круто скругленные плечи плавно переходят в стройную горловину. Орнаментация отличается строгостью и простотой. На белом фоне черным выведена надпись куфическим шрифтом «Мухаммед».

Очередную группу керамических находок составляют глазурованные чираги-светильники. Один из них имеет круглый резервуар, от которого оттянут короткий носик, у других резервуар в виде миниатюрных плоских с разной степенью загнутыми краями, а ручки петлеобразны. Носики снаружи покрывались глазурью. На спинке одного из них расположены кружочки. Этот вид поливной керамики был предметом исследования О. Г. Большаква⁹ и Ш. С. Ташходжаева¹⁰ и не выходит за пределы X — первой половины XI в. Аналогичная керамика найдена в Пайкенте¹¹. Из неполивной керамики отметим следующие фрагменты: на двух фрагментах отогнуты края, венчики украшены линией зубцов (вдавленных), что придает им профилированный вид. По плечу хума идет горизонтальная наклепная линия с частыми вдавливаниями большим пальцем; котлы шаровидной формы с плавно расширяющейся вверх горловиной, заканчивающейся

---

⁸ В. А. Крачковская. Эволюция куфического шрифта в Средней Азии, КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 94.

⁹ О. Г. Большаков. Поливная керамика Мавераннахра VIII—XII вв., как историко-культурный памятник, Автореф. канд. дисс., Л., 1954, стр. 7, 9.

¹⁰ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1967, стр. 39, рис. 9.

¹¹ М. М. Дьяконов. Керамика Пайкента, КСИИМК, XXVIII, Изд-во АН СССР, стр. 93.

утонченным венчиком, загнутым наружу и наклепными подковообразными ручками. Под венчиком имеется геометрический треугольный орнамент. Встречаются котлы с носиком. Судя по совершенству форм и профилей, они сделаны на круге.

Аналогичные котлы были широко распространены по всей территории Средней Азии, они бытовали сравнительно большой промежуток времени с X по XII в. На Афрасиабе котлы найдены в слоях IX—X вв.¹² на Минг-Урюке¹³ и в Семиречье¹⁴ в слоях караханидского периода.

Крышки сосудов имеют полусферическую форму, они вогнутые, с ручкой-выступом и орнаментированы штампом. Этот способ орнаментации был широко распространен в XI в. в Самарканде¹⁵, в Семиречье¹⁶, Минг-Урюке¹⁷.

Кувшинчики имели самые различные формы. Сохранились горловины и плечики сосудов. Горловины почти прямые, цилиндрические, слегка расширенные к тулову, с внешней стороны покрыты красновато-коричневым ангобом; изготовлены на гончарном круге, цвет черепка красный. Аналогичные кувшины найдены в Шахристане¹⁸, а также на южной окраине Афрасиаба¹⁹.

Очередную группу археологических находок составляют предметы из стекла, представленные небольшим количеством фрагментов донец и ручек

Особо следует отметить находку высокой горловины кувшина с фигурным венчиком, украшенным нитями в несколько концентрических рядов. К верхней части венчика была прикреплена ручка светло-фиолетового цвета. Этот сосуд

¹² В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 36; А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, вып. 23, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 153—154.

¹³ Ю. Ф. Буряков, Д. Г. Зильпер. Археологические наблюдения в 1959 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды ТашГУ, Новая серия, вып. 172, Ташкент, 1960, стр. 137.

¹⁴ А. Н. Бернштам. Чуйская долина, МИА, 14, М.—Л., 1950, табл. XXIX.

¹⁵ В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 134.

¹⁶ А. Н. Бернштам. Указ. соч., стр. 130.

¹⁷ Ю. Ф. Буряков. Городище Минг-Урюк в Ташкенте, Труды САГУ, кн. 12, Ташкент, 1966, стр. 129.

¹⁸ Н. Н. Нигматов, С. Г. Хмельницкий. Средневековый Шахристан, Душанбе, 1966, стр. 170, табл. XIV, 22.

¹⁹ Афрасиаб, вып. I, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, стр. 185. рис. 11.

близок по форме к сосудам Средней Азии IX—начала XIII в.²⁰

Аналогичные кувшины найдены в Хульбуке²¹. Большое их количество находится в музейных коллекциях Самарканда, Ташкента и Ленинграда.

Исключительный интерес представляют миниатюрные парфюмерно-аптекарские сосуды, изготовленные из синего, голубого и желтого стекла и имеющие ножки со стержнем. Найдены также рюмки из синего, голубого и желтого стекла. Интересны сурмадоны с округлым туловом, плоским дном и фигурным венчиком. Диаметр венчика—1,5 м, корпуса—2,5 м, высота—3 м. Он очень близок по форме к сосудам типа 23 по классификации стекла Средней Азии, данной А. А. Абдуразаковым²².

Наличие стеклянных сосудов свидетельствует о высоком уровне стеклоделия в Самарканде в X—XI вв. В целом же комплекс керамики помещений позволяет датировать их второй половиной IX—началом XI в.

Среди других археологических предметов обнаружены металлический ключ фрагментарной сохранности, подвески с горизонтальным валиком посередине и плоской петлей для подвешивания, керамические прясла кольцевой формы, три заготовки обожженных грузил различной формы. Результаты археологических наблюдений и раскопок на котловане свидетельствуют об интенсивном обживании этой части Афрасиаба в IX—XI вв.

Период раннего средневековья этой части городища представлен небольшим количеством керамики и архитектурных остатков, обнаруженных в наслоениях на глубине 6 м от современной поверхности.

Расчищены основания здания, стены которого построены на глинобитной платформе, характерной для V—VII вв. Высота одной стены достигает 1 м, платформа утрамбована серым грунтом. Стена уложена пахсовыми блоками (70×60 см). В пол вкопано почти до венчика 4 хума, что говорит о хо-

²⁰ А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье, Ташкент, 1963, стр. 111, рис. 11.

²¹ Э. Гулямова. Стекло с городища Хульбук, Известия ООН АН ТаджССР, вып. I (24), Душанбе, 1961, стр. 13, рис. 2, 5.

²² А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Указ. соч., рис. 11 (23).

зьяйственном назначении этого помещения. Орнаментация хумов состоит из косых мелких насечек на выпуклой части корпуса. Аналогичные сосуды были найдены в Пянджикенте. А. М. Беленицкий датирует их V—VII вв.²³

Следующий этап жизни на этой части городища ориентировочно падает на V—VIII вв. Датировка этого периода подкрепляется неполивной керамикой и раннесредневековым форматом сырцовых кирпичей. Из керамики этого периода можно отметить тонкостенную кружку с петлевидной ручкой. Ее прямые стенки, расширяясь и округляясь, переходят в плоское гладкое дно, черепок в изломе красного цвета. Снаружи кружка покрыта светлым ангобом, близка к нижним комплектам объекта XII шахристана древнего Пянджикента²⁴, верхнего слоя Пянджикента (VII—VIII вв.)²⁵, из Афрасиаба и Кафыр-Калы²⁶, Ак-Тепа близ Ташкента²⁷, также относящихся к VII—VIII вв. С этим же периодом связан и лепной горшок типа, который встречается в Пянджикенте — как в нижнем слое²⁸, так и в верхнем.

Очередную группу составляют кувшинчики. Два узкогорлых сосуда имеют шаровидное тулово с короткой цилиндрической горловиной и выступающим кольцевым поддоном. С наружной стороны сосуда покрыты серым ангобом. У основания горла — две горизонтальные бороздки. Оба сосуда сделаны на гончарном круге из хорошо промешанной глиняной массы. Высота их 13—14 см, диаметр 10—11 см.

Остальные сосуды меньшего размера. Они представляют собой миниатюрные кувшинчики с яйцевидным туловом и плоским дном. Круто округленные плечики небольшим выступом переходят в миниатюрную стройную вертикальную горловину. Ручка прикрепляется к венчику в расширенной части

²³ А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пянджикента (1951—1953 гг.), МИА, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 127, рис. 21.

²⁴ Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг., Труды ТАЭ, МИА СССР, № 24, М.—Л., 1964, рис. 22, 5, 6.

²⁵ И. Б. Бентович. Керамика Пянджикента, МИА СССР, № 37, М.—Л., 1953, стр. 138, табл. X, 6; Она же. Керамика верхнего слоя Пянджикента (VII—VIII вв.), Труды ТАЭ, т. 4, МИА СССР, № 124, М.—Л., 1964, рис. 21, 2, 3.

²⁶ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, вып. 33, 1950, рис. 69, табл. X—I, XI—I.

²⁷ Там же, рис. 69, XXI—I.

²⁸ Б. И. Маршак. Указ. соч., рис. 24, 9.

тулова. Один из кувшинчиков украшен черными вертикальными полосами по светлому ангобу. Ближайшая аналогия к описанному сосуду найдена в IV—V комплексах из Пянджикента, датируемых V—VI вв.²⁹, в средней части долины Кашкадарьи в наслоениях малого Киз-тепа³⁰ III—V вв., а также в развалинах Калаи-Муг, относящихся к V в.³¹

Другой вид этой формы сосуда—чашечка с плоским дном, тонкими стенками. Толщина черепка—3 мм, она сделана на гончарном круге из хорошо promешанной глины, ангоб красный, диаметр 3—4 см. Подобные чашечки обнаружены в слоях Кабадиана³².

Следы обживания этого участка Афрасиаба в следующий археологический промежуток времени (II—I вв. до н. э. и I—III вв. н. э., шестой метр котлована) приходится на платформу под раннесредневековым зданием—сплошную глинобитную массу с большим содержанием золы и угля.

К наиболее ранним формам относятся фрагменты красноангобированных кубков. Первый из них—рюмкообразной формы, высокая ножка плавно переходит в тулово, постепенно расширяющееся к венчику. Он выполнен из глины розового цвета, покрытой плотным красным ангобом. Второй фрагмент кубка имеет маленькую устойчивую ножку, тулово от ножки резко конусообразно расширяется. Третий—покрыт коричневым ангобом; стенки с закруглением и переходят к устойчивой ножке. Последний—фигурный, с плоским дном, покрыт красным ангобом.

Кубки на Афрасиабе известны уже давно из сборов Н. И. Веселовского, а затем и В. Л. Вяткина. В VI—VIII вв. эта часть территории обживалась слабо.

На основании приведенных примеров можно прийти к следующим выводам: эпизодическое освоение этого участка началось в III в. н. э. и продолжалось до VIII в. н. э. В X—XII вв. эта часть города была густо населенной, о чем свидетельствуют мощные культурные наслоения с большим количеством керамических изделий.

²⁹ Б. И. Маршак. Указ. соч., рис. 23, 4.

³⁰ С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории южного Согда в III—VI вв., СА, 1963, № 1, стр. 221, рис. 2, 27—29.

³¹ Б. Я. Ставиский. Археологические работы в бассейне Магнандарьи в 1957 г., сб. «Археологические работы в Таджикистане», 1957, вып. V, Душанбе, стр. 78, рис. 7.

³² М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирниган (Кабодиан, 1950—1951 гг.), МИА, № 37, 1953, стр. 186, 283.

Весной 1963 г. в западной части города Афрасиаб для выяснения стратиграфических слоев, подстилающих здание квартала IX—X вв., (раскоп 9) был заложен шурф, показавший весьма сложную стратиграфию. В одном из слоев выявлена кладка из сырцового кирпича и пахсы¹. В целях уточнения характера сооружения и его датировки в 1964 и 1968 гг. шурф был расширен с северной стороны дополнительной площадкой 5×6 м. Эта часть шурфа опущена на глубину 1,70 м от уровня полов IX—X вв., лежащих в начале VII яруса (отсчет ярусов велся от условной реперной точки, расположенной на вершине холма).

В стратиграфии шурфа четко прослежены три слоя: остатки монументальной стены (IX—X ярусы); период ее разрушения и период запустения, где не встречено каких-либо следов сооружений, VIII ярус (рис. 1, 1).

Верхний слой серого цвета, средней плотности, толщиной 0,60—0,75 м., лежит под полами здания IX—X вв. В северной и восточной частях шурфа наблюдалось понижение рельефа, сnivelированного строительным мусором (битый сырцовый кирпич с рыхлой землей) при возведении помещений IX в.

В забутовке встречена керамика IX в.: в основном обломки кухонной посуды, венчики котлов из глины с примесью

¹ Г. В. Шишкина. Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1969, стр. 12—13.

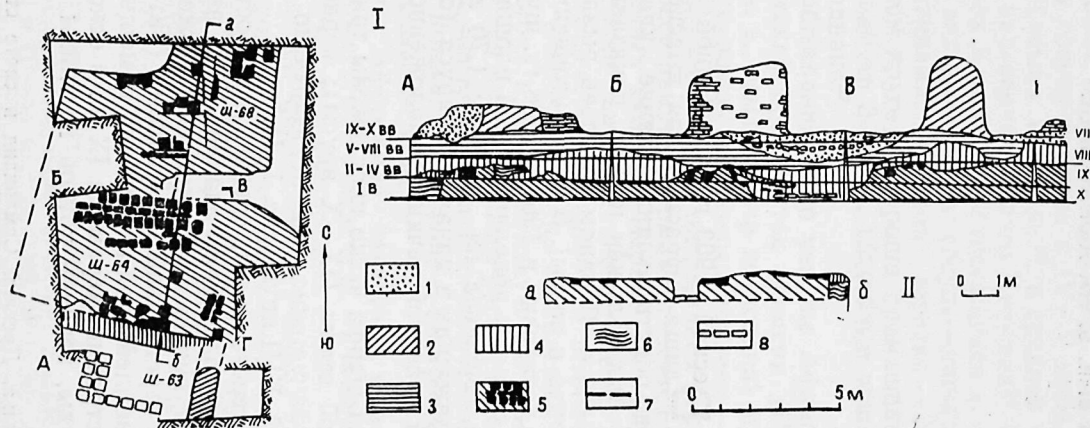

Рис. 1. Остатки монументального здания I в. н. э. на Афрасиабе:

1—разверстка стенок шурфа 1964 г.; II—разрез а-б; III—план шурфов: 1—завал IX в.; 2—лахсовые стены X в.; 3—серый слой средней плотности; 4—желтый слой; 5—стена; 6—натечные слои; 7—уровень пола; 8—выстилка сырцовым кирпичом.

кварцевого песка (рис. 2, 1—5), горло и несколько доньев неполивных кувшинов (рис. 2, 6—12). В самом же слое обнаружена керамика, относящаяся к раннему средневековью. Найдено несколько фрагментов широкогорлых горшков со смятым сливом, плечики одного из которых украшены потеками красного ангоба, кружка с приземистым корпусом и петлевидной ручкой. Здесь же обнаружены два горла кувшинов с венчиками в виде валиков (на одном из них — потек красного ангоба), несколько донцев со следами отделения от круга после формовки нитью. На одном видны следы подправки ножом, что характерно для производства раннесредневековой керамики Согда².

Фрагменты котлов представлены двумя видами венчиков: отогнутыми наружу и более усложненной профилировки с несколькими канеллюрами. Цвет черепка в изломе серый. Котлы сформованы из глины с примесью кварца.

Найдено несколько фрагментов жаровни со следами песчаной подсыпки на дне. Весь этот комплекс находит широкие аналогии с керамикой Пянджикента³ и усадьбы близ Кафыр-Кала⁴ (V—VII вв.).

Этот слой без резкой границы переходит в более плотный, желтого цвета. В нем прослеживались отдельные фрагменты сырцового кирпича с одинаково ориентированными сторонами. Как выяснилось впоследствии, это остатки сильно разрушенной стены, имеющей направление запад-восток (с небольшим отклонением на север-юг) и занимающей всю площадь шурфа.

Стена построена из сырцовых квадратных кирпичей размером $35 \times 35 \times 15$ см и кирпичных блоков ($37-40 \times 37-40 \times 20-22$ см). Использовались также обломки блоков и кирпича, деформированные кирпичные блоки. Несмотря на разницу в цвете между обмазкой и кирпичом выявить кирпич было довольно трудно. Кирпич, блоки и промазка изготовлялись как с примесью самана, так и без него. Стена сохрани-

² Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте I за 1955—1960 гг., МИА, № 124, М.—Л., 1964, стр. 228.

³ Б. И. Маршак. Указ. соч., стр. 232, рис. 23; И. Б. Бентович. Керамика Пянджикента, МИА, № 37, М.—Л., 1953, стр. 134, 137, 138, табл. 8, 9, 10.

⁴ Г. В. Шикина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 208—212, рис. 9.

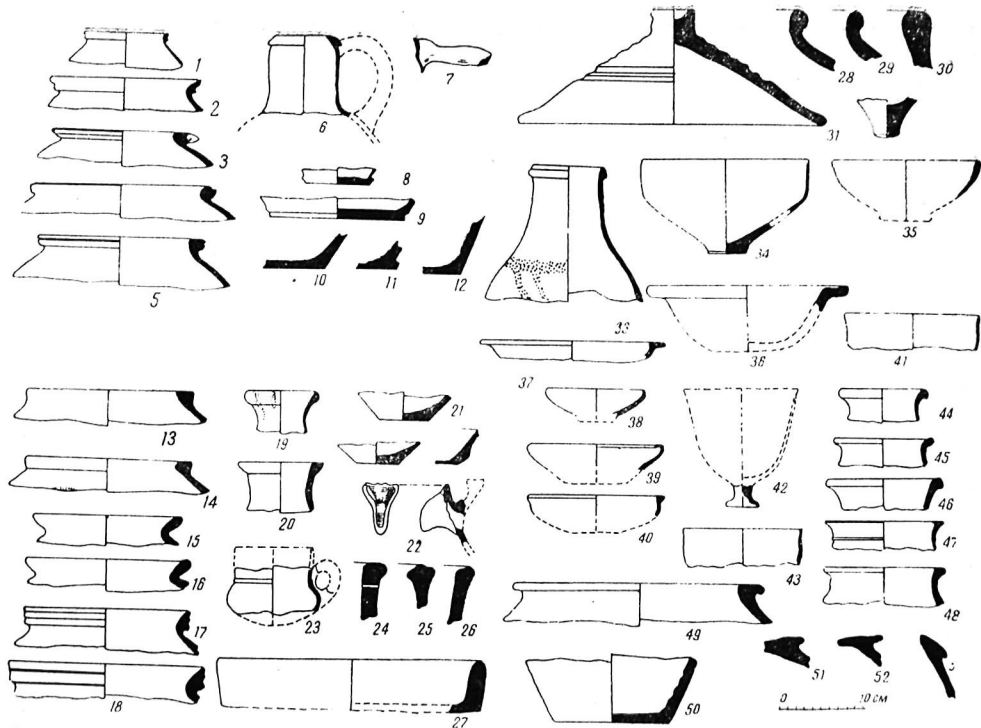

Рис. 2. Таблица керамики.

1-12-VIII-IX вв.; 13-27-V-VII вв.; 28-36-I-IV вв. н. э.; 37-50-III-I вв. до н. э.

лась на высоту 90 см, первоначальная толщина ее была 3 м.

В северо-западной части шурфа расчищен пол. На его обгорелой поверхности обнаружены обломки керамики. Горелая поверхность пола уходит под кирпичную кладку, видимо, ремонтную, по уровню и времени соответствующую полу с сырцово-кирпичной выстилкой в шурфе 1963 г. Судя по обгорелой поверхности первого пола, здание претерпело пожар и после этого ремонтировалось.

Второй ремонт относится к более позднему времени, когда стены здания были сильно разрушены, а в южной стене образовались промоины, заполненные слоистым натеком с прослойками крупного песка. Поверх натеков вдоль южной стороны пристроена пахсовая стена шириной 60 см. Ее основание лежит на 60 см выше основания первой стены.

Керамика, добытая из слоя здания, четко делится на две группы. К первой группе относится керамика, извлеченная из кладки стены, характеризующая нарушенные при постройке здания слои и, возможно, время его возведения. Она отличается тонкостью и изяществом черепка розовато-кирпичного цвета. Внешняя и внутренняя поверхность сосудов покрыта красным ангобом, а отдельные сосуды — коричневым и черным. На внешней поверхности заметны следы тщательного лощения по ангобу.

Все сосуды изготовлены на гончарном круге. Их можно разделить на следующие виды: чаши с плавно или круто загнутым внутрь краем, диаметром 12—22 см (рис. 2, 38—39). Сосуды, подобные этим, встречались в слоях III в. до н. э. Халчаяна⁵; чаши с резко отогнутым горизонтальным бортом и лощеной поверхностью; кубок красно-лощенный на профилированной ножке.

Весь этот комплекс находит аналогии с керамикой из слоя Кабадиан II (III—II вв. до н. э.)⁶ из Лявандакского могиль-

---

⁵ Г. А. Пугаченкова. Халчаян, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1966, стр. 35, рис. 14.

⁶ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирнигана (Кабадиан), 1950—1951 гг., МИА, 37, М.—Л., 1953, стр. 284, рис. 20.

ника (III—II вв. до н. э.)⁷ и с керамикой Северного Таджикистана (IV—I вв. до н. э.)⁸.

Вторая группа керамики (рис. 2, 28—36) относится к более позднему времени — периоду разрушения стены и вторичного использования здания. Качество черепка заметно снижается, сосуды становятся грубее и массивнее, появляются кубки с прямыми стенками резервуара на неустойчивой цилиндрической ножке (рис. 2, 32). Обнаружены цилиндрическая чаша на небольшом поддоне со сплошным покрытием ярко-красным ангобом без лощения, массивные неангобированные чаши с круглыми стенками, широким горизонтальным бортом и плоским дном, конические и полусферические крышки хумов. Найден фрагмент только одного кувшина с довольно высоким горлом, оформленным венчиком-валиком и покатыми плечиками, на которые нанесена широкая полоса коричневого ангоба.

Кубки, безангобные массивные чаши с бортом и цилиндрические чаши характерны для керамики Кабадиана V, Кей-Кобад-шаха⁹ и Халчаяна¹⁰, датированной II—IV вв. н. э. При известном сходстве керамики северных и южных районов Средней Азии этого времени она имеет и свои локальные особенности.

Различия двух списанных керамических комплексов указывают на то, что здание существовало в тот отрезок времени, когда происходила смена керамических форм.

Результаты исследований последних лет на севере (раскоп 6) и северо-западе (раскоп 9) Афрасиаба показали, что этот процесс начинается около I в. н. э.¹¹ Предварительно этим временем можно датировать и возведение нашего здания. Капитальность постройки предполагает длительность ее существования. В пользу этого аргумента говорят и появившиеся почти одновременно со зданием пристройки в южной

⁷ О. В. Обельченко. Лявандакский могильник, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 153, рис. 2—4.

⁸ В. А. Ранов, Е. Д. Салтовская. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г., Археологические работы в Таджикистане, вып. VII (1959 г.), Душанбе, Изд-во АН ТаджССР, 1961, стр. 121, рис. 10, 1, 3, 4.

⁹ М. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 291, рис. 27.

¹⁰ Там же, стр. 67, рис. 40.

¹¹ С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб, СА, 1969, № 1, стр. 190, 191; Г. В. Шишкина. О местонахождении Мараканды, СА, 1969, № 1, стр. 74.

части и ремонт здания сразу же после пожара. А сильный размыв дождевыми водами является подтверждением того, что, во-первых, пристройки к югу уже были разрушены, во-вторых, о запущенности или забросе здания во II—III вв. н. э.

В III в. н. э. могли произойти последний ремонт (пахсовая стена) и вторичное использование здания. Керамический материал из соответствующего слоя позволяет отнести время окончательного разрушения здания к IV в. н. э.

Функциональное назначение сооружения может быть выяснено только дальнейшими работами. Обнаружение части стены монументального здания на северо-западе городища и одновременной жилой постройки на севере¹² свидетельствует об интенсивной строительной деятельности на Афрасиабе в I в. н. э., что связано с общим процессом роста городов Средней Азии¹³. Это подтвердили археологические исследования последних лет.

---

¹² С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм, СА, 1964, № 2, стр. 80, рис. 1, 2.

¹³ История таджикского народа, т. I, стр. 369—370.

Археологические работы на Афрасиабе в 1967 г. производились вдоль восточной стороны дороги Самарканд — аэропорт, между второй двойной¹ и внешней крепостными стенами городища. Их протяженность — около 500 м.

Наш раскоп был заложен в центре этой полосы на оплывшем холме, в 100 м южнее километрового столба дороги. Была вскрыта площадь в 650 м² на глубину от 0,5 до 3,5 м и выявлены остатки жилых построек IX—X вв. В северо-западной части раскопа на небольшом участке (около 50 м²) обнаружено значительное количество разбитых оссуариев и человеческих костей.

Оссуарии уже встречались на Афрасиабе в предшествующий период. Их обнаруживали Н. И. Веселовский² и В. Л. Вяткин³, однако местонахождение оссуариев не было точно указано. Наша находка является первым точно зафиксированным местоположением некрополя раннесредневекового Самарканда.

О больших размерах некрополя свидетельствуют аналогичные находки в 200 м к югу на раскопе Г. Дадабаева. Здесь

---

¹ М. Пачос. Из раскопок на Афрасиабе, Исследование второй городской стены, ИМКУ, Ташкент, 1965, стр. 28.

² Н. И. Веселовский. О находке глиняных гробов в Самарканде, Записки Восточного отделения Русского археологического общества, т. XIII, СПб., 1900, стр. 3.

³ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда, стр. 27.

кроме фрагментов оссуариев обнаружено и захоронение в хуме⁴.

К сожалению, восстановить архитектуру погребальных сооружений-наусов невозможно, так как все они были совершенно разрушены, скорее всего умышленно арабами, как место, связанное с доисламским культом. Эту мысль подтверждает то обстоятельство, что оссуарии с выпавшими костями человека оказались под фундаментом средневекового помещения IX—X вв. Кроме того, все оссуарии были разбиты на мелкие куски, которые мы обнаруживали в самых разных местах. К такому же выводу еще раньше пришел И. А. Сухарев,

Рис. 1. Лицевая сторона оссуария.

исследуя наусы городища Кафыр-кала под Самаркандом⁵. Разрушались наусы и под влиянием естественных факторов (дождь, снег, ветер, солнце и т. д.). Однако остатки стен, наиболее выразительные фрагменты которых выявлены на раскопе Г. Дадабаева, позволяют заключить, что наусы были сложены из пахсы.

Оссуарии имели в основном форму продолговатого ящика с закругленными углами. Лицевая поверхность их чаще всего сплошь покрывалась рельефным орнаментом.

Приведем описание наиболее выразительных из них:

⁴ Г. Дадабаев. Оссуарии из Афрасиаба, ОНУ, Ташкент, 1968, № 10, стр. 44—46.

⁵ И. А. Сухарев. Отчет по раскопкам зороастрийских наусов городища Кафыр-кала (рукопись хранится в архиве Самаркандского музея, папка № 568), Самарканд, 1938, стр. 17.

Фрагмент оссуария (рис. 1) состоит из хорошо вымешанной глины без примеси, в изломе имеет красноватый цвет. Оссуарий имел продолговатую форму с закругленными углами, длина 70 см, высота 23,5 см, толщина стенки — 1,5—2 см. Придонная часть подрезана ножом, фасадная сторона богато украшена рельефным орнаментом, а бортик оформлен фестончатым налепом. Ниже него — поле, которое до самого основания делится двойной волнистой линией на шесть частей, украшенных сверху чередующимся орнаментом в виде выпуклых рельефных головок в короне и штампованных изображений несторианского креста, состоящего из четырех равных треугольников. Поле покрыто рельефом-«чешуей». Представляет интерес штампованное изображение головки юноши европеоидного типа, сделанное с большим мастерством. Все черты его лица переданы симметрично. Корона представляет собой изображение с расходящимися в сторону крыльями, между которыми лежит вытянутый шар. Близкие типологические фрагменты оссуариев из Самарканда были опубликованы Г. А. Пугаченковой⁶. Кресты из четырех равных треугольников имеют прямую аналогию с процарапанным крестом кувшина из раннесредневекового некрополя городища Ак-Бешима⁷.

Интерес представляет и довольно крупный фрагмент оссуария (рис. 2). Его длина 40 см, высота сохранилась почти полностью (21 см), толщина стенок — 2—2,5 см.

Лицевая поверхность этого оссуария украшена врезным и штампованным орнаментом. Край обрамлен налепным фестончатым валиком в виде карниза, ограничивающего снизу полоску, украшенную одним рядом треугольных оттисков. Поверхность под валиком-карнизом разделена двойными линиями на крупные треугольники, из которых два сохранились полностью, третий только частично. В центре фрагмента помещен треугольник вершиной вверх, он украшен в середине крестом, состоящим из трех треугольных вдавлений, обращенных вершинами внутрь, и стержня, опущенного вниз. Поле украшено кружками и дужками. Треугольники по краям

⁶ Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, Труды ИИА АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 11, рис. 1.

⁷ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг., Труды КАЭЭ, II, М., 1959, стр. 231.

фрагмента, обращенные вершинами вниз, были украшены на- лепными барельефными изображениями головок, увенчанных коронами. Сохранился только один налп, но и в нем лицо почти целиком сбито— можно различить лишь ус и один глаз с правой стороны. Хорошо сохранилось изображение трехчастной короны с полумесяцем в середине и крыльями по сторонам. Полумесяц концами обращен вверх. В него впи-

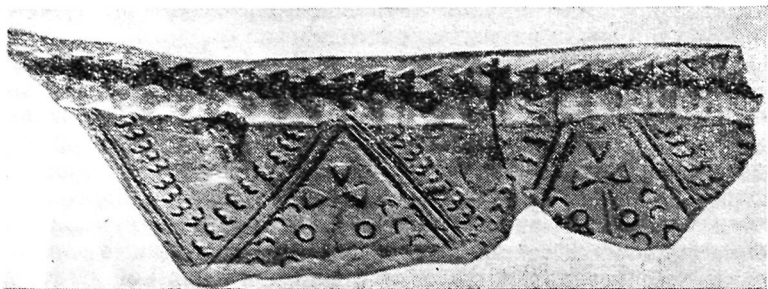

Рис. 2. Фрагмент оссуария.

сан шар с расчлененной полосами поверхностью. Нижний край короны обрамлен бахромой. По стилю корона описанного оссуария близка изображениям корон сасанидских царей, особенно Варахрана II (276—293)⁸ и Хосрова II Порвеза (590—627)⁹, хотя на короне последнего вместо шара была изображена звезда. Края треугольника обрамляла полоска 3-образных вдавлений.

Этот орнамент и изображение христианско-несторианско- го креста весьма характерны для оссуариев Афрасиаба, най- денных в окрестностях современного Самарканда и Пянджи- кента¹⁰. 3-образные фигуры изредка встречаются также на бытовой посуде из Пянджикента¹¹ и Афрасиаба.

⁸ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл, ГЭ, М.—Л., 1935, табл. 2.

⁹ А. Я. Борисов, В. Г. Луконин. Сасанидские геммы, ГЭ, Л., 1963, стр. 64, рис. 14, 4.

¹⁰ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь, МИА, № 37, М.—Л., 1953, стр. 80.

¹¹ Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг., МИА, № 124, М.—Л., 1964, стр. 233, рис. 23, 5.

Другим вариантом орнамента оссуариев является украшение фигурками в виде колеса с четырьмя или шестью спицами. На бортиках некоторых фрагментов имеются сквозные отверстия, которые, как предполагает А. В. Гудкова, служили для укрепления крышки¹².

Ценной находкой является фрагмент оссуария из раскопа Г. Дадабаева. На его стенках изображены колонны коринфского стиля с элементами местных форм. Это обстоятельство свидетельствует о влиянии античной архитектуры на среднеазиатскую в эпоху раннего средневековья.

Среди подъемного материала большой интерес представляет обломок оссуария из глины красноватого цвета, покрытой розовым ангобом. Сохранился фрагмент стенки, лицевая сторона которой украшена барельефным наклепным изображением женской головки, обрамленной частично сохранившейся сверху фестончатой полоской. Лицо ее округлое, с монголоидными чертами. Нижняя часть лица и нос пострадали от времени. Хорошо сохранились широко расставленные глаза и узкий лоб, ограниченный сверху плоской повязкой. Посередине лба чуть выделяется кольцеобразное украшение. Можно различить и массивные серьги или букли. Снизу голова обрамлена широкой изогнутой наклепной полоской — схематическое изображение ожерелья.

В целом же, все вышеописанные оссуарии имеют форму продолговатого ящика с закругленными углами, за исключением детских — овальных. Наружные фасадные поверхности в большинстве случаев орнаментированы. Неорнаментированные оссуарии обычно довольно грубо сделаны, что может свидетельствовать о социальном неравенстве погребенных.

Нами было найдено немалое количество и бытовой керамики, которая находит аналогии и в материале из гончарной мастерской IV—VII вв. Афрасиаба, расположенной около усыпальницы Ходжа-Данияра.

Большое количество керамики, обнаруженной на участке некрополя, обилие разбитых оссуариев и человеческих костей, пронизывающих толщу холма более чем на 2,5 м, — все это свидетельствует о длительности функционирования кладбища в доарабский период (очевидно, с VI до начала VIII в.).

---

¹² А. В. Гудкова, Ток-кала, Ташкент, 1964, стр. 85.

Открытие на Афрасиабе некрополя за пределами второй двойной стены является важным фактом для выяснения исторической топографии Самарканда эпохи раннесредневекового города. Подобные захоронения за пределами городских стен отмечены в Пянджикенте¹³, Кафыр-кале под Самаркандом¹⁴, Киндык-тепе под Ташкентом¹⁵, Пайкенде¹⁶, Таразе¹⁷ (Южный Казахстан), Ток-кале¹⁸ (Хорезм), Мерве¹⁹ и в других местах Средней Азии. Подтверждение этому дают письменные источники. Так, Табари сообщает, что захоронения в наусах находились за пределами городских стен²⁰.

Отсутствие подобных захоронений на Афрасиабе послужило для некоторых исследователей аргументом в пользу расширения территории раннесредневекового Самарканда до пределов четвертой внешней оборонительной стены²¹. Наличие оссуарного кладбища за пределами второй стены является еще одним фактом, подтверждающим высказанное нами предположение о том, что Самарканд V — начала VIII в. ограничивался второй двойной крепостной стеной. Точка зрения В. Л. Вяткина²² и В. А. Шишкина²³ относительно того, что внешняя городская стена Афрасиаба была возведена после арабского завоевания в пределах VIII—IX вв. — оказалась правильной.

По мнению большинства ученых оссуарные захоронения относятся к зороастрийскому культу. Об этом свидетельствуют изображения сасанидских корон на оссуариях Афрасиа-

---

¹³ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь, МИА, 37, М.—Л., 1953, стр. 64.

¹⁴ И. А. Сухарев. Указ. соч., стр. 6.

¹⁵ В. А. Нильсен. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.), Ташкент, 1966, стр. 101.

¹⁶ Работа проводилась под наблюдением Г. В. Шишкиной.

¹⁷ Л. И. Ремпель. Некрополь древнего Тараза, ҚСИИМК, вып. 69, М., 1957, стр. 102.

¹⁸ А. В. Гудкова, Ток-кала, Ташкент, 1964, стр. 85.

¹⁹ С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али, Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР, V, Ашхабад, 1959, стр. 162.

²⁰ Табари II, 1543.

²¹ Б. Я. Ставиский. Указ. соч., стр. 86.

²² В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 12—13.

²³ В. А. Шишкин. Полевые работы узбекской археологической экспедиции в 1960 г., ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 9.

ба. Однако нельзя игнорировать и других деталей: крестов, коринфских капителей и т. д. Они являются подтверждением мысли, высказанной И. А. Орбели и К. В. Тревер, о большом влиянии античности через христианство на местное искусство VI в.²⁴ Тем более, по письменным источникам нам известно, что в начале VI в.²⁵ в Самарканде была достаточно сильна христианско-несторианская община, во главе которой в начале VIII в. стоял митрополит²⁶. Влияние античности проявляется и в терракоте из Афрасиаба (VII—VIII вв.), передающей облик мужчины греческого типа²⁷ с согдийской надписью, сделанной до обжига.

Другим фактом христианского влияния может служить сам термин «наус». Как известно, слово это греческого происхождения, означающее в переводе для эпохи античности — жилище богов, храм²⁸. А с проникновением христианства в Грецию оно стало означать церковь — святилище, а на Востоке — мавзолей.

Фактом взаимного влияния зороастризма, христианства и, возможно, манихейства — господствующих религиозных течений в Самарканде V—VIII вв. — служит также этнический тип изображения человека на оссуариях — то европеоидный, то монголоидный.

Таким образом, находки оссуариев и хумов с человеческими останками свидетельствуют о синкретизме разных религиозных течений в Средней Азии и, в частности, Самарканде, хотя для окончательного решения этой проблемы необходимо дальнейшее накопление новых массовых материалов.

---

²⁴ И. А. Орбели, К. В. Тревер. Сасанидский металл, ГЭ, М.—Л., 1935, стр. 21.

²⁵ В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 272.

²⁶ А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда (По материалам пянджикентских храмов), Живопись древнего Пянджикента, М., 1954, стр. 37.

²⁷ И. Ахраров. Глиняная головка с согдийской надписью с Афрасиаба, СА, М., 1967, № 4, стр. 293—294, рис. 1.

²⁸ Древнегреческо-русский словарь составил И. Х. Дворецкий под ред. С. И. Соболевского, т. II, М., 1958, стр. 1120.

Конец VII — начало VIII в. — тяжелый период в истории Согда, связанный с грабительскими набегами, завершившимися завоеванием области арабами. В 712 г. после длительной осады с применением стенобитных орудий и подкопов был взят Самарканд¹. О степени материального ущерба, нанесенного городу в период завоевания и последовавших за ним восстаний, свидетельствуют и письменные источники, и материалы, полученные при раскопках. Значительные по площади участки города превращаются в руины, пустыри и кладбища, которые вновь начинают застраиваться около середины VIII в.

На северо-западе городища, там, где позднее возникли постройки исследованного квартала (раскоп 9), в это время появляется сооружение из сырцового кирпича размером $44 \times 22,5 \times 8,5$ см с применением в кладке рваного сланца. С этим строением, возможно, связаны арычек и водоем, расчищенные в том же слое и перекрытые сырцовым завалом, где найдена медная монета 144 г. х. (761/2 г. н. э.), типа выпускавшихся в Самарканде от имени Ал-Аш'ас'а ибн Йахйа. В тот же период в западной части исследованной площади (раскоп 9) накапливались зольно-мусорные отвалы, близ которых найден фельс Ал-Аш'ас'а и три монеты 770 г. н. э.

¹ В. В. Бартольд. К истории арабских завоеваний в Средней Азии, Соч., т. 2, ч. II, стр. 381—382; С. Г. Кляшторный. Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов, ЭВ, IX, М., 1954, стр. 61, 62.

одного типа, но с разными именами: Хамза ибн Амр, Хумейд ибн Кахтаба и Ал-Махди.

Более полное представление получено о возникшем на этой территории квартале, который был целиком раскопан (рис. 1), за исключением примерно шестой его части, уничтоженной при строительстве дороги в 1947 г.² По топографическому плану городища 1885 г. при сопоставлении с рельефом 1958 г. и контурами раскопанного квартала размеры последнего определяются в 5600 м². Располагался квартал между двумя большими улицами. На восток от него проходила одна из главных магистралей города³ и сопровождающий ее канал⁴ последних столетий жизни города (IX—начала XIII в.).

На западе исследованный квартал от квартала, лежащего близ городской стены, отделялся незастроенной тридцатиметровой полосой, по краям которой проходили мощные сланцем дороги (западная — шириной 2 м, восточная — 4 м).

Контуры раскопанного квартала близки к прямоугольнику, слегка вытянутому в направлении С—Ю. Все сооружения квартала воспринимаются как единый архитектурный комплекс, связанный общими наружными и многими внутренними стенами, где отдельные, сравнительно обособленные группы помещений сообщались между собой.

---

² Восточная половина двора 62, помещения 63, 64, 67—74 раскопаны под руководством научных сотрудников С. К. Кабанова, М. И. Филанович, М. Х. Урмановой (Р—9А), М. К. Пачоса (Р—9Б), Я. К. Крикиса, М. Н. Федорова и Ш. С. Ташходжаева (Р—9В). Фото чертежей выполнены Е. Н. Юдицким.

³ Сейчас здесь проходит шоссейная дорога, соединяющая город с аэропортом. При ее расширении были срезаны большие участки холмов на всю толщу культурного слоя.

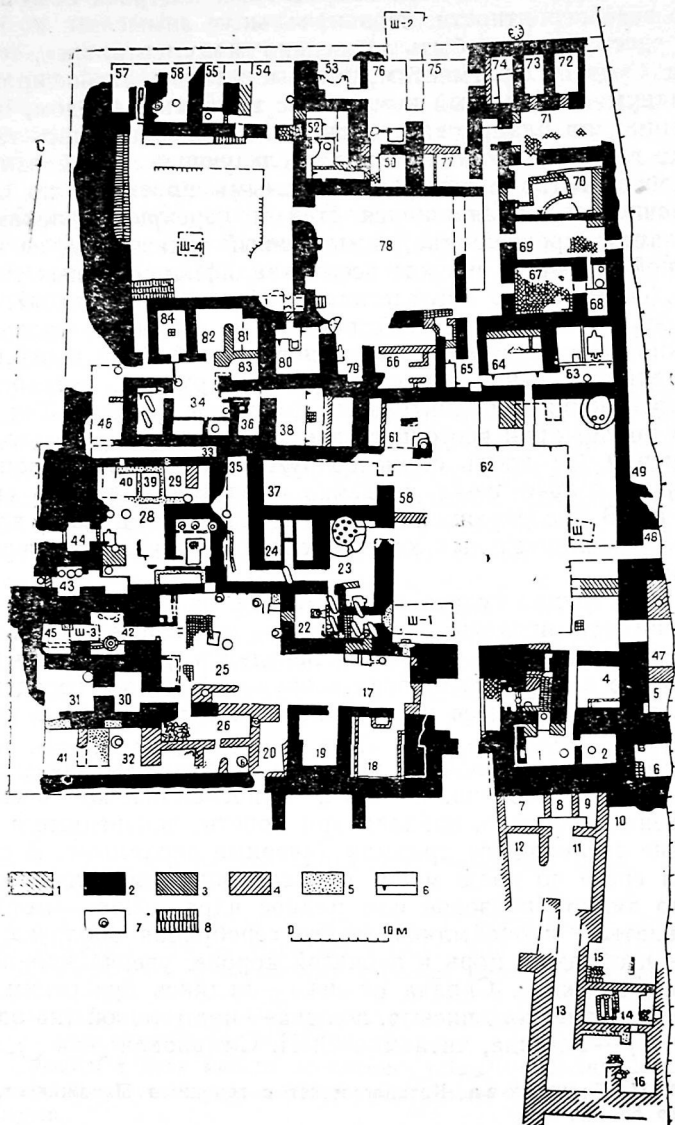
⁴ В. Л. Вяткин уломинает канал и отходящий от него почти параллельно отвод в районе здания с резными панелями (Дневник, тетрадь I, стр. 5а). Южнее — участок грунтовой дороги (но не канала) был прорезан траншеей; См. М. Пачос. Стратиграфический раскоп в западной части Афраснаба, Научные работы и сообщения, кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 283, рис. 1.

Рис. 1. План квартала на северо-западе Афраснаба:

1—первый период; 2—второй период; 3—ремонтные второго периода; 4—третий период; 5—четвертый период; 6—суфа; 7—резервуары, ванны, жаропроводящие каналы; 8—тандыры.

Архитектурное единство квартальных построек объясняется, по всей вероятности, первоначальным замыслом, по которому здесь должно быть возведено монументальное сооружение. Судя по фрагментам, которые удалось зафиксировать, был задуман обширный комплекс с парадным входом, напоминающий по планировке позднейшие пештаки. Здесь также налицо глубокая входная ниша и следующее за ней замкнутое пространство с четырьмя входными проемами по осям.

Расчистка сохранившихся стен и перекрытий показала, что размах строительства, замысленный заказчиком, не имел реальной основы и прежде всего квалифицированных строителей (сказывались последствия арабского завоевания). Выразилось же это в том, что строители не сумели рассчитать и надежно вывести арки и своды перекрытий. Уже в процессе строительства выявилась слабость конструкций, потребовавших возведения дополнительных подпорных стенок. Так был сужен пролет арки восточного входного проема, а в одном из помещений (1) вдоль стены сооружена пристройка, понадобившаяся только из-за неудачно начатой кладки свода (рис. 1). В последующий период ненадежность свода требовала дополнительных кладок, сильно суживающих пролет помещения.

Сейчас трудно судить о планировке, завершенности и назначении так неудачно начавшейся постройки. Очевидно только, что несмотря на многие переделки, план здания подчинил себе в какой-то степени сооружения нового городского квартала, появившиеся на этой площади (раскоп 9) в конце VIII в.

В процессе раскопочных работ на квартале выявлены пять периодов его освоения. В слое, относящемся ко времени возведения квартала, найдены три монеты, чеканенные в подражание сасанидским драхмам («черные дирхемы»). В поперечном срезе по краю монет при восьмикратном увеличении хорошо видно бронзовое или медное ядро (цвет металла красноватый) и окаймляющая его серебряная оболочка. На аверсе изображен царь в зубчатой короне, увенчанной полумесяцем с точкой. Справа от него — надпись бухарским вариантом согдийского письма, а слева — над головой (на одной из монет) — легенда, читаемая О. И. Смирновой⁵ как *المهدى*

⁵ О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пянджикент, М., 1963, стр. 58—59.

Начертания букв на афрасиабской монете вряд ли допускают такое чтение, поскольку первые три вертикальные черты расположены на равных расстояниях близко друг к другу, четвертая же значительно выше, отстоит далеко от них и загнута влево. Дж. Уокер объясняет эту надпись как часть искаженной пехлевийской легенды, приводя в доказательство таблицу постепенного ухудшения пехлевийской надписи. Время чекана большей части монет этого типа он относит к доаббасидскому периоду⁶. В одном из ташнау, принадлежащем тому же слою, вместе с керамикой, где преобладали кружки со срезами по плечу, найдена бронзовая (ядро светлое, желтое) посеребренная монета со словом *المهدي* слева над зубчатой короной царя — типа, отнесенного Дж. Уокером к восьмидесятым годам VIII в. н. э.⁷

Монеты, именуемые «черными дирхемами», не раз привлекали внимание нумизматов⁸. Но и по сей день многие, связанные с ними вопросы остаются нерешенными. Высказанному исследователями предположению о периодичности эмиссий «черных дирхемов», начиная со второй половины VIII до XII в.⁹, противоречит такой факт, как устойчивость иконографии монет на протяжении более трех столетий. Совершенно идентичные монеты встречены на Афрасиабе в слоях VIII в. и в кладе из слоя не ранее XII — начала XIII в.¹⁰

Высокий курс «черного дирхема», длительность его обращения и при этом сравнительно хорошая сохранность — клады только из этих монет — не указывает ли все это на ограниченность сферы их обращения (фискальные функции, как известно из источников) в X—XII вв., когда они уже не выпускались?

---

⁶ J. Walker, *A Catalogue of the Arab—Sassanian Coins*, London, 1941, p. LXXXV, LXXXVI, 163.

⁷ Там же, p. XC.

⁸ J. Walker, *op. cit.*; М. Е. Массон. К вопросу о «черных дирхемах» Мусейяби, Труды ИИА АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1955; Е. А. Давидович. О загадочных дирхемах Мусейяби, Мухаммеда и Гитрифи, М., 1960; М. Н. Федоров. О датировке одной группы дирхемов бухархуддатского типа, Нумизматика и эпиграфика, вып. IX, М., 1971.

⁹ См. указ. статью М. Н. Федорова.

¹⁰ Имеются в виду монеты со словом *المهدي* в легенде из клада, найденного в раскопе у стены соборной мечети. Руководит работами М. Садиев.

Появление государственного фальсификата серебряной монеты нет оснований относить ко времени не раньше XI в.¹¹, поскольку этому противоречит находка пяти «черных дирхемов» на Афрасиабе в слоях VIII в. Все дирхемы имеют медную сердцевину и серебряную оболочку. Они обнаружены в слое, хорошо изолированном сверху несколькими уровнями полов, два из которых выстланы сланцем и жженым кирпичом. Датировка монет подтверждается керамическим материалом, содержащим большой процент кружек с вмятинами или срезами по тулову; не противоречат этой датировке и зафиксированные здесь литые фельсы.

Периоду постройки сооружений квартала соответствуют еще две монеты, найденные в одном слое между полами в юго-западном его углу. Одна — сильно стертая монета, чеканенная в подражание сасанидским драхмам, другая — медная, диаметром 2,2 см с обломанными краями. Последняя принадлежит к группе литых фельсов, выявленных в процессе раскопок на описываемом квартале. Четыре таких фельса найдены в завалах, куда они попали из кладок более поздних стен.

На лицевой стороне литых фельсов помещена первая часть мусульманского символа веры, а вокруг — неполный, слегка измененный стих корана (сура 48, стих 28). Обратные стороны монет либо совсем сглажены, либо имеют лишь слабый рельеф, что, вероятно, объясняется недостаточным количеством металла, залитого в форму, почему до нас и не дошло ни одной круговой легенды, где должна была помещаться дата. Попытка определить время выпуска описанной группы самаркандских литых фельсов сделана¹² на основе сходных признаков с динаром 170 г. х. (786/7 г. н. э.) без указания монетного двора, опубликованным В. Тизенгаузенем¹³. Динар с фельсами объединяет содержание и расположение надписей, а кроме того сходное начертание букв с точечными утолщениями на концах. Если судить по экземпляру фельса, где видны следы надписи на оборотной стороне, оформление монет отличалось лишь тем, что на динаре в

¹¹ М. Н. Федоров. Указ. соч., стр. 125.

¹² См. Г. В. Шишкина. Монетные находки в жилом квартале древнего Самарканда, Из истории культуры народов Узбекистана, Ташкент, 1965, стр. 39, 44, табл. 2, № 7—10.

¹³ В. Тизенгаузен. Монеты Восточного халифата, СПб., 1877, стр. 120, № 1094. табл. III, № 15.

нижней строке помещено имя Али, а на фельсе центральная легенда заключена в точечный круг. Несмотря на элементы различия, ряд сходных признаков и сам факт находки литого фельса в слое конца VIII в. подтверждают допустимость датировки этой группы монет по аналогии с динаром восьмидесятью годами VIII в.

Весной 1972 г. около цитадели на Афрасиабе была поднята литая монета иного типа: выпускные сведения оказались помещенными на лицевой стороне, как обычно расположенной на нижней половине литейной формы, благодаря чему отливка получилась сравнительно четкая. В поле, в точечном круге — начало мусульманского символа веры. Круговая легенда, помещенная между точечными кругами, читается с некоторым затруднением:

ضرب هذا الفللس سمرقند سنة اربع و اربعين (?) و مئة

В поле оборотной стороны, под продолжением символа веры — непрочитанное имя — . В круговой легенде, так-

же заключенной в точечные круги, различаются лишь отдельные знаки. Литая монета с тем же именем (выпускные сведения не читаются) обнаружена вместе с фельсом 15 (?) 2 г. х.¹⁴ Если дата на подъемной монете прочитана верно, то, время выпуска подобных денежных знаков относится к шестидесятым годам VIII в.

В Самарканде в VIII в. имели хождение (а может быть и выпускались) и другие типы литых монет, о чем можно судить по фельсу, извлеченному из-под основания пахсовой городской стены на северном краю городища¹⁵. Надписи на нем выполнены широкой линией, строки растянуты. Центральная легенда лицевой стороны — в точечном круге, а оборотной — в линейном, со знаком в нижней строке. Еще на одном фельсе плохой отливки, с наплывами (из раскопа

¹⁴ Афрасиаб, 1969 г., раскоп 41/XXI. Руководила работами на раскопе Н. А. Аванесова (Самаркандский университет).

¹⁵ Афрасиаб, 1960, раскоп 6. Разрез городской стены производился под наблюдением М. И. Филанович (руководитель раскопа С. К. Кабанов).

23) в нижней строке оборотной стороны можно прочесть:
...المهر

Рассмотренные фельсы, представленные по меньшей мере четырьмя разными типами (или вариантами), свидетельствуют о распространении во второй половине VIII в. в монетном деле Самарканда наряду с чеканом способа литья (продолжение доарабской согдийской традиции).

О раннем периоде жизни квартала с момента его постройки до первых крупных переделок можно сказать немного. В какой-то своей части первоначальная планировка сохранилась и позднее, но последующие большие перестройки не позволили восстановить весь план квартала первого периода.

Некоторые сведения о первоначальной планировке дали раскопки южного края квартала. Здесь выявлена парадная комната ($7 \times 45 \times 3,30 \text{ м}^2$), окрашенная красной охрой и бывшая частью упомянутого монументального здания. Перестройка во второй период сильно повредила стены комнаты, почти не затронув ее юго-восточный угол. Торцовая стена комнаты возведена комбинированной кладкой, где шесть рядов сырцового кирпича чередуются с сорокасантиметровыми лентами пахсы. Сохранились три неполных пояса кирпичной кладки и две ленты пахсы. Щковая стена возведена из пахсы, положенной на один ряд сырцового кирпича. Пахсовая стена высотой 0,84 м нарезана на блоки 0,80 м шириной. Над пахсой лежит кладка ложного свода из 10 рядов кирпича. Полуразрушенную комнату затем приспособили для хозяйственных нужд.

Близкая к квадрату ($11,5 \times 12,5 \text{ м}^2$) площадка (25), расположенная северо-западнее красной комнаты, в первый период была занята двором, который входил в комплекс долго функционировавших сооружений. Об этом свидетельствуют пять горизонтальных полов. Два из зафиксированных уровней несут на большом пространстве следы долго действовавшего огня. На нижнем из них стоят два керамических горна с сильно прокаленной обмазкой пода. Между полами на небольшом расстоянии от горнов найдены обломки кричного железа, что позволяет связать горны с кузнечным производством. Северо-западнее горнов, в заполнении разрушенного арыка середины VIII в. обнаружено большое количество гальки, среди которой оказалось две наковаленки (одна из них выполняла и роль терки). Здесь же были обломки больших

гранитных терок, тиглей разных размеров, стенки керамических горнов, крупные куски вспенившегося оплавленного лесса, комья горелой глины с примесью самана и кусочки железного шлака. На верхнем из голов прослежены отвалы золы, мелкого боя сильно прокаленного кирпича, кусков спекшегося лесса; найдены толстые (2—3 см) сильно прокаленные стенки большого горна, значительное количество смятых, оплавленных, спекшихся с золой и угольками обрезков стекла, обломки большого тигля с округлым дном (диаметр 29 см) и с очень прочными, высокотемпературного обжига, оплавленными снаружи стенками. Внутренняя поверхность тигля не сохранила следов плавившегося в нем вещества. Инвентарю мастерской могла принадлежать и медная чаша весов (диаметр 9,2 см). Обломки горнов, кусочек кричного железа и фрагмент тигелька извлечены из упомянутого ташнау. Характер находок говорит о существовании в этой части квартала во второй половине VIII в. мастерских, занятых обработкой железа и стекольным производством.

На участке восточнее (комната 47) с ремеслом можно связать соответствующий по времени ранний этап, для которого зафиксированы две вогнутые, сильно обожженные поверхности полов (рис. 2, б), прилегающих к стене, выложенной, как и стены комнаты 18, комбинированной кладкой из пахсы и кирпича.

Ремесленников в этой части квартала сменили жители других профессий. На одном из последних этапов первого периода описанный двор (25) вымостили рваным сланцем. У его западной стены вымостка подходит к специальному углублению площадью около $2 \times 2,40 \text{ м}^2$, выложенному жженым кирпичом размером $21 \times 21 \times 4,5 \text{ см}$. В стенке углубления устроен хозяйственный очаг, а рядом — ташнау.

Группу помещений на юге квартала, куда входил и двор, занимала в это время школа или учитель грамоты, о чем можно судить по находке нескольких черепков, на поверхности которых черной краской нанесены арабская азбука, имена, мусульманский символ веры. Из зольника над более ранним бадрабом в северо-восточном углу двора (25) извлечены три фрагмента горловины хумчи, на внутренней поверхности которых сохранились следы написанных черной краской букв. На одном из них виден «алиф» и еще какая-то буква горизонтального начертания. На других — надпись полустер-

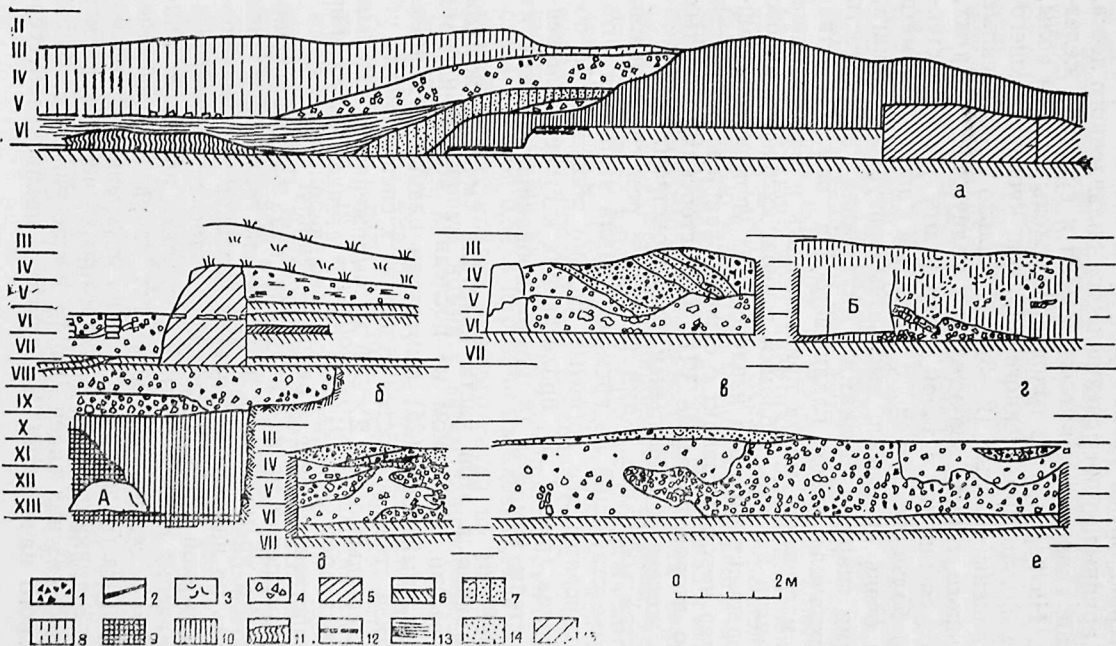

Рис. 2. Разрезы наслоений в северо-западном квартале:

а—разрез вдоль южной стены большого центрального двора (62); б—срез по краю дороги С—Ю, комната 47; в—С—Ю, через центр комнаты 24; г—разрез С—Ю в южной части комнаты 23 над ванной; д—З—В, комната 22; е—С—Ю, комната 22;
 1—оплавленные комья лесса; 2—горелая земля; 3—скопления керамики; 4—завал сырового кирпича и пахсы; 5—стены из сырового кирпича; 6—уровни полов; 7—глина с песком; 8—рыхлый слой; 9—лесс; 10—плотный слой; 11—гончарная глина; 12—женьй А—часть погребца; Б—погребение.

та. Неподалеку от зольника найден фрагмент сосуда, испи-
санный неуверенной рукой отдельными буквами и слогами.
В бадрабе соответствующего этапа под стеной комнаты 3 сре-
ди прочих предметов лежали два фрагмента кувшина, на
обеих сторонах которых написаны начало суры корана
«Очищение (веры)», символ веры и имя عيسى — Иса¹⁶.

Во второй период жизни квартала его постройки были
отремонтированы, а местами переделаны, но основа плана
осталась, по-видимому, прежней. Квартал, фактически превра-
тившийся в единое огромное здание, после перестроек ис-
пользовался под бани (рис. 4).

Помещения бани группировались вокруг нескольких вну-
тренних дворов (не менее пяти) разной площади (рис. 4).
Четыре из них четко прослежены в сохранившейся части
комплекса, пятый намечается вдоль среза дороги — простран-
ство, обозначенное номером 49 (рис. 1).

Количество и характер комнат, сгруппированных вокруг
двора, различны и планировка их произвольна. Возможно,
сказалось то обстоятельство, что описываемый архитектур-
ный комплекс возник на основе более древнего и в значи-
тельной степени зависел от особенностей его планировки.
Монументально выполненный южный вход в виде глубокой
ниши (4,2 м) ведет в замкнутое пространство 5,20×6,80 м².
На оси С-Ю наружного входа лежит внутренний входной
проем, ведущий в большой двор. По оси В-З располага-
ются два арочных входа в западную и восточную части
здания. Планировка здания бань вдоль его восточного края,
уничтоженного дорогой в 1947 г., осталась неизвестной.

С юга к входу в здание подходила мощеная дорога, к
которой с запада примыкало неогороженное пространство
с обращенными к нему антами, выступавшими от стены на
3,5 м. Стена между антами, восточным антом и входом в
здание была оформлена белыми ганчевыми панелями с
простым геометрическим рисунком и живописью над ними.
Полы моечных комнат, залов и айванов выстланы квадрат-
ным жженым кирпичом фигурной кладкой. Стены комплек-
са, выходящие на улицу, достигали толщины 3—4,5 м. Юж-

¹⁶ См. Г. В. Шишкина. Два острака из Самарканда, ОНУ, 1966,
№ 10, стр. 43—45. При наборе имени допущена опечатка, его следует чи-
тать — عيسى — Иса

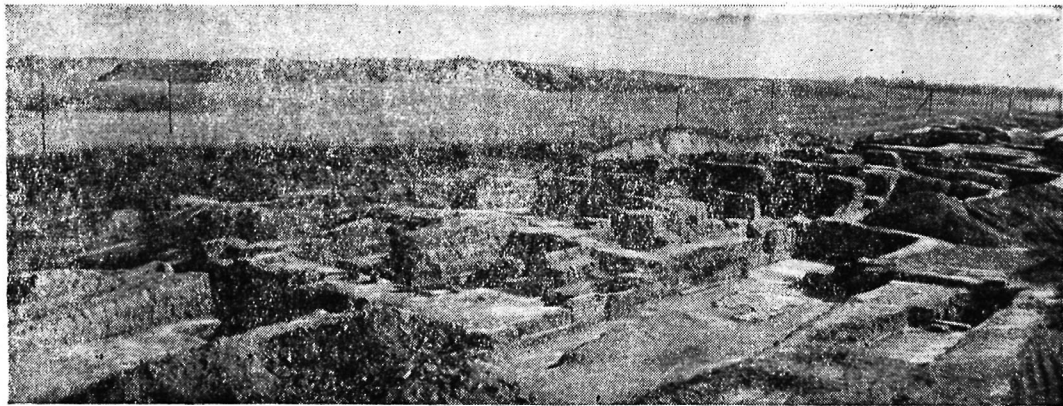

Рис. 3. Общий вид раскопа с северо-запада.

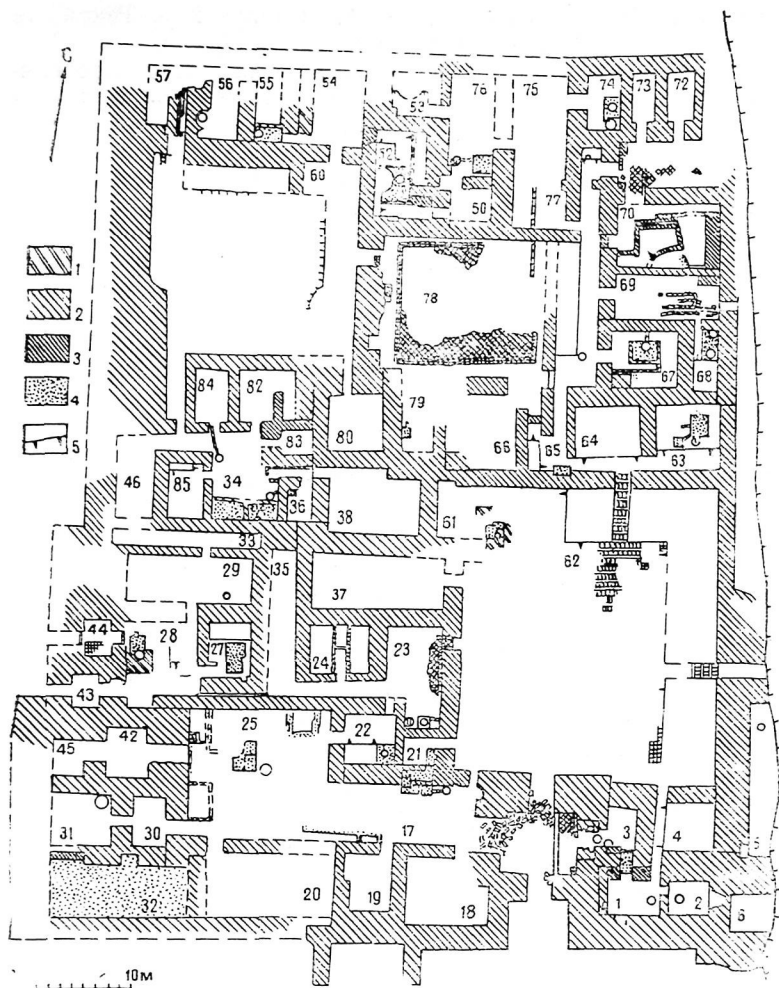

Рис. 4. План общественных бань в северо-западном квартале:

1—стены первого периода; 2—стены бани; 3—ремонтные кладки; 4—резервуары и ванны жаропроводящие каналы; 5—суфа.

ная стена, обращенная во двор-сад, не шире 2 м. Такой же ширины стена, ограничивающая здание с севера.

Назначение отдельных помещений бани либо определяется благодаря характерным деталям, либо устанавливается по аналогии с более поздними средневековыми восточными банями. Например, известны бани Бухары, помещения которых имели свое особое назначение: раздевальня, место омовения ног перед входом в центральный моечный зал, горячая и холодная комнаты, помещения для служителей, место для омовения ног после купанья, мечеть, резервуары для воды¹⁷. Н. Ханыков пишет о двух предбанниках — прохладном и теплом, где оставляют одежду, отдыхают и пьют чай после мытья и массажа¹⁸.

Какие группы помещений афрасиабских бань можно выделить и как определить их назначение? В юго-западном углу комплекса бань располагалась изолированная система помещений, куда можно было попасть через главный вход. Организующий центр этой группы — близкое к квадрату помещение (25) площадью $11,5 \times 12,5$ м². Оно сливалось с помещением 17 площадью $5,30 \times 13,10$ м², вытянутым в направлении к входу. Осталось неясным, как эти помещения перекрывались. Быть может, существовали уничтоженные при перестройках дополнительные переборки, отделявшие комнаты друг от друга¹⁹ и служившие опорой перекрытию.

Ванны, образовавшие систему резервуаров с разным уровнем днищ, размещались как бы в толще стены к северу от главного входа в юго-западный блок. В большую ванну, вдоль которой шла скамеечка для сидения, была вделана ванна более глубокая и меньшего размера со стоком в колодезную яму. В квадратном помещении (25) близко к центру располагалась ванна, в направлении к которой прослежены остатки канавки, выложенной жженым кирпичом. Эта же канавка шла вдоль края суфы, а ее отвод — в тепловую камеру той же суфы и дальше к другой, расположенной южнее. Система взаимноперпендикулярных канавок, выло-

---

¹⁷ В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары, Ташкент, 1936, стр. 7; Л. И. Ремпель. Из истории градостроительства на Востоке; Искусство зодчих Узбекистана, Ташкент, 1962, стр. 256.

¹⁸ Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 90.

¹⁹ Незначительные остатки западной стены помещения 17 расширены при полевых работах 1967 г.

женных жженым кирпичом, прослежена и в северо-восточном углу помещения. Остатки их расчищены также вдоль южной стены комнаты 17. Канавки подходят вплотную к стенам, а в одном случае удалось отметить, что они выводились вверх вдоль поверхности стен. Возможно, для этого служили кубуры. Назначение таких канавок определяется достаточно уверенно как жаропроводящие и утепляющие суфы, ванны и резервуары с водой (рис. 4). В двух комнатах (27 и 70) жаропроводящие канавки прослежены на протяжении 6 м между примыкающими друг к другу кладками стен. Обогревающие устройства под суфой удалось выявить в комнатах 25, 52 и 70²⁰.

О системе жаропроводящих канавок дают представление остатки обогревающего устройства, раскрытого в здании цитадели Хульбука²¹. Здесь горячий воздух проходил по кубурам и канавкам, выложенным из жженого кирпича. Теплый воздух, пройдя помещение, выводился наружу по вертикально поставленным кубурам.

Место, откуда подавался горячий воздух и где грелась вода для описываемой группы помещений бани, определяется предположительно к югу от центрального помещения (25). Здесь (помещение 20) зафиксированы следы сильного огня на полу и стенах. Сказать что-либо конкретное об устройстве топки (если это была топка) нельзя, так как позднее здесь были произведены значительные переделки.

Пол большой комнаты (4,5×12 м²) в юго-западном углу здания (32) выложен жжеными плитками и обмазан водостойкой штукатуркой. Судя по особой прочности облицовки помещения, — это был большой резервуар для воды. Вода из него подавалась, вероятнее всего, в комнаты, примыкаю-

---

²⁰ Данные о комнате 70 взяты из полевого дневника В. А. Шишкина.

²¹ Э. Гулямова. Раскопки городища Хульбук в 1960 г. Археологические работы в Таджикистане, вып. VIII (1960), Труды Института истории АН ТаджССР, т. XXXIV, Душанбе, 1962, стр. 120—124; Она же. О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1959 г., Труды Института истории АН ТаджССР, т. XXXI, Душанбе, 1961, стр. 155—159. В раскопанном здании, один из периодов которого автор датирует XI в., присутствуют все признаки бани: большое количество ванн с водостоками, жаропроводящие каналы, галька, растрескавшаяся от резкой смены температуры (раскаленную гальку обливали холодной водой для создания влажной горячей атмосферы), очень прочная водостойкая облицовка ванн и полов, предварительно вымошенных жженым кирпичом.

щие с севера (30, 31), для чего толщина стенки резервуара в двух местах значительно уменьшена.

Сначала большой резервуар для воды был обмазан двумя слоями водостойкой штукатурки, затем при ремонте дно его сделали более прочным. На глиняном растворе были уложены жженые плитки размером $32-35 \times 23 \times 3,5$ см, облицованные двуслойной водостойкой штукатуркой. Под днищем резервуара прослеживается пустое пространство, частично заполненное рухнувшим сырцовым кирпичом с остатками водостойкой штукатурки. Очевидно, на первом этапе функционирования резервуара под ним было жаропроводящее устройство, которое не слишком тщательно засыпали после ремонта. На первом этапе резервуар служил для горячей воды, на втором, вероятно, для холодной, если только не были сооружены вместо подпольного обогрева другие обогревающие устройства, не дошедшие до нас.

К центральному помещению для мытья примыкала комната с суфой (22), служившая для массажа и отдыха (до ремонта вход располагался со стороны помещения 25). С достаточной уверенностью как раздевальня определяется назначение комнаты у входа в юго-западный блок бани (комната 18). Две комнаты (45 и 42) могли использоваться в качестве помещений для служителей — банщиков и массажистов.

Восточный по отношению к главному входу блок на первом этапе существования бань играл особую роль. Здесь не было ванн. Через айван широкие двери вели в проходную комнату, из которой можно было попасть в два смежных помещения (1, 2) и по пологому пандусу в третье (4), занятые суфой. В эту группу комнат можно попасть и со стороны двора. Обособленность этих помещений позволяет думать, что они служили для отдыха.

На втором этапе после ремонта бань функции комнат изменились. Главный вход вместе с передней комнатой (3) был перекрыт, а в одном из помещений (1) устроена ванна.

Через южный вход можно было непосредственно попасть в обширный двор ($24,5 \times 22,5$ м²), покрытый фигурной вымосткой из продолговатого кирпича с широкими (4,5 м) суфами по восточной и северной сторонам. Сюда же вели дополнительные дверные проемы из двух описанных групп помещений.

Обособленные комнаты с ванной располагались в северо-и юго-западном углах двора (62). Севернее находился вход в группу помещений, пол одного из которых (23) фигурно вымощен квадратным кирпичом (21—22×21—22×4 см). В южном отсеке зала с фигурным полом помещалась ванна и ташнау (?) (рис. 5, В), а северная часть его разрушена гончарной печью X в. Отсюда коридор вел в комнату, разгороженную барьерами (рис. 4, комната 24), облицованную белым водостойким раствором поверх продолговатого жженого кирпича. Быть может, три отсека, образованные барьерами, служили резервуарами для воды.

Резервуары без стока известны в средневековых банях Нисы и Крыма²². В бане XII в. на цитадели Нисы рядом с таким резервуаром были врыты два хума, один из которых изнутри обмазан цементирующим раствором. Г. А. Пугаченкова предположила особое назначение помещения, где содержались щелок и ароматические настои²³. Такого типа резервуары в афрасиабской бане отмечены в двух помещениях: три смежных, расположенных в отдельной комнате (24), другой — рядом с ванной (комната 34). То же назначение имели, видимо, и резервуары со стоком в ванну в комнатах 63 и 76. Подобные резервуары могли содержать и чистую воду, и разнообразные настои.

Ибн Сина, описывая влияние купания в банях на организм, упоминает несколько растворов, получаемых кипячением некоторых растений, серы, золы, а также медные, железные, соленые, кварцевые и купоросные воды²⁴. По-видимому, лечение в бане было делом обычным. Для таких случаев в специальных резервуарах хранились лекарственные растворы.

Из того же большого двора проходы между суфами вели в восточную несохранившуюся часть комплекса, а также в северную, откуда можно было попасть и в западную группу помещений бани.

---

²² А. Л. Якобсон. Средневековые бани Херсонеса, СА, вып. VIII, 1946, стр. 269, 264, рис. 2.

²³ Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 243, 244.

²⁴ Абу Али ибн Сина. Канон врачебной науки, кн. I, Ташкент, 1954, стр. 198.

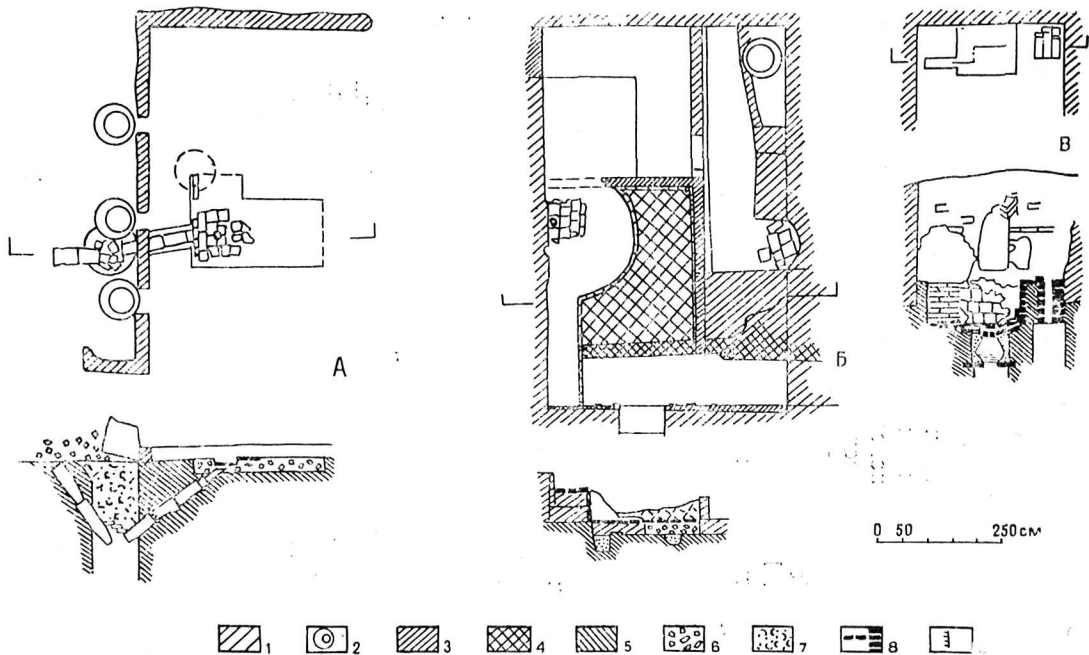

Рис. 5. Планы и разрезы отдельных участков квартала.

А—помещение 27 с ванной, переделанной в ташнау; *Б*—комната 52; *В*—южный отсек комнаты 23—с ванной и бадрабом (?), в стене—подбой (в виде ниши) позднего погребения.
 1—стены из сырцового кирпича и пахсы; 2—ташнар; 3—кладка периода строительства бани; 4—кладка периода ремонта бани; 5—слои, лежащие под полами; 6—завалы и забутовки; 7—рыхлое заполнение ям; 8—жженный кирпич в разрезе; 9—ганчевая штукатурка в разрезе.

Северный вход приводил к двум открытым помещениям с суфами, типа глубоких айванов (64, 63). В суфу одного из них углублены прямоугольный резервуар ($1,95 \times 1,65 \text{ м}^2$), обложенный крупноформатным жженым кирпичом ($52 \times 52 \times 7 \text{ см}$), и ванна. Из резервуара в ванну ведут кубуры. Было на суфе и какое-то не сохранившееся устройство, от которого к ванне подходила еще одна линия кубуров.

Далее на север коридор приводил в комнату с ванной, суфой и обогревательными канавками (комната 67), а севернее разместились две смежные комнаты (68 и 69). В меньшей из них, изолированной, были устроены ванна и суфа. В большой комнате прослежены сливное устройство с кубурами, ташнау и канавка для горячего воздуха, выложенная жженым кирпичом.

Назначение помещений в северной части комплекса на первом этапе функционирования бань определить трудно. Некоторые из них могли служить для отдыха, другие играли подсобную роль. В маленьком ($2,5 \times 6 \text{ м}^2$) дворике рядом с топкой (57) располагался бадраб.

Обособленную группу представлял двор (78), аккуратно вымощенный диагональной кладкой квадратного кирпича ($21-22 \times 21-22 \times 4 \text{ см}$), и прилегающие к нему с юга две плохо сохранившиеся из-за позднейших перестроек комнаты с ванной в одной из них. Ванна была устроена и во дворе возле западной стены. Двумя входными проемами и коридорами двор сообщался с помещениями, лежащими к востоку и северу от него и с большим двором с суфами (62) (рис. 4). Входной проем в северо-западном углу вел в соседний двор (60), откуда можно было попасть в западную часть здания. Сюда же вел и дополнительный вход с западной улицы (см. комнату 43). Помещения, расположенные у этого входа, плохо сохранились. Прослеживаются обрывки стен и суфа. Напротив входа размещалась комната с суфой и большой ванной. Отсюда через несколько комнат можно было попасть в группу помещений, лежащих на южной стороне северо-западного двора (60). Так же, как и в юго-западной группе, здесь есть комната для мытья с двумя смежными ваннами, помещение для массажа и отдыха с суфой, комнаты для раздевания и для служителей.

Ибн Сина перечисляет прохладное влажное, жаркое

влажное и жаркое сухое помещения бань²⁵. Последовательный переход из холодной комнаты через среднюю в жаркую, а затем в уединенную (ср. рис. 4, комнаты 21, 74) рекомендует Кей-кавус²⁶.

Прохладными влажными в нашей бане могли быть такие большие помещения, как 25, где в то же время с помощью подпольного отопления подогревалась суфа и вода в ванне. Выделить жаркие сухие и влажные комнаты затруднительно. Они должны были располагаться ближе к топкам.

В северо-западном углу здания афрасиабской бани, где стены выклиниваются на поверхность современного холма, удалось обнаружить следы прямоугольной в плане топки (57) и отходящие от нее жаропроводящие канавки. У выхода из топки канавка сильно обожжена и немного закопчена. Пол топки выложен сильно обгоревшим квадратным кирпичом размером $50 \times 50 \times 7$ и $52 \times 52 \times 7$ см. По-видимому, это была центральная топка для северо-западной части бани.

Почти во всех помещениях бань на полу и стенах сохранились остатки белой водостойкой штукатурки. Водостойким раствором оштукатурены заподлицо со стенами и полами, резервуары и ванны, облицованные в большинстве случаев предварительно жженым кирпичом. Штукатуркой покрывали даже фигурные полы, вероятно, уже в процессе ремонтов. Ванны постоянно требовали подновления и их либо заново облицовывали кирпичом и водостойким раствором (см. рис. 5, В), либо ограничивались новой штукатуркой. Обычно резервуары и ванны покрыты двойным слоем штукатурки. Нижний слой, светло-серый цвет которого объясняется значительным содержанием золы, достигает 3 см. Верхние штукатурки тонкие (0,2—0,8 см), белые, с тщательно заглаженной поверхностью. При ремонтах, как правило, наносились оба слоя — черновой и белый.

Основываясь на технологическом исследовании, Н. С. Гражданкина разделила все бывшие в ее распоряжении растворы на три типа:

1. известково-пуццолановые цементы (табл., № 917 а, 919), состоящие главным образом из известняка, иногда засоренного мелкозернистым кварцевым песком. К известняку

²⁵ Абу Али ибн Сина. Указ. соч., стр. 196, 320, 321.

²⁶ Кабус-намэ, М., 1953, стр. 73, 260.

Таблица

Результаты исследования покрытий резервуаров, ванн, полов в бане IX в. (раскоп 9)

Лаб. номер	Описание материала по результатам микроскопического анализа	Компоненты химического состава на высушенное вещество, %								
		SiO ₂	Fe ₂ O ₃ + FeO	Al ₂ O ₃	CaO	MgO	SO ₃	K ₂ O	Na ₂ O	п.п.п
Верхние штукатурки белого цвета										
917a	Толщина 5—7 мм. Частицы извести, немного тончайшего кварцевого песка, растительная зола, значительная примесь тонких стебельков и пуха камышовых метелок.									
919	В основной известковой массе тонкодисперсная растительная зола с обильной примесью пуха и стебельков камышовых метелок.	8,87	0,69	2,26	43,90	2,40	0,62	1,19	1,00	39,60
916a	Материал рыхлый, на поверхности корка, образовавшаяся при затирке влажного раствора. В известковой массе—зола и много тонковолокнистой растительной добавки.	9,94	0,91	2,79	42,47	2,80	0,55	1,05	0,95	38,68
		5,22	0,55	1,10	43,54	3,38	0,71	0,90	0,80	44,40
Нижний слой штукатурок серого цвета										
917б	Материал розовато-землистого цвета. Слой толщиной 28—29 мм. Типично гипсовая структура с равномерным распределением частиц слабообожженного лесса.									
916б	Известь, зола, лесс. Волокнистая растительная добавка.	38,03	2,65	9,05	17,20	2,30	13,08	1,92	1,40	15,40
1147	Прочный плотный раствор светлосерого цвета, толщиной 3—4 см. Крупные частицы золы, отдельные крупинки извести, много отпечатков тонких стебельков.	43,60	2,89	10,89	16,53	4,30	0,22	2,64	1,79	17,66
		35,20	2,50	6,48	20,86	7,40	0,71	1,70	1,0	23,40

примешивалась высокоактивная тонкая зола почти без угольков, что обеспечивало достаточную водоустойчивость. Для предохранения покрытия резервуаров от растрескивания при высыхании на воздухе в раствор добавляли большое количество растительных волокон, обычно пух камышовых метелок, иногда мелкорубленный саман. Этот вид раствора употреблялся для верхних слоев штукатурок;

2. лессо-известково-зольные цементы (табл., № 1147). Зола здесь получена из смешанного топлива — камыша, янтака, полыни и других растений. Она менее активна и содержит довольно много мелких угольков. Растительные добавки в цементах второй группы более грубые, а сами цементы отличаются плотностью и прочностью, что достигалось введением в раствор лесса. Использование таких растворов, как отмечает Н. С. Гражданкина, в среднеазиатских сооружениях пока не зафиксировано. Лессо-известково-зольные растворы употреблялись как для верхних, так и для подстилающих слоев штукатурок;

3. к третьей группе растворов относится глиногипс (табл., № 917 б), полученный при обжиге естественной смеси гипса с лессом. Он широко применялся в среднеазиатском строительстве²⁷.

Все резервуары для воды устроены на уровне полов с помощью тонких (20—25 см) переборок, ванны же опущены ниже полов. Ни форма, ни размеры ванн не были стандартными. Размеры простых прямоугольных ванн колебались от $1 \times 0,6$ м² до $2,6 \times 1,3$ м². У некоторых в одной из длинных сторон делалось подобие ниши (например, в комнатах 17, 21, 27), а иные имели узкий (0,25 м) отросток, достигавший длины 0,75 м (рис. 4, комнаты 17, 23, 28, 63, 74, 79; рис. 5, В). Донная плоскость отростка делалась с сильным наклоном в сторону ванны. Предназначались они, возможно, для того, чтобы банщик, доливая воду в ванну, не попадал на моющегося. Ванны с отростками известны и в других вос-

---

²⁷ В банях Армении применялся водостойкий раствор, куда входили гач, известь, туфовый песок (О. Х. Халпахчян. Средневековые бани Армении, СА, 1960, № 1, стр. 220). А. П. Смирнов упоминает водонепроницаемые штукатурки, включающие известь и толченый кирпич (Баня XIV в. в Великих Болгарах, КСИИМК, вып. 6, М.—Л., 1940, стр. 86).

точных банях — в Оренкала (Азербайджан)²⁸ и Хульбуке, где некоторым ваннам придавалась симметричная форма квадрата с четырьмя отростками длиной 23—24 см.²⁹ Были ванны и более сложных контуров с вогнутой стенкой (рис. 4, комната 61).

Вода из ванн сливалась в расположенные под ними или рядом всасывающие колодцы, сток в которые закрывался галькой. Одна такая галька найдена у выхода кубура из ванны. В кавказской бане XIII в. для этой цели пользовались пробками из обожженной глины³⁰.

В одной из ванн при очистке ее от заполнения, образованного в процессе ремонта, найдено несколько комков тонкодисперсной серо-зеленой жирной глины. Хорошо мылящаяся и смывающаяся грязь — глина, видимо, служила моющим средством.

В массажных комнатах и комнатах для отдыха устраивались суфы разной высоты. Некоторые из них возвышались на 30—40 см от пола. Были и высокие суфы. Верхняя плоскость сохранилась только у одной из них высотой 90 см. Суфа эта построена в украшенной ганчевой резьбой комнате, предназначенной для массажа и отдыха. Такие высокие суфы, видимо, были характерны для бань³¹.

Бани интенсивно функционировали в течение нескольких десятилетий первой половины и середины IX в. н. э. На протяжении этого периода постоянно производились мелкие ремонтные работы, заключавшиеся в основном в обновлении водостойких облицовок.

Около начала 70-х годов IX в.³² бани подверглись существенной реконструкции. Так, в большой комнате для мытья (25) юго-западного блока местами переложены стены. На

---

²⁸ А. Л. Якобсон. Раскопки на городище Оренкала в 1953—1955 гг., МИА, № 64, М.—Л., 1959, стр. 70, рис. 21, 29, 30.

²⁹ Э. Гулямова. О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1959 г., Труды Института истории, т. XXXI, Душанбе, 1961, стр. 155; автор неверно связывает ванну с отопительной системой (сандалом).

³⁰ Л. Мухелишвили. Раскопки в Дманиси, СА, 1940, VI, стр. 273.

³¹ В Хульбуке были суфы высотой 70—80 см. Э. Гулямова. О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1959 г., стр. 155.

³² Основанием для датировки служат монеты Насра I 869—870 гг. из ремонтных кладок.

старое основание из сырцового кирпича положена пахса, под которой найдена монета Насра I, близкая по типу монетам 858—860 гг. Число ванн увеличено, проведена перепланировка, особенно существенная в комнатах 52, 70, 69. Вероятно, к этому времени появилась мода на полукруглые суфы, и три таких суфы сооружены в разных помещениях бани (рис. 4, 52, 53, 70; рис. 5, Б; рис. 6, А, Б).

Авторы статьи о полевых работах на участке, где располагалась комната 70, приняли перегородку, выведенную по краю суфы, за остатки полукруглой стены комнаты³³. Но такие особенности кладки перегородки, как наличие черной и лицевой поверхностей, жаропроводящие канавки вдоль нее, аналогия с суфами в комнатах 52 и 53 — заставляют систему перегородок в комнате 70 считать остатками полукруглой суфы. Тем более, что и здесь стены над суфой, как и в комнате 52, покрыты орнаментированным ганчем.

К этому второму послеремонтному этапу относится большая часть найденных в бане остатков архитектурного декора в виде резного ганча и настенной живописи. На первом этапе интерьеры бани не имели декоративного убранства. Единственный элемент декора, нарушавший однообразие гладких белых стен, — фигурные кирпичные полы, обнаруженные в некоторых больших помещениях и дворах (23, 62, 75, 78). Но даже и они позднее были покрыты белой водостойкой штукатуркой. Только в северо-восточной группе помещений на первом этапе, по крайней мере, одна из комнат (69) или прилегающий к ней айван украшены резным ганчем, обломки которого при ремонте свалили в небольшую яму³⁴.

Орнаментальные панели, яркая живопись стен, резные ганчевые панно украсили многие помещения бани на втором этапе. После ремонта и значительных переделок наиболее пышное убранство получили комнаты для отдыха и массажа в северной (комната 52) и северо-восточной (комната 70) группах помещений.

К более позднему времени (X в.) относится баня иного типа (рис. 6, В), остатки которой расчищены на востоке го-

³³ Я. Крикис, М. Пачос, Ш. Ташходжаев, М. Федоров. Жилой комплекс X—XI вв. в западной части Афраснаба, Научные работы и сообщения АН УзССР, кн. 7, Ташкент, 1963, стр. 228, 229.

³⁴ См. Я. Крикис и др. Указ. соч., стр. 232—233.

родища над котловиной (раскоп 25). Судя по обширной площади, занятой баней, она тоже носила общественный

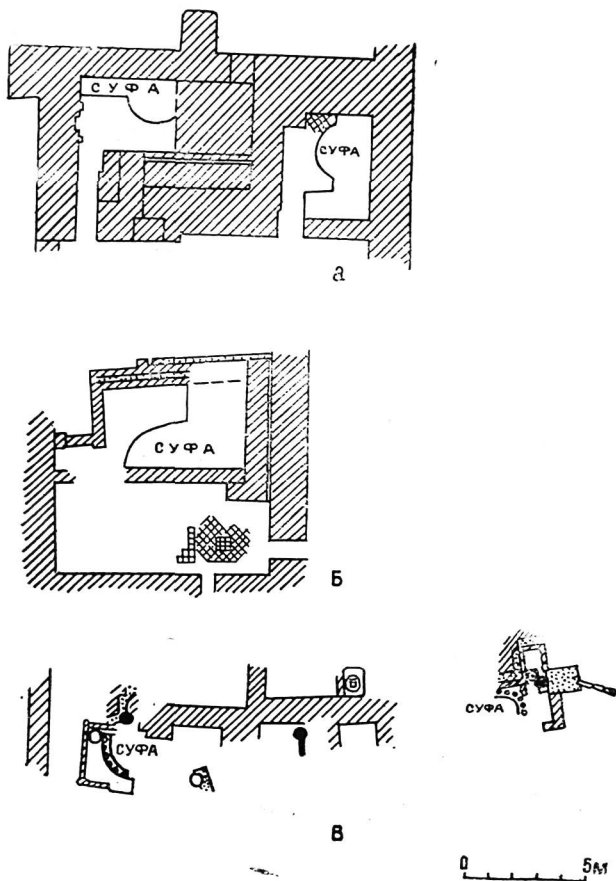

Рис. 6. Помещения с полукруглыми суфами:

а—комнаты 52 и 53; б—помещения 69—70; в—планы двух участков бани на востоке городища.

характер, но отличалась от описанной своим внутренним устройством. Это были отдельные, изолированные друг от

друга помещения с ваннами, самостоятельной системой отопления и лежанками для процедур, массажа и отдыха. Ванны были разных размеров и форм. За тонкой перегородкой на уровне дна ванны располагалась топка в виде тандыра, из которой горячий воздух по узким канавкам шел по периметру ванны и у подножья полукруглой суфы. Перекрытие жаропроводящих канавок опиралось на ряды сырцовых столбиков. Рядом с топкой-тандыром помещался врытый в пол небольшой хум для воды, которую можно было черпать, находясь в ванне, через специальный проем в переборке. На площади 25×7 м² вскрыты остатки четырех таких банных «номеров». Бани описанного типа были распространены или предпочитались во времена Ибн Сины. Иначе как объяснить его слова: «лучшая баня... та, где топку печи разжигают сообразно натуре тех, кто хочет в нее зайти»³⁵.

Остатки подобного устройства бани X в. расчищены на западе городища. Здесь имелись такие же индивидуальные топки, а вода грелась, как предполагает Ю. Ф. Буряков, в керамических котлах, обломки которых найдены тут же³⁶.

Непонятна связь восточной бани с двумя вскрытыми на ее территории подземными комнатами. Стратиграфия вполне допускает одновременность их существования с баней, но не исключает и несколько более раннего появления. Очевидно, что в период функционирования бани использовалась по крайней мере одна из подземных комнат; затем за ненужностью она стала забрасываться мусором, отходами пищи и золой из банных топок. Зола, извлеченная непосредственно из топок и содержащаяся в сбросах в подземную комнату, включала значительное количество обгорелых костей животных и прокопченных черепков бытовой посуды.

Время функционирования бани определяется монетой из отвалов мусора в подземной комнате. На фельсе читается дата выпуска — 336 г. х. (947—948 г. н. э.), подкрепляемая находкой на территории квартала гончаров в центре городища монеты Насра вместе с керамикой, идентичной комплексу из подземного помещения бани.

Часто встречаемые на городище, в срезях оврагов при земляных работах и в раскопках отдельные маленькие по-

³⁵ Абу Али ибн Сина. Указ. соч., стр. 196.

³⁶ Расчищена в верхнем слсе в квадрате, где работы велись под наблюдением Ю. Ф. Бурякова.

мещения с довольно глубоким резервуаром, имеющим сток в колодец, позволяют предположить широко распространенный обычай устраивать при доме комнату для купания. В квартале гончаров IX—X в. расчищена такая комната, принадлежавшая дому ремесленника-гончара.

В настоящее время на Афрасиабе известны пять бань: на севере³⁷, северо-западе, западе, востоке и в центре городища³⁸. В IX в. функционировали бани центральной части (территория так называемого дворца) и северо-западные, в X в. — две другие из известных нам. Причем принцип устройства двух последних одинаков.

В Самарканде IX—X вв. одновременно действовали, по-видимому, несколько бань. В средневековой Бухаре, площадь которой в пределах стен более чем в два раза превышала территорию предмонгольского Самарканда (тоже в пределах стен), насчитывают от 8 до 18 одновременно действующих бань³⁹.

Как видно из описания и чертежа (рис. 4), планировка афрасиабской бани IX в. дробная и свободная. Сравнительно обособленные группы помещений, такие как юго-западная, представляют самостоятельный комплекс бани со всеми необходимыми элементами: резервуарами для воды, ванными, комнатами для раздевания, массажа и служащих.

Судить о планировке афрасиабских бань X в. не представляется возможным. Но очевидно, что они были организованы по совершенно иному принципу, чем поздние восточные бани.

Конечно, в такой бане, состоящей из отдельных «номеров» с самостоятельной системой обогрева, могла быть и общая комната для мытья, типа мимон-сарая, были и помещения для банщиков и массажистов.

В третий период жизни квартала, когда баня перестает функционировать, ее помещения занимают ремесленники. На новых просторных суфах, около них на полу или у стен, строятся маленькие печки. В одной из комнат (21) на дне ванны с прямоугольной нишкой (рис. 7, А) построена полукруглая суфа, а нишка ванны превращена в очаг типа ка-

³⁷ Баня около цитадели, видимо, XII в. (В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1928, стр. 16).

³⁸ Частично раскопана под наблюдением Л. Г. Брусенко.

³⁹ Н. Ханыков. Указ. соч., стр. 90. Материалы к проекту перепланировки города Старой Бухары, М., 1931, стр. 34, 55.

мина, сохранившийся на высоту 0,75 м. Под очага вогнут и отделен от суфы тонкой (4 см) переборкой. Около этой переборки перед устьем очага сделано углубление (диаметр 15 см, глубина 14 см) с сильно прокаленной и оплавленной

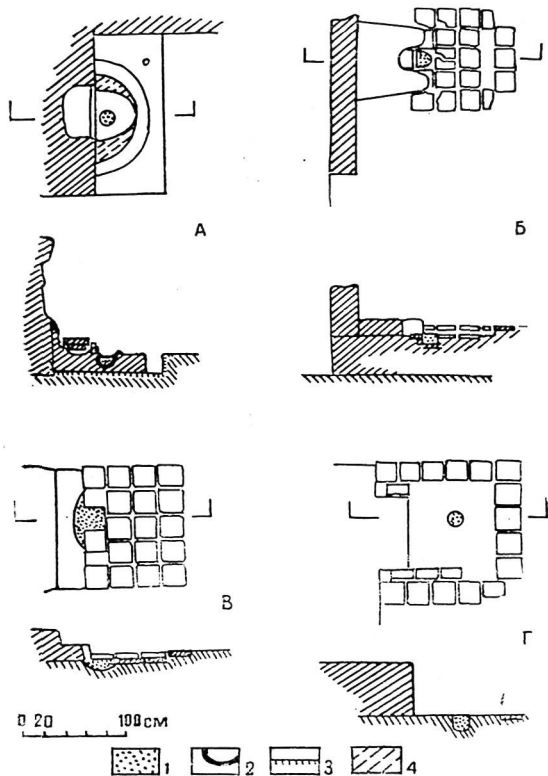

Рис. 7. Планы и разрезы горнов ювелиров:

A — в комнате 21; *B* — 22; *B* — 36; *Г* — 80.

1 — зола; 2 — оплавленная обмазка; 3 — ганчевая штукатурка в разрезе; 4 — след разрушенной стенки.

поверхностью, заполненное тонкой золой. В углубление вмazано днище сосуда, прокаленное до серого цвета. Поверхность суфы вокруг углубления слегка вогнута и обожжена.

Горелое пятно, имеющее форму полуовала с четкими контурами, было ограничено с боков двумя несохранившимися полукруглыми стенками. Печка подвергалась ремонту, при котором под очага-нишки подновили жженым кирпичом, а углубление заново оштукатурили. После этого печь еще долгое время функционировала.

В комнате с печкой у противоположной стены на кирпичном полу стоял, по-видимому, керамический очажок. Об этом можно судить по бобовидному (40 см длиной) четких контуров горелому пятну на полу на расстоянии 6—7 см от стены и по прокаленной штукатурке на 12 см выше пола. Копоть отсутствует.

В других комнатах устройство печек варьирует, сохраняя неизменным сочетание кирпичной выстилки с углублением. В комнатах 22 и 64 печи сделаны на суфе, отделяясь от ее края тонкой перегородкой (рис. 7, Б). Они представляют собой глинобитный очажок, перед которым жженым кирпичом выстлана прямоугольная площадка. Часть площадки, соответствующей ширине очага, заглублена на 5—6 см. Устья очажка — углубление, обложенное жженым кирпичом (глубина 9 см, ширина 15 см).

Еще один вариант печи расчищен в комнате 38 (рис. 7, В). Здесь впритык к суфе пристроена полочка шириной 0,28 м, протяженностью 1,8 м, высотой 11—12 см. Перед ней жженым квадратным кирпичом выложена площадка, опущенная по отношению к полу на 5 см, с сильно обгоревшим углублением, имеющим в плане вид короткого гвоздя, округлая шляпка которого врезана в полочку. От печи в комнате 80 на полу сохранилась выстилка (1,20×1,20 м²) жженым кирпичом, примыкающая к прямоугольному выступу суфы (рис. 7, Г). В центре выстилки — углубление диаметром 18 см. На этой печи также заметны признаки ремонта, выразившиеся в подновлении стенок углубления. Для их прочности сюда был поставлен маленький неорнаментированный керамический очажок. Поверхность пола в комнате покрыта зольными и горелыми пятнами.

Кроме тех остатков печек, по которым можно судить об их устройстве, в разных помещениях зафиксированы менее значительные их следы. Так, в помещении 17 в северной стене расчищена нишка с обгоревшей поверхностью. Такая же нишка была на суфе за низкой перегородкой в комнате 4.

Все вскрытые печи относятся к одному времени (по стратиграфическим и монетным данным), определенному как третий период жизни квартала, приходящийся на первые десятилетия X в.

Слой, соответствующий печкам, не сопровождался какими-либо характерными находками. И тем не менее считать их бытовой принадлежностью жилого дома не позволяют некоторые особенности. Прежде всего в печках, в основном в их углубленной части, создавалась очень высокая температура, под воздействием которой часто оплавливались глиносаманные штукатурки. Достигнуть такой температуры при малом количестве топлива, которое здесь помещалось, можно было только путем нагнетания воздуха мехами. Это подтверждают несколько найденных на раскопе керамических труб малого диаметра (не более 6 см), которые могли служить соплами. Кроме того полы помещений с печками местами обожжены, а в их обмазку втоптыны зола и мелкие угольки.

Следы функционировавших в квартале плавильных горнов наблюдались в одном из колодцев, вырытых в коридорообразном входе в восточную группу помещений. Дверной проем, ведущий в эту часть здания, был заложен, а коридор использовался под свалку отходов производства и битой бытовой посуды. Шлаки заполняли верхние 9 м одного из колодцев, первоначально использовавшегося как обычный ташнау, и были насыпаны слоем вокруг него⁴⁰.

Стратиграфически колодец можно отнести к этапу функционирования горнов. Шлаки же по своему характеру отличны от постоянно встречаемых в отвалах керамического производства. Здесь найдены и крупные куски оплавленного лесса, не отличавшиеся от наплывов в гончарных печах, а также большое количество мелких кусочков шлака причудливой формы с металлическим блеском. И форма, и блеск мелких кусочков шлака объясняются очень высокой температурой, создававшейся в горне. Вполне допустимо, что колодец был заполнен выброшенными при чистке шлакованными поверхностями горнов. Чистота производствен-

---

⁴⁰ Шлаки лежали над полом на слонстом натеке 0,20 м толщиной, т. е. появились здесь после некоторого периода запустения коридора. Их появление предшествовало периоду гончаров.

ных помещений (в них нет отходов производства, позволяющих определить его характер) объясняется этнографическими параллелями. Цеховые уставы — рисоля, основа которых заложена в древности, — обязывают мастера содержать мастерскую в чистоте, подметать ее, выбрасывать шлак и окатину в чистое место или в воду⁴¹.

Несмотря на отсутствие определяющих находок, характер самих плавильных печей позволяет отнести их к ювелирному производству.

К ювелирным мастерским на территории раскопа 9 может иметь отношение и содержимое колодца, расчищенного А. И. Тереножкиным в 1947 г. Колодец, датированный саманидскими монетами X в., расположен на расстоянии 60—70 м от ближайшего из раскопанных производственных помещений и в 20—30 м от южных пристроек квартала. Отсюда вместе с другими предметами извлечены ножницы, как полагает А. И. Тереножкин, для резки металла, наковаленка, сильно окисленные штампы-чеканы, зубила и долота⁴².

В близлежащих к колодцу помещениях при раскопках 1925 и 1959 гг. следов производственной деятельности не обнаружено и находки в колодце можно связать только с производством в соседнем квартале (раскоп 9). Значительность расстояния между колодцем и местом производства оправдывается упомянутым выше обычаем найти «чистое место», чтобы выбросить вышедший из строя инструмент.

Горны ювелиров, близкие по устройству открытым на раскопе 9, дожили до XIX в. Из глины делалось низкое четырехугольное возвышение с выемкой для угля на поверхности и каналом, соединяющим выемку с мехами⁴³. Один из вариантов печи, по-видимому ювелиров, раскопан на городище Эйлтан. В комнате размером 3,7×2 м², пол которой покрывала зола, угольки, спекшиеся кусочки лесса, было расчищено кострище и два очага в виде десятисантиметро-

---

⁴¹ О рисоля кузнецов см. «Таджики Каратегина и Дарваза», вып. I, Душанбе, 1966, стр. 210.

⁴² А. И. Тереножкин. Краткий отчет об археологических работах на Афрасиабе в 1947 году (машинопись), Архив Музея искусств г. Ташкента, стр. 3.

⁴³ И. Гейер, И. Назаров. Кустарные промыслы в Ташкенте, тетрадь I, Ташкент, 1903, стр. II.

вых углублений диаметрами 10—15 и 15—20 см. Углубления сильно прокалены и заполнены чистой золой без угля. Приведенное Т. Г. Оболдуевой описание помещения не оставляет сомнений в его производственном характере, а выемки с золой вряд ли выполняли роль сандалов⁴⁴.

В плане квартала, соответствующем третьему периоду, можно выделить шесть обособленных групп помещений, в каждую из которых входит комната с горном. Четыре таких группы объединялись большим двором (62).

I. В юго-западном углу квартала (рис. 1) вокруг мощеного жженым кирпичом двора (25) группировалось более десяти помещений, шесть из которых могли быть жилыми (комнаты 30—32, 41, 42, 45). Несколько помещений по южному краю квартала выполняли хозяйственные функции — здесь располагался бадраб и небольшой, вытянутый с запада на восток дворик (26). В северо-западном углу мощеного двора (25) был вход в подземную комнату.

Следы производства в виде горелых полов и ниши с обожженной штукатуркой, подобной нише-горну в комнате 21, отмечены в помещении 17 около выхода в большой двор (62). В примыкающей с юга комнате 18 вдоль стен устроены «закрома», возможно, для хранения топлива. Обособленная от прочих комната 21 с горном и керамическим очажком могла принадлежать этому же блоку, так как вход в нее располагался рядом с дверным проемом комнаты 17.

II. Севернее, из того же двора (62), вход вел в группу из четырех комнат, одна из которых (22) была производственной. Сохранившиеся переборки резервуара в комнате 24 могли быть использованы для тех же целей, что и «закрома» комнаты 18.

III. С северной стороны большого двора (62) располагались комнаты 64 и 63. Очаг в комнате 64 можно считать производственным по аналогии с другими очагами этого же периода.

IV. В юго-восточном углу большого двора помещались три комнаты (1, 2, 4). Следы большого огня в комнате 4 на суфе за перегородкой и на штукатурках двух маленьких

---

⁴⁴ Т. Г. Оболдуева. Раскопки 1960 года на городище Эйлатан, КСИА, вып. 91, 1962, стр. 45.

ниш в западной стене узкого прохода позволяют считать эту комнату производственной.

V. Группа помещений (66, 79, 80) связана с двором (78). В одной из комнат находится суфа с горном (80), в другой — остатки «закромов».

VI. С северо-западным двором связана группа помещений, наиболее обособленная от других. Здесь были две комнаты с горнами (84 и 38) и одна (34) с сохранившимися от предшествующего периода и использовавшимися, возможно, как хранилища ваннами.

Вероятно, производственных комнат было больше, чем удалось установить,— со сменой обитателей квартала при ремонте и переделках могла быть уничтожена значительная часть печей. В период функционирования горнов площадь квартала была расширена пристройками вдоль южного фаса к востоку от центрального входа. Здесь располагались жилые (14—16) и хозяйственные (7—12) помещения.

Перечисленные обособленные группы помещений занимают основную часть квартала. И, если верна приведенная выше интерпретация горнов, весь квартал заселяли ювелиры с их семьями.

В описываемый период на территории квартала в двух дворах были вырыты подземные помещения (по одному в каждом дворе). Узкий спуск с крутыми ступенями вел на глубину 4—5 м в круглую в плане комнату диаметром 3 и 2 м. По обе стороны лестницы внизу у входа вытесаны маленькие ниши, а в самой комнате по ее осям — три ниши больших размеров. Все сооружение тщательно оштукатурено, а ниши украшены рельефными поясками. По бокам ступеней видны гнезда балочек, предохранявших их края от обрушения. Такие подземные помещения расчищены в большом количестве на Афрасиабе⁴⁵ и относятся в основном к слоям IX—X вв. Правда, М. Е. Массон для одного из них предлагает датировку VII в. на основании найденных там монет⁴⁶.

---

⁴⁵ В. Л. Вяткин. Афрасиаб, стр. 17; Он же. Дневник, Тетрадь 2, стр. 79, рис. на стр. 101; В. А. Шишкин. Из археологических работ на Афрасиабе, «Известия УзФАН СССР», 1940, № 12, стр. 65, 67, рис. 2, 5.

⁴⁶ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, 1950, № 4, стр. 161.

Поскольку все сделанные до сих пор в подземных помещениях находки принадлежат к периоду заброса, а не функционирования, их назначение трудно определить. В качестве комнат, где спасались от летнего зноя, они не могли использоваться, так как там не было вентиляционного устройства, как в сирдабах Самары, или «проточной» воды, как в подземных комнатах Ирана и Афганистана⁴⁷.

Афрасиабские подземные помещения — сырые и прохладные, — видимо, использовались для хранения продуктов. Но вполне реально и предположение В. Л. Вяткина об их роли в качестве чилля-хана⁴⁸. Постыющийся здесь был достаточно изолирован от внешнего мира, так как все необходимое для него можно было оставить в нишке у входа⁴⁹.

В начале X в. квартал по причинам, нам неизвестным, был покинут ювелирами и заселен пекарями. Производственные помещения пекарей разместились в юго-западной группе комнат (20—32, 35, 39—45)⁵⁰, изолированной от прочих построек квартала, с двумя входами: через помещение 20 и через главный вход, большой двор (62) и комнату 23⁵¹ (см. рис. 1).

Производственная деятельность пекарей сосредоточивалась в двух сообщающихся дворах (25 и 28), где вдоль стен (двор 25) и за специальной перегородкой (двор 28, рис. 5, А) рядами стояли тандыры. В трех комнатах (21, 32 и 42) было поставлено по одному тандыру (рис. 8). Производственное назначение, видимо, имели и помещения, сообщавшиеся с упомянутыми (22, смежная с 21, 45—42, 41—32). Некоторые из комнат блока, занятого пекарями, могли быть и жилыми.

Благодаря наблюдениям П. В. Лифиренко в какой-то мере можно представить себе выпекавшуюся в тандырах продукцию. На внутренней поверхности тандыра, датированного XII—XIII вв., им были замечены светлые пятна диамет-

---

⁴⁷ А. Мец. Мусульманский ренессанс, М., 1966, стр. 299, 300.

⁴⁸ В. Л. Вяткин. Дневник, тетрадь 2, стр. 17.

⁴⁹ Предположение о предназначении нишек специально для установки чирагов неверно, так как ни на одной из осмотренных в пяти подземных помещениях ниш нет следов копоти.

⁵⁰ Помещения 17—19 к этому времени были заброшены и изолированы закладкой комнаты 17 сырцовым кирпичом.

⁵¹ Стены комнаты 27 уже не поднимались выше уровня верхнего пола.

ром 10, 15 и 18 см⁵² — следы лепешек, а возможно, и пирожков типа современных «самбуса». В остальной части квартала не прослежено сколько-нибудь характерных черт, позволяющих определить занятие и положение его населения в третий период.

Вслед за пекарями, а на каком-то этапе, быть может, и одновременно с ними, в квартале появляются гончары, освоившие в течение X в. все (или почти все) его постройки.

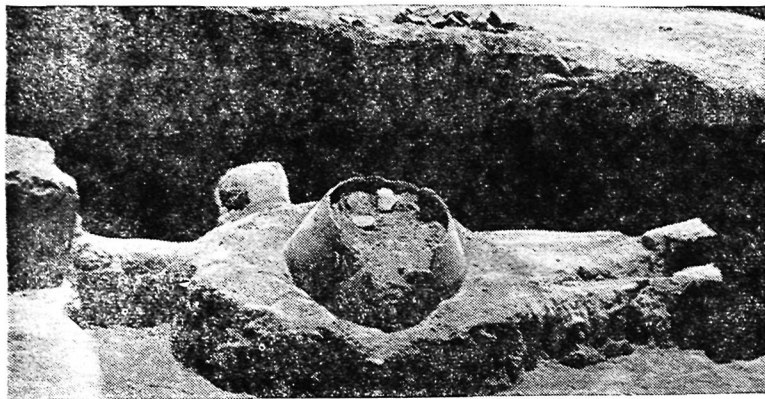

Рис. 8. Тандыр в комнате 42.

Большой квартал гончаров, производивших столовую глазурованную посуду, в X в. располагался в центральной части городища в пределах так называемого третьего кольца городских стен. Здесь же, на северо-западной окраине города (раскоп 9), гончары специализировались на изготовлении кухонных котлов и орнаментированных керамических очагов. До нас дошли две обжигательные печи, одна из которых расчищена в северо-восточном углу большого двора

---

⁵² П. В. Лифиренко. Дневник археологического надзора во время земляных работ на городище Афрасиаб, Архив Самаркандского музея, № 299, стр. 7—13.

(62)⁵³. Ее плоский под диаметром 3 м, с отверстиями диаметром 30 см держался на устоях, сложенных из кирпича размером 36—38×20×5—8; 33×24×5—9 см. В этой печи кроме кухонных котлов, крышек хумов и другой подобной керамики обжигалась известь, комья которой найдены в значительном количестве в топочной камере и вокруг печи. Способ совместного обжига керамики, извести и ганча широко применялся вплоть до недавнего времени. И. А. Сухарев описывает конструкцию печи в Ургуте, где вместе с крупными сосудами и известью обжигали медный краситель и составные компоненты глазури (акташ)⁵⁴.

Вторая печь располагалась в западной стороне того же двора, а ее топочная камера оказалась врезанной в завалы, заполнившие полуразрушенное помещение 23. К моменту работ на раскопе 9 печь уже была расчищена, по-видимому, во время строительства дороги Самарканд — аэропорт в 1947 г. Под ее с продухами поддерживался одним устоем, загрузочное отверстие обращено в сторону входа в помещение. О продукции, обжигавшейся здесь, позволяют судить скопившиеся вокруг отвалы, содержащие бракованные керамические котлы и очажки. Керамические отвалы лежат на полуразвалившихся стенах предшествующих периодов (рис. 2, в, г, д, е), а сама печь прорезала одну из этих стен. Несмотря на большую разрушенность построек квартала, некоторые дворы и отдельные помещения сохранились достаточно хорошо, чтобы служить гончарам.

В восточном дворе, прилегающем к обеим печам, хранились запасы гончарной глины (рис. 2, а), а одно из помещений (63) (рис. 1), отремонтированное и разделенное каркасными переборками, приспособлено под мастерские и жилье.

Время освоения квартала гончарами — вторая половина X в., что определяется данными стратиграфии и монетами из завалов, перекрывших заготовки гончарной глины. Верхняя граница периода гончаров устанавливается как обликом

---

⁵³ Наблюдение за работами вели С. К. Кабанов, М. И. Филанович и М. Х. Урманова.

⁵⁴ И. А. Сухарев. Дневник археологической разведки в районе Самаркандской области в мае-июне 1940 г., Архив Самаркандского музея, № 315, стр. 38—44.

извлеченного из соответствующих слоев материала, так и двумя монетами начала XI в.⁵⁵

Большой спрос на некоторые предметы (керамические котлы, очажки) хозяйственного обихода обусловил специализацию гончарной мастерской. Обилие фрагментов орнаментированных очажков свидетельствует о широком распространении этого вида продукции.

На Афрасиабе орнаментированные керамические очажки найдены в разных частях города, но *in situ* они пока известны только в кварталах гончаров. На юго-западе городища в одном из помещений квартала керамистов XII — начала XIII в. такой очажок стоял на полу, вплитык к стене. Перед его устьем вровень с полом лежала прямоугольная плита с плоским бортиком-каймой по трем сторонам, украшенная штампованным орнаментом, включающим и изображения птиц⁵⁶.

В квартале гончаров X в. в центре городища очажки обнаружены в двух помещениях, где они стояли по два-три в ряд, вмазанные в узкую суфу. В одном из помещений штампованный очажок соседствовал с простым глинобитным, устроенным в той же суфе.

Небольшое углубление перед устьем — особенность и керамических, и глинобитных очажков, отмеченная и в предполагаемых мастерских ювелиров (раскоп 9). Только в последнем случае поверхность углублений под воздействием сильных температур оплавилась, а в очажках квартала она просто обожжена.

И в X в. перед устьем очажка нередко помещалась орнаментированная плита с бортиком по трем сторонам и полукруглой выемкой или отверстием близ неогражденного края. Отверстие или выемка в плите соответствовали углублению перед устьем очажка. У производственных очагов в квартале ювелиров роль такой керамической плиты выполняла выстилка жженым кирпичом.

И все же, несмотря на многочисленные находки, назначение очагов такой конструкции и убранства не вполне ясно.

---

⁵⁵ Участок раскопа 9, где работы велись под руководством С. К. Кабанова. Монета найдена на полу помещения 64 и определена М. Е. Массоном. Описание монеты 1012/13 гг. н. э., обнаруженной на пслу двора 78. См. Г. В. Шишкина. Монетные находки..., стр. 44.

⁵⁶ Раскоп 5, руководитель В. Д. Жуков.

Относительно группы очагов на северо-западе Афрасиаба (раскоп 9) можно с уверенностью сказать, что именно в углублении и создавались самые высокие температуры. Сюда должны были подходить сопла мехов. Что же касается очагов в квартале керамистов, то некоторые из них могли иметь особое назначение, быть может, для изготовления фритты глазурей или других подсобных операций, где требовалась меньшая температура, чем при плавке металла (отсюда прокаленность, а не оплавленность углубления).

Производственное назначение керамических очажков не было единственным и основным. Возможно, они использовались и в качестве кухонных очагов (у тех же гончаров). На связь их с бытовыми предметами указывают такие орнаменты на фасадных стенках, как изображение хума или кувшина со стаканом. Причем экземпляры очажков, украшенные изображением бытовых сосудов, не единичны.

Большинство авторов, затрагивавших вопрос об очажках, считают их предметами, связанными с культом огня и домашнего очага⁵⁷. Против такой трактовки имеются возражения: прежде всего в орнаментации очажков нет устойчивой символики. Наиболее ранние их образцы IX в. украшены очень просто — валиками и насечками, а развитие декора идет параллельно (разумеется, со своими особенностями) развитию орнаментации в других сферах искусства (роспись глазурованной посуды, резьба по ганчу). К этому следует добавить применение орнаментированных очажков в производстве. И все же их связь с культом огня кажется несомненной в том смысле, что поклонение огню выразилось в особом внимании к очагам и производственного, и хозяйственного назначения. Этнографические примеры почтения к домашнему очагу у узбеков и таджиков, приведенные М. Т. Аманджановой, убеждают в сохранении пережитков поклонения огню вплоть до недавнего времени⁵⁸. Печь хозяйственного назначения, близкая по своей конструкции к

---

⁵⁷ Подробно об этом см.: Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Самаркандские очажки. Из истории искусства великого города, Ташкент, 1972, стр. 206—234.

⁵⁸ М. Аманджанова. Средневековые терракотовые «очажки» в собрании кабинета археологии САГУ, Сборник студенческих работ САГУ, вып. XV, Ташкент, 1956, стр. 69.

найденным в раскопках, известна и в быту горных таджиков (рис. 9)⁵⁹.

Во второй половине X в. гончары северо-западного квартала намеревались произвести капитальный ремонт построек, для чего были расчищены значительные пространства дворов и комнат, заготовлено большое количество сырцового кирпича, который после просушки укладывался на ребро штабелями вдоль стен во дворах и помещениях (рис. 1, 3, 6, 60). Судя по неиспользованным заготовкам кирпича, замысел гончаров, которые, рассчитывая на укрепление своего экономического положения, собирались расширить производство, остался неосуществленным.

Северо-западные гончарные мастерские в отличие от расположенных в центре городища были небогаты и занимали значительно меньшую площадь. Судьбы этих двух кварталов керамистов X в. на последнем этапе их существования совпадают. В начале XI в. жизнь этих мастерских еле теплилась, а вскоре и совсем прекратилась.

Время разрушения построек северо-западного квартала определяется местом захоронения небольшого клада первой четверти XIII в. в руинах на глубине 10—15 см от современной ему поверхности. К этому периоду заброшенные помещения примерно на половину своей высоты заполнились завалами.

Еще в X в. одно из помещений южных пристроек к основным сооружениям квартала было переоборудовано под мавзолей (рис. 1, 14) для двух лиц, видимо, имевших отношение к ювелирам, в квартале которых он был устроен. Во круг мавзолея, надо думать, почитавшегося, позднее уже на холме, образованном разрушенными сооружениями квартала, разрастается кладбище.

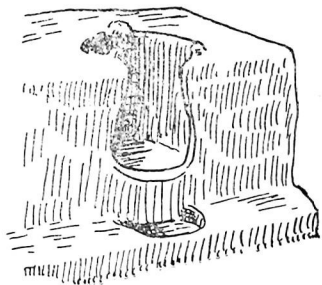

Рис. 9. Очаг для приготовления пищи и выпечки хлеба у горных таджиков (по А. К. Писарчик).

⁵⁹ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, М., 1962, стр. 336.

Неустойчивость саманидской власти и начинавшиеся в последнее десятилетие X в. вторжения караханидов не прошли бесследно для городского хозяйства Самарканда. В квартале керамистов (в центре городища, раскоп 23) это выразилось, в частности, в прекращении ухода за улицей, каменный настил которой, сделанный около середины X в., содержался в идеальном порядке. В последнее десятилетие X в. мостовая не очищается, постепенно затягивается грязью, а затем перестает функционировать, перекрытая отвалами из керамической мастерской. Массы отвалов датированы саманидскими монетами последних лет X в. Раскопки выявили следы поспешного бегства из гончарной мастерской: опрокинутые чаши с краской, перевернутая стопка сырой посуды, терка, заполненная полурастертой красной охрой, рассыпанной вокруг. К востоку от уже заброшенной дороги обнаружены сгоревшие жилые постройки гончаров, а в одной из гончарных печей так и остались обожженные, но не выгруженные глазурованные чираги⁶⁰. События эти синхронны последнему этапу жизни квартала на северо-западе, отмеченному нереализованным намерением его реконструкции.

Исследования большого и многослойного квартала Афрасиаба позволяют сделать некоторые выводы о характере застройки и жизни средневекового Самарканда:

организующей основой средневековых городских кварталов была планировка, сложившаяся в V—VII вв. (раскопы 23 и 24/VI);

городская застройка в преарабское время и позднее велась большими кварталами от 5,5 до 10 тыс. м²;

состав населения средневекового квартала в каждый из периодов его жизни был разнообразен, но облик квартала определялся видом ремесла, преобладающим в занятиях его обитателей (гончары, ювелиры, пекари и т. д.);

смена населения в квартале происходила периодами в 30—40 лет;

в северо-западном квартале на протяжении около двух с половиной столетий (с середины VIII в. до начала XI в.) состав жителей менялся не менее семи раз;

большие кварталы керамистов были менее подвержены перемещениям, оставаясь на одном месте в течение 100—150 лет (квартал в центре городища).

⁶⁰ Работы осенью 1966 г. на раскопе 23—Г велись под наблюдением Л. Г. Брусенко, а на раскопе 23—А — Т. Агзамходжаева.

КУРГАНЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ
САМАРКАНДА

Окрестности Самарканда за пределами оазиса, который в древности был окружен стеной Дивари-Киямат, насыщены большим количеством археологических памятников, в большей степени сохранившихся в степной полосе, окаймлявшей с севера и юга долину Зарафшана. Особенно большое количество археологических памятников рассеяно по просторам степи за арыком Даргом. Здесь много городищ, тепе и курганов. В меньшем количестве археологические памятники встречаются к северу от Самарканда, что можно объяснить географическими условиями.

Исследование археологических памятников в непосредственной близости от Самарканда в значительной степени облегчает изучение истории культуры и идеологических представлений жителей оазиса. Особенно ценными памятниками, помогающими воссоздать культуру и идеологию древнего населения Согда, являются погребальные курганы, изучение которых проводилось в степной полосе к северу от Самарканда и в степи за арыком Даргом, к югу от города. Севернее Самарканда в местности Мингчукур (в 30 км от города) исследовался курганный могильник Акджартепе. К югу от Даргома курганы раскапывались близ левого берега Агалыксыя в 12 км от города, около селений Миранкуль (в 15 км) и около Сазагана (в 22 км юго-западнее Самарканда).

Среди раскопанных курганов большой интерес представляют курганы с материалами с IV в. до н. э. по IV в. н. э.,

т. е. эпохи рабовладельческого общества. Погребальные сооружения и инвентарь захоронений дали ценный материал по политической истории, истории культуры и идеологии Согда эпохи рабовладельческого общества.

Наиболее древние погребения обнаружены в могильнике Акджартепе и в двух курганах Агалыксайского могильника.

В кургане 4 могильника Акджартепе под округлой земляной насыпью оказалась грунтовая могила, в которой лежал скелет в вытянутом положении на спине, головой на юг. У скелета кости ног ниже таза отсутствовали. Около его правого бедра находилась рукоятка железного меча с переломленным перекрестием и полукруглым навершием.

В курганах 9 и 10 Агалыксайского могильника под насыпями также были грунтовые могилы, которые по своей ориентации длинной осью с юга на север и по конфигурации одинаковы с могилой кургана 4 могильника Акджартепе. В них кости скелетов вследствие ограбления были раздроблены и перемешаны с землей, заполнявшей могилу. Инвентарь захоронения в этих курганах оказался малочисленным, но весьма показательным и редким. Так, в кургане 9 было найдено бронзовое зеркало с ручкой из слоновой кости и пронизка из камня яшмовидной породы, концы которой украшены золотыми обоймами. Бронзовое зеркало имеет круглый диск диаметра 23 см и прикрепленный сбоку бронзовый насад длиной 10 см для костяной рукоятки. По краю диска зеркала на одной стороне имеется полукруглый валик.

В грунтовой могиле кургана 10 были обнаружены фрагменты двух железных мечей и длинного узкого кинжала, а также железные наконечники стрел. Железные мечи оказались двулезвийными с прямым перекрестием и серповидным навершием. Длина одного полностью собранного меча 61 см, а у второго оказались только верхняя часть рукоятки с серповидным навершием и нижняя заостренная часть. Из фрагментов был собран и длинный узкий кинжал без перекрестия и навершия. Лезвие у этого кинжала с двухсторонней заточкой. По полученным во время раскопок данным устанавливается ритуал. Покойников клали в могилы на спине в вытянутом положении на подстилку, видимо, из войлока, ибо в курганах 9 и 10 Агалыксайского могильника на полу грунтовых могил местами сохранился тлен от него. Могилы имели длину от 2,5 до 3 м, ширина их колеблется от 1,1 м.

до 1,4 м, глубина же достигает 3 м. Стены у могил отвесные и только у могилы в кургане 9 Агалыксайского могильника вдоль длинных западной и восточной стен оставлены уступы-запечики высотой 0,7 м от пола могилы и шириной 0,2 м. Южный конец западного уступа-запечика осыпался и присыпал зеркало, поэтому оно не было похищено грабителями. На уступы-запечики клалось перекрытие могилы, состоящее из дерева или хвороста. В могиле кургана 9 из-за ее ограбления не удалось проследить следов перекрытия, а может быть, его и не было.

Устройство могил, особенно с запечиками, погребальный инвентарь — мечи и зеркало — все это абсолютно совпадает с погребальным обрядом, могильными сооружениями и инвентарем погребений прохоровской культуры Южного Приуралья и Нижнего Поволжья IV—III вв. до н. э.

Впервые могилы с запечиками появляются в V в. до н. э., а в IV—III вв. до н. э. они уже имеют массовое распространение. Наибольшее количество их обнаружено в междуречьи Волги и Урала. Типичным могильным сооружением для прохоровской культуры IV—III вв. до н. э. является грунтовая могила¹.

Грунтовые могилы — один из самых распространенных типов могильных сооружений Средней Азии. Их существование в курганных могильниках охватывает большой отрезок времени — с XIV в. до н. э.² по XIV в.³

Мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием имеют аналогии, правда, не совсем полные, с мечами Средней Азии. В Берккаринском могильнике был найден фрагмент меча с серповидным навершием⁴, серповидное навершие имеет и акинак из могильника Памирская I, но перекрестие у него дугообразное, а концы опущены вниз⁵.

---

¹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, САИ, Д1—10, М., 1963, стр. 20.

² А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана, Труды ИИАЭ, т. VII, Археология, Алма-Ата, 1959, стр. 99, 137.

³ А. Х. Маргулан. Раскопки погребения воина XIV в. в долине реки Нуры, Труды ИИАЭ, т. VII, Археология, Алма-Ата, 1959, стр. 250.

⁴ А. Н. Бернштам. Памятники старины (историко-археологический очерк), Алма-Ата, 1941, стр. 17.

⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА СССР, № 26, М.—Л., 1952, стр. 30б, рис. 132, 5.

А. Н. Бернштам отметил, что такого типа, т. е. с серповидным навершием, акинаки тяготеют к находкам из областей, расположенных севернее Средней Азии, и после сопоставления всех данных датировал курганы Памирской I V—IV вв. до н. э.⁶

Указанные аналогии, однако, не совсем полны, ибо имеется расхождение в одних деталях при наличии сходства в других. Полными аналогами являются мечи с серповидным навершием и прямым перекрестием из курганов прохоровской культуры Южного Приуралья и Нижнего Поволжья IV—III вв. до н. э.⁷ К этому же времени, т. е. к IV в. до н. э., можно отнести и эфес меча из кургана 4 могильника Акджартепе, который очень схож с рукоятками мечей начала прохоровской культуры Южного Приуралья⁸.

Нет аналогий в опубликованном материале узкому и длинному кинжалу из кургана 10, но, судя по находке в этой могиле двух мечей с серповидным навершием, можно и этот кинжал датировать IV в. до н. э.

Железные трехлопастные черешковые наконечники с опущенными жальцами стрел появились у сарматов еще на рубеже VI—V вв. до н. э. В IV—III вв. до н. э. количество их значительно увеличивается, а во II в. до н. э. они вытесняют бронзовые наконечники стрел. Железные черешковые наконечники стрел по своей форме идентичны наконечникам стрел прохоровской культуры IV—III вв. до н. э.⁹ Бронзовое зеркало крупных размеров с выпуклым валиком по краю, без шишечки в центре и с боковым насадом для рукоятки также характерно для прохоровской культуры IV—III вв. до н. э.¹⁰ Очевидно, к могильному инвентарю этого же времени следует отнести и бронзовый шлем, найденный в нескольких километрах от исследованных курганов по Агалыксаю. Он обнаружен в районе суперфосфатного завода, находящегося западнее Самарканда и севернее курганов по Агалыксаю. Шлем горш-

⁶ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 306.

⁷ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры..., стр. 34.

⁸ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, МИА СССР, № 101, М., 1961, стр. 105, рис. 6, 3; стр. 106, рис. 7, 2.

⁹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры..., стр. 31, рис. 6, 2.

¹⁰ Там же, стр. 42. Подробнее о бронзовых зеркалах такого типа см.: О. В. Обельченко. Бронзовые зеркала Лявандакского могильника, М., КСИА, 91, 1962, стр. 48—50.

ковидной формы, цельнолитой, спереди имеется вырез для лица, а задняя часть опускается почти вертикально. От выступа на переносье к вершине поднимается волнистый гребень, который сзади постепенно сглаживается. Шлем этот типично скифский и, видимо, относится к числу изделий сакских бронз V в. до н. э.¹¹ Обзор находок предметов материальной культуры, главным образом вооружения, из окрестностей Самарканда, а также погребальные сооружения (курганы с грунтовыми могилами) подтверждают сведения древних письменных источников о том, что Среднюю Азию населяли скифские племена — саки¹². К ним относятся и согдийцы, населявшие бассейн Зарафшана и имевшие оседло-земледельческую культуру, близкую кочевникам-сакам¹³.

Сакские племена, населявшие земли Средней Азии, и по облику материальной культуры, и особенно по вооружению были близки к племенам, занимавшим в IV—III вв. до н. э. Южное Приуралье и Нижнее Поволжье, причем процесс проникновения этих племен с севера и северо-запада в степные просторы Средней Азии шел непрерывно, чему в немалой степени способствовала и политическая обстановка, сложившаяся в Средней Азии в конце IV в. до н. э. В 329 г. Александр Македонский со своим войском, пройдя по Ирану и вступив в Бактрию, подошел к берегам Амударьи. В это время захвативший власть Бесс уже находился за Амударьей и, по словам Курция, «решил удалиться к согдийцам и укрыться от врагов, как за стеной, за рекой Окс до тех пор, пока не придут из соседних племен сильные подкрепления»¹⁴. Среди других племен, от которых Бесс ждал помощи, называются и «обитающие за рекой Танаис (т. е. Сырдарьей) скифы...»¹⁵. По словам Курция, река Танаис отделяет бактрийцев от скифов, которых называют европейскими, а на севере эти скифы не граничат с сарматами, а составляют часть их¹⁶. То же самое сообщает и Страбон, добавляя, что «они частью кочевники, частью живут в шатрах и зани-

¹¹ Е. Е. Кузьмина. Бронзовый шлем из Самарканда, СА, 1958, № 4, стр. 120—126.

¹² Геродот. VII, 64.

¹³ К. В. Тревер. Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э., Советская этнография, вып. VI—VII, 1947, стр. 308.

¹⁴ Курций. VII, IV.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

маются земледелием»¹⁷. С этими скифами воевал Александр Македонский на берегах Сырдарьи¹⁸.

В дальнейшем, как сообщают Арриан и Курций, в борьбе Спитамена против греко-македонских захватчиков участвовали саки, которые не только укрывали Спитамена у себя во время поражений, но вместе с согдийцами принимали участие в осадах Маракандской цитадели¹⁹. Находки, сделанные в курганах по Агалыксаю, относятся к тому времени, когда согдийцы и саки боролись за независимость своей страны с Александром Македонским. Мечи из кургана 10 и кургана 4 могильника Акджартепе являются типичными акинаками скифских племен, населявших Южное Приуралье и Нижнее Поволжье в IV—III вв. до н. э.

Особенно примечательной находкой является железный акинак с серповидным навершием, типичный для племен прохоровской культуры, т. е. для ранних сармат Южного Приуралья. Эти находки — яркая иллюстрация к сведениям античных авторов об участии скифских племен вместе с согдийцами и бактрийцами в борьбе с поработителями Согдианы. Проникновение скифских, а затем сарматских племен в пределы Средней Азии не прекращалось и позже, в период борьбы с селевкидами в самом конце IV в. до н. э. и начале III в. до н. э., вплоть до образования Греко-Бактрийского царства в середине II в. до н. э. Об участии скифских племен в борьбе с селевкидами свидетельствует поход греческого полководца Демодама за Яксарт (т. е. Сырдарью) в начале III в. до н. э.²⁰

Древние источники сообщают о движении кочевых народов из северных районов Средней Азии (из-за Сырдарьи) на юг²¹ в конце II в. до н. э., которое привело к падению Греко-Бактрийского царства. Об этом же свидетельствуют данные археологических раскопок под Самаркандом в могильнике по Агалыксаю. Здесь был раскопан курган, под насыпью которого оказалась подобная могила с типичным сарматским инвентарем (рис. 1, а, б).

---

¹⁷ Страбон. XI, II.

¹⁸ Арриан. IV, I, 4.

¹⁹ Арриан. IV, 5; Курций. VIII, III.

²⁰ Плиний. VI, 18.

²¹ Страбон. XI, VIII.

В подбойной могиле кургана 5 по Агалыксаю находились остатки скелета, ориентированные головой на юг, так же как и в кургане 4 могильника Акджартепе.

Около голени левой ноги, рукоятью к поясу, находился железный двулезвийный меч с коротким прямым перекрест-

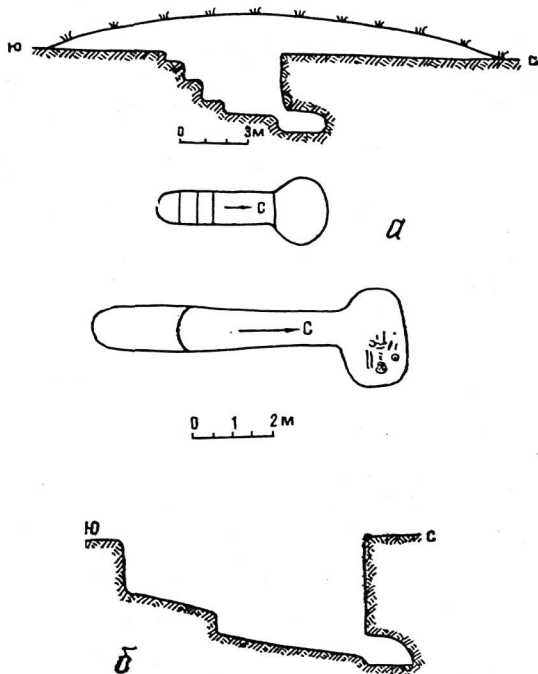

Рис. 1, а. Агалыксаю. Разрез и план кургана 1;
б. Разрез и план кургана 6.

тием и навершием в виде круглой плоской пластины. Меч обломан, но длина его с рукоятью достигает 1,05 м. Справа от голени правой ноги, остриями к ступне, лежали восемь железных наконечников стрел с опущенными жальцами. Правее скелета были найдены железные пряжки и железный крючок. В инвентарь погребения также входили железный

нож, проколка, костяная пуговица и обломок железной фигурной пряжки с язычком.

За головой скелета находился кувшин, изготовленный на гончарном круге. Он имел плоскую в сечении ручку и округлое тулово.

Подобные могилы широко распространены на территории Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Крыма, причем устраивались они или в восточной, или в западной стене входной ямы.

Обычай трупоположения на подстилку из хвороста, камыша или войлока известен по курганным погребениям в Средней Азии²², Нижнем Поволжье²³ и Южном Приуралье²⁴. Южная ориентировка скелета в описанном погребении имеет много аналогий в захоронениях первых веков до нашей эры в Средней Азии. Она отмечена в Тамдинском могильнике (Южный Казахстан)²⁵, в кургане «до усуньского времени» на левом берегу реки Аламедин²⁶, в Кувинском могильнике — на трассе Южного Ферганского канала²⁷, в кургане около Каттакурганского водохранилища²⁸.

В погребениях II в. до н. э. — I в. н. э., в могильниках Бухарской области — Шахри-Вайронском, Кызыл-Тепинском, Лявандакском²⁹ и Кую-Мазарском³⁰, скелеты лежали голо-

---

²² М. Э. Воронец. Отчет археологической экспедиции Музея истории Академии наук УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков нашей эры возле станции Вревская в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. I, Ташкент, 1951, стр. 43.

²³ П. С. Рыков. Суслевский курганный могильник, Саратов, 1925, стр. 3.

²⁴ К. В. Сальников. Сарматские курганы близ г. Орска, МИА, вып. I, 1940, стр. 125.

²⁵ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана, ИАН КазССР, 67 (серия археологическая), 2, Алма-Ата, 1950, стр. 70—72.

²⁶ А. И. Тереножкин. Археологические разведки по реке Чу в 1929 г., ПИДО, 1935, 5—6, стр. 142.

²⁷ В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала, ИУзФАН СССР, 10, Ташкент, 1940, стр. 26.

²⁸ В. А. Шишкин. Археологические наблюдения на строительстве Каттакурганского водохранилища, ИУзФАН СССР, 10, Ташкент, 1940, стр. 17.

²⁹ О. В. Обельченко. Лявандакский могильник, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 125—130.

³⁰ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник, Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 200.

вой на юг. Ориентировка скелетов головой на юг характерна для погребений III—I вв. до н. э. в подбойных могилах, исследованных в Нижнем Поволжье³¹, погребений IV—II вв. до н. э.³² в Западном Казахстане и в Южном Приуралье³³.

Ориентировка скелетов в погребениях — один из элементов, определяющих датировку сарматских курганов, для которых положение скелета головой на юг характерно в захоронениях первых веков до нашей эры³⁴. Оружие, найденное в подбойной могиле кургана 5, состоит из меча и наконечников стрел. Железный меч относится к уже известному типу мечей, найденных в курганах долины Зарафшана. Семь мечей такого типа было обнаружено в Кую-Мазарском могильнике, столько же в Кызыл-Тепинском, два меча — в Шахри-Вайронском и три — в Лявандакском. В последнем, в кургане около тригонометрического пункта³⁵, был найден меч, подобный агалыксайскому.

Таким образом, количество мечей этого типа достигло двух десятков. Из них восемнадцать совершенно одинаковых — с перекрестием и без навершия, а два имеют навершие в виде круглой пластинки (меч из кургана по Агалыксаю и из Лявандакского могильника). Мечи с коротким прямым перекрестием без навершия были найдены на реке Исеть на Урале³⁶ и под Тюменью³⁷. Они входят в число сарматских мечей Поволжско-Приуральского района³⁸ и отно-

---

³¹ И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья, СА, VIII, 1946, стр. 73.

³² И. В. Синицын. Археологические памятники по реке Малый Узень, КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 104, 105.

³³ К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала, Свердловск, 1952, стр. 95.

³⁴ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, 1947, № 3, стр. 120.

³⁵ О. В. Обельченко. Лявандакский могильник..., стр. 131, рис. 8.

³⁶ А. Н. Зырянов. Курганы и городища в Шадринском уезде Пермской губернии и находки в них, Зап. УОЛЕ, VII, 3, Екатеринбург, 1888, стр. 74.

³⁷ A. Heikel. Antiquites de la Siberie Occidentale, conservees dans les musees de Tomsk, de Tobolsk, de Tumen. d'Ekaterinebourg, de Moscou et d'Helsingfors, 1894, p. 69, t. XV.

³⁸ Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье, СА, XXIII, 1955, стр. 156, 158, рис. 7.

сятся к памятникам челябинской группы сарматов IV—II вв. до н. э.³⁹

Близок к мечам из курганов Агалыкская и Лявандакского могильника кинжал из Ольвии, который имеет такое же навершие в виде круглой пластинки, но более длинное прямое перекрестие⁴⁰. Мечи с коротким прямым перекрестием, но без навершия получили точную дату — вторая половина II в. до н. э. — по монете последнего греко-бактрийского царя Гелиокла (155—140 гг. до н. э.), обнаруженной в подбойной могиле кургана 14 Кызыл-Тепинского могильника в Бухарской области. В этой же могиле находился железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы с опущенными жальцами, аналогичный наконечникам стрел из кургана по Агалыксаю. Восемь наконечников стрел, найденных в этом погребении, не совсем одинаковы по форме лопастей — у одних они шире, а у других уже. Наконечники стрел первого типа аналогичны наконечникам из погребений III—I вв. до н. э. из Тамдинского могильника в Южном Казахстане⁴¹. Наконечники стрел второго типа были найдены в Каракольском усуньском могильнике III—I вв. до н. э.⁴² Такие же наконечники обнаружены и в других могильниках Зарафшанской долины — Шахри-Вайронском, Кызыл-Тепинском, Кую-Мазарском и Лявандакском⁴³. Железные трехлопастные черешковые наконечники стрел с опущенными жальцами известны по погребениям в Южном Приуралье⁴⁴ и на Кубани⁴⁵.

Наконечники стрел от долгого пребывания в могиле слезались в пучки. Очевидно, они находились в колчане, который не сохранился. Железный крючок, лежащий справа от

---

³⁹ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия, КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 100.

⁴⁰ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, стр. 78, рис. 34.

⁴¹ Л. Я. Маловицкая. Тамдинский курганный могильник III—I вв. до н. э., ИАН КазССР, 67, серия археологическая, 2, стр. 120.

⁴² М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, 1938, № 3, стр. 173.

⁴³ О. В. Обельченко. Лявандакский могильник..., стр. 136.

⁴⁴ К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья, КСИИМК, XXII, 1948, стр. 83, рис. 27.

⁴⁵ Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов, ТСА РАНИОН, т. V, М., 1930, стр. 74, 86.

костяка, очень похож на крючки, употреблявшиеся для подвешивания колчанов⁴⁶.

Две железные пряжки в виде плоских колец совершенно идентичны пряжке, найденной в кургане 3 у бугра Соинова Кую-Мазарского могильника⁴⁷. Пряжки в виде колец с кнопкой для застегивания широко употреблялись в скифо-сарматскую эпоху. Наиболее распространенной формой такой пряжки было кольцо с кнопкой-пуговкой и выступающим неподвижным крючком-язычком⁴⁸.

От пряжки другого типа в кургане 5 найден язычок с частью фигурной рамки. Идентичный язычок имеется у пряжки из кургана 7 Кызыл-Тепинского могильника. Сохранившаяся верхняя часть рамки этой пряжки представляет собой прямоугольник, круглый в сечении. Пряжки с язычком и фигурной рамкой известны по находкам в кургане 2 Лявндакского могильника⁴⁹. Однотипна им пряжка из находок в сарматских курганах Нижнего Поволжья⁵⁰. Следует отметить, что подобного рода пряжки пока не известны в курганных погребениях других районов Средней Азии.

Железный нож из рассматриваемого погребения является весьма характерным и неизменным атрибутом курганных погребений первых веков до нашей эры в низовьях Зарафшана. Ножи серповидной формы небольшой величины — постоянный инвентарь сарматских погребений Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и степей юга России. Как правило, их клали при погребениях вместе с частями жертвенного животного.

Кувшин из подбойной могилы (рис. 2) можно считать близким кувшину из кургана 14 Кызыл-Тепинского могильника, в подбойной могиле которого были найдены вместе с кувшином меч, наконечник, стрелы и монета Гелиокла. За-

---

⁴⁶ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, МИА, 101, 1961, стр. 109, рис. 10.

⁴⁷ О. В. Обельченко. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника, Труды САГУ, Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957, стр. 120.

⁴⁸ М. Г. Мошкова. Раннесарматские бронзовые пряжки, МИА, 78, 1960, стр. 297.

⁴⁹ О. В. Обельченко. Лявндакский могильник..., стр. 49, 50.

⁵⁰ И. В. Сеницын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья..., стр. 92, рис. 25.

хоронение в подбойной могиле по Агалыксаю можно датировать II—I вв. до н. э.

Агалыксайский курган 5 дал такой же материал, как и курганы бухарских степей времени, предшествовавшего нашей эре, а сарматообразный облик этих курганов нашел объяснение при критическом рассмотрении сведений древних

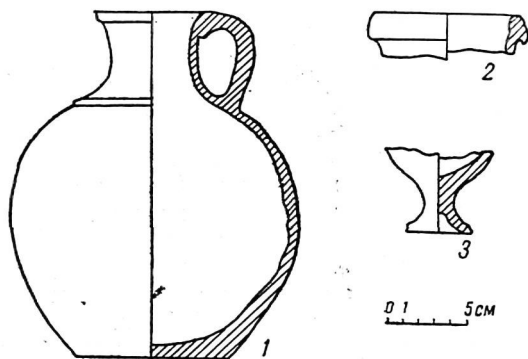

Рис. 2. Агалыксай. Керамика из курганов 1 и 5.

авторов в политических событиях в Средней Азии во второй половине II в. до н. э.⁵¹ Накопленный археологический материал и тщательное изучение источников позволяют говорить о большой близости культуры саков Средней Азии со скифосарматской культурой степей Приуралья, Поволжья и юга России⁵².

Полевые исследования последних лет, особенно в долине Зарафшана, дают возможность конкретизировать имеющиеся гипотезы⁵³. Падение Греко-Бактрийского царства в конце II в. до н. э., в сокрушении которого принимали участие кочевые племена, родственные сарматам Южного Приуралья и нижнего Поволжья, привело к созданию в начале нашей эры государства Кушан на юге и Кангюйского царства — в

⁵¹ О. В. Обельченко. Лявандакский могильник..., стр. 173—176.

⁵² С. П. Толстов. Из предистории Руси, СЭ. VI—VII, 1947, стр. 39.

⁵³ С. П. Толстов. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий, ВДИ, 1963, стр. 42, 43.

северной части Средней Азии, т. е. в бассейне Сырдарьи. Причем ядром Кангюя стала средняя часть Сырдарьи. Памятниками кангюйской культуры в этом районе являются каунчинская и джунская культуры, которые прослежены как на городищах, так и по курганным могильникам⁵⁴.

В исторических хрониках имеются сведения, что Согд в начале нашей эры входил в состав Кангюя или подчинялся ему⁵⁵. Эти сведения письменных источников о сильном влиянии Кангюя, если не подчинении ему, и в последующее время, т. е. во II—III вв. н. э., подтверждаются археологическими материалами. В курганах могильника Акджартепе и по Агалыксаю были раскопаны катакомбы с одинаковым инвентарем и идентичным погребальным ритуалом. Находившийся в южной половине кургана дромос заканчивался в северном конце, соответствующем центру курганной насыпи, катакомбой, ориентированной длинной осью с запада на восток. В этих катакомбах скелеты лежали на спине в вытянутом положении, головой на восток. Инвентарь погребений состоял из керамики и вооружения. Керамика — это кувшины и фляги, типичные для курганных погребений первых веков нашей эры и в других районах Средней Азии⁵⁶.

Интересной находкой была курильница в виде горшка с отверстиями в боковой стенке. Она идентична курильнице из кургана в Ташкентской области. Курильница в катакомбе кургана 1 в могильнике Акджартепе стояла на фрагменте боковой стенки сосуда, а курильница из кургана 4 (на трассе Ташкентского канала) — на гранитной плитке⁵⁷.

В курганах могильника Акджартепе и по Агалыксаю были найдены железные двулезвийные мечи без перекрестия и навершия, одинаковые с мечами из курганов каунчинской культуры, расположенных около Янги-Юля (рис. 3)⁵⁸.

---

⁵⁴ М. Е. Массон. Ахангеран, Ташкент, 1953, стр. 121.

⁵⁵ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II, М.—Л., 1950, стр. 186.

⁵⁶ Подробнее об этом см.: О. В. Обельченко. Могильник Акджартепе, ИМКУ, 3, Ташкент, 1962, стр. 66—67.

⁵⁷ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 158, табл. XX, б.

⁵⁸ Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении, ИАН КазССР, серия археологическая, вып. I, Алма-Ата, 1948, стр. 59—60.

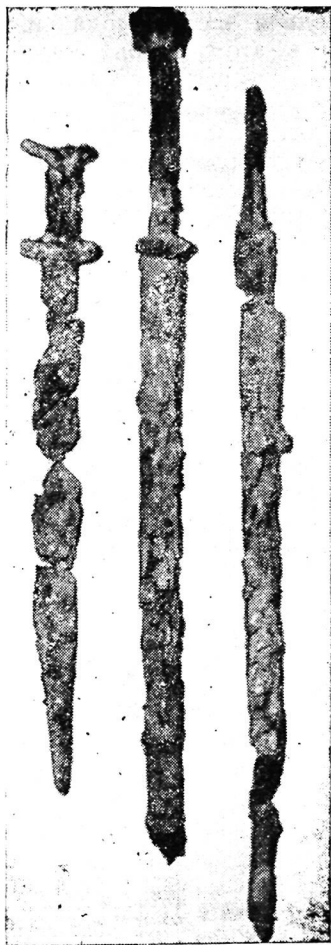

Рис. 3. Агальксай. Железные мечи из курганов 6 и 9.

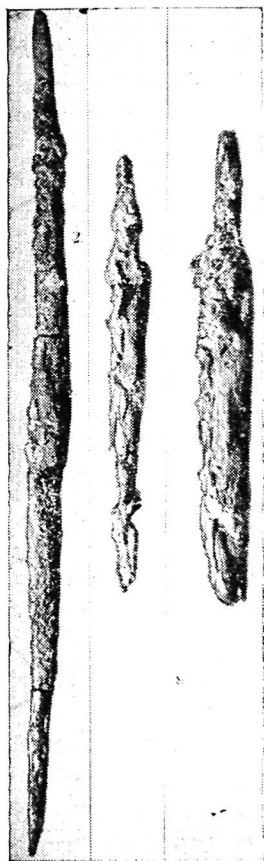

Рис. 4. Кинжалы из грунтовых могил.

Один и тот же погребальный инвентарь и совпадение в чертах погребального обряда указывают на большую близость материальной культуры первых веков н. э. района Самарканда с культурой того же времени средней части бассейна Сырдарьи.

Весьма важной находкой, дающей некоторые сведения об идеологических представлениях общества того времени в Согдиане, является золотая пластинка из кургана 8 по Агалыксаю. Под насыпью этого кургана был длинный многоступенчатый дромос и катакомба, в которой находились остатки парного погребения. Курган в древности подвергся ограблению, но в земле, заполнявшей катакомбу, были найдены украшения, сделанные из листового золота. Фрагменты железных ножей и кинжалов также имели на себе остатки обкладки их ножен золотом.

В этом же кургане обнаружены золотая обойма, которая была одета на ремень, и две золотые пластинки, украшавшие, видимо, одежду погребенного. Одно из украшений представляет собой две параллельные полосы, пространство между которыми заполнено двойной зигзагообразной линией. Этот геометрический орнамент — не что иное, как меандр. Он был выдавлен на листке золота, а затем вырезан и снабжен по краям отверстиями для нашивания.

Вторая пластинка представляет собой отштампованное, выпуклое изображение хищной птицы с распушенными крыльями. Голова птицы с загнутым вниз клювом, повернута вправо, крылья раскрыты, конец правого крыла опущен, а левого — поднят. Хвост загнут и также поднят вверх, лапы — мощные и широкие. Изображение птицы на пластинке грубое и схематизированное. Это, несомненно, сделанное специально для погребения украшение. Поэтому изображение птицы выполнено схематично и грубовато. На ее голове, крыльях, хвосте и лапах имеются отверстия для нашивания пластинки. Вся поверхность этой бляшки гофрирована, что, видимо, является способом передачи оперения птицы. Упрощенность изображения и его схематизм, очевидно, вызваны не только назначением данной бляшки быть предметом погребального инвентаря, но и служат доказательством широкой известности хорошо знакомого в изобразительном искусстве тогда первых веков нашей эры персонажа. Этот оттиск — изображение одной из ипостасей Хварны, представления о

котором символизируют благополучие и защиту от действия злых сил. Хварна в основном имел облик барана или хищной птицы, как в данном случае. Он сопровождает героев и сопутствует им в удачах, помогает бороться со злыми силами. Видимо, именно таким и было назначение этого изображения хищной птицы, найденное в кургане под Самаркандом. Следует отметить, что представление о Хварне имело широкое распространение в скифо-сарматской среде и у сакских народов Средней Азии.

К III—IV вв. н. э. относятся курганы с каменистыми насыпями в окрестностях Самарканда, под которыми находились дромосы с катакомбами. Погребальным инвентарем в этих катакомбах была исключительно посуда и совсем не было оружия.

Продолжали бытовать и грунтовые могилы. В одной из них был найден железный кинжал без перекрестия и навершия, двулезвийный, чечевичный в разрезе, точно такой же, как в катакомбе кургана по Агалыксаю (рис. 4).

Курганы с каменной насыпью, изученные около селений Миранкуль и Сазаган, относятся к III—IV вв. н. э., ибо они имели однотипную керамику. Она представлена флягами с уплощенным боком, кувшинами без ручек и только одним кувшином с ручкой.

Керамические находки из курганов по своему облику тяготеют к керамике из других памятников в долине Зарафшана, относящихся к V—VI вв. н. э. Однако формы кувшинов из курганов около Сазагана как бы предшествуют сходным формам раннесредневековой керамики из Пянджикента и усадьбы близ Кафиркалы.

В кургане 1 возле Сазагана была найдена мелкая серебряная монета. Она скифатная, ее диаметр 1,5 см, вес 0,5 г. Края монеты неровные, на аверсе изображена голова государя влево. Лоб низкий, нос с горбинкой, прямая борода слегка выступает вперед, волосы курчавые, сзади прядь закрывает шею. Слева, в поле над головой, имеется легенда из букв согдийского письма.

На вогнутой стороне реверса — обрамление из перлов, которое, отступив от края, охватывает находящееся в центре изображение слева, сверху и снизу. Центральная фигура — стреляющий влево лучник. Его корпус слегка наклонен вправо, над головой, слева от него и под ногами имеются знаки

согдийской письменности. Эта монета относится к местному чекану III—IV вв. н. э., когда отдельные княжества Согда были еще независимы и чеканили свою монету⁵⁹.

Суммируя археологические данные из окрестностей Самарканда IV в. до н. э. — IV в. н. э., можно сделать некоторые выводы, касающиеся истории культуры Согда. Они не противоречат, а наоборот подтверждают имевшиеся в исторических источниках сведения. Следует отметить как самый важный вывод — активное участие скифо-сарматских племен, в число которых входили и саки, в культурной и политической жизни Согда на протяжении многих столетий. Археологические данные подтверждают также сведения письменных источников о вхождении согдийских княжеств в Кангюй или о политической зависимости от него в период после крушения Греко-Бактрии и в первые века нашей эры. В III—IV вв. в Согде были независимые княжества, которые пускали в обращение монеты своего чекана.

Раскопки курганов в окрестностях Самарканда подтверждают существующие в науке представления о самостоятельной линии развития культуры коренных земель Согда в отличие от культуры соседствовавшего южнее государства Кушан⁶⁰.

---

⁵⁹ М. Е. Массон. Нумизматика Средней Азии (курс лекций, читанный в САГУ в 1955—1956 гг.).

⁶⁰ М. Е. Массон. К вопросу о северных границах государства «великих кушан», ОНУ, 1968, № 8, стр. 24—25.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
К СТРАТИГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО
САМАРКАНДА (ПО РАСКОПКАМ
ПЛОЩАДИ РЕГИСТАН
в 1969—1971 гг.)

Планомерное археологическое изучение древнего Самарканда, предпринятое Афрасиабской комплексной экспедицией АН УзССР, дало в руки исследователей ценные материалы по динамике развития этого крупнейшего центра городской культуры Узбекистана.

Исследование исторической топографии домонгольского Самарканда показывает, что город не ограничивался пределами городища Афрасиаб ни в период развитого феодализма, ни даже в античную пору. Вот почему нельзя воспроизвести историю Самарканда без всестороннего изучения территории, примыкающей к Афрасиабу, и в первую очередь ее южных районов, густое обживание которых отмечается и средневековыми географами, и современными исследователями.

В X—начале XIII в. их площади стали средоточием ремесленных мастерских и базаров Самарканда. После разрушения Самарканда татара-монголами в 1220 г. сюда переместился центр городской жизни. Интенсивное обживание этих районов идет вплоть до наших дней. На примере изучения этих территорий можно проследить наиболее важные этапы экономической и социально-политической жизни Самарканда. Особый интерес представляет площадь Регистан—торгово-ремесленный и культовый центр Самарканда XIV—XIX вв.

Специального археологического исследования этой площади не проводилось. Однако в связи с реставрацией расположенных на площади архитектурных комплексов — медресе Улугбека, Шердор и Тиллякори — в различные годы осуществлялись стратиграфические раскопки под фундаментами стен и минаретами медресе. Так, в 1919—1920 гг. при ремонте было заложено 16 шурфов вдоль цоколей медресе Улугбека и один у северо-западного минарета Шердор. Некоторые из них достигали глубины 11 м.

Выявлены интенсивно обжитые слои XVI—XVII вв., мелкие постройки XIV—XV вв. и русло канала более раннего периода. Данные шурфов показали, что район Регистана тысячелетие тому назад был слабо освоен. Интенсивно он стал обживаться в XI—XII вв., особенно с XIII в., после разгрома монголами города на Афрасиабе. Под описанными слоями было расчищено кострище с крупными гальками, костями птиц и мелких млекопитающих, позволившее предположить наличие стоянки первобытного человека¹.

В 1947 г. А. И. Тереножкин заложил у медресе Улугбека четыре стратиграфических шурфа, прорезавших 9 культурных наслоений VIII — начала XIX в.²

В 1956 г. археологические исследования на Регистане (на площади, примыкающей к медресе Улугбека с юга) осуществлялись В. А. Булатовой и С. Н. Юреныным³. Они вскрыли культурные наслоения мощностью от 3,5 до 4 м, последовательно включавшие в себя улицу XV—XVI вв., мощеную камнем, и жилой дворик того же времени. Выше были обнаружены следы архитектурной перестройки XVII в., слои

¹ М. Е. Массон. Падающий минарет, Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1968, стр. 25—31.

² А. И. Тереножкин. Отчет о раскопках фундамента медресе Улугбека в Самарканде, Архив Главного управления по охране памятников Министерства культуры УзССР, инв. № 950.

³ В. А. Левина. Отчет об археологических вскрытиях к югу от медресе Улугбека в Самарканде, Архив Главного управления по охране памятников Министерства культуры УзССР, инв. № $\frac{C 626}{л. 36}$; С. Н. Юренин. Описание траншеи 3, расположенной у южного фасада медресе Улугбека, Архив Главного управления по охране памятников Министерства культуры УзССР, инв. № $\frac{C 1012}{л. 10}$.

упадка города XVIII в., ремесленных мастерских ювелиров (с тиглями и очагом) и гончаров XIX в.⁴ Археологические материалы этих раскопок опубликованы лишь частично⁴, хотя основные выводы используются в работах, посвященных соответствующим разделам истории Самарканда⁵.

В 1968 г. группе Афрасиабской комплексной экспедиции было поручено провести раскопки и организовать надзор за строительно-планировочными работами в западной части цитадели Тимура и на проходящей между цитаделью и площадью Регистан улице Дагбитской с тем, чтобы собрать новый фактический материал по истории античного и феодального Самарканда в границах его округа.

Весной следующего года основные археологические исследования сосредоточились в районе площади Регистан (в восточном и северном участках), где проводилась закладка котлованов для двух крупных зданий общественного назначения (рис. 1)⁶. Здесь была заложена серия стратиграфических раскопок, прорезавших толщу культурных наслоений до материка. Одновременно велось изучение западных районов средневекового хисара.

В 1970 г. при закладке котлована многоэтажного здания проведены наблюдения за восточными районами Регистана⁷.

В 1971 г. в связи с консервацией Чор-Су, памятника зодчества XVIII в., расположенного в северной части Регистана, вдоль его фундамента были заложены два стратиграфических шурфа⁸. Эти работы предприняты с тем, чтобы дать характеристику материалов, полученных при исследовании

---

⁴ В. А. Булатова. Медресе Улугбека в Самарканде (Стратиграфия культурных наслоений у южного фасада), ОНУ, № 3, 1969, стр. 46—47.

⁵ М. Е. Массон. Самаркандский Регистан, Труды САГУ, вып. XI. Ташкент, 1950; Он же. К периодизации древней истории Самарканда, М.—Л., ВДИ, 1950, № 4, стр. 165; История Самарканда, т. I, Ташкент, 1969.

⁶ В 1968 г. раскопки проводили Ю. Ф. Буряков и аспирант М. Тагиев; в 1969 г. в работах участвовали Ю. Ф. Буряков, А. Ибрагимов, Р. Равшанов, М. Садиев, Э. Ю. Бурякова, а в изучении объекта 2 — отряд СамГУ им. А. Навои в составе: М. Д. Джуракулова, Я. К. Крикиса, Ю. А. Аванесовой, Х. Ибрагимова.

⁷ Наблюдения проводились Ю. Ф. Буряковым и А. Ибрагимовым.

⁸ Работы осуществлены Ю. Ф. Буряковым, Э. Ю. Буряковой и Ш. С. Ташходжаевым.

южных районов Самарканда, в частности Регистана. Пункты наблюдения и раскопок представлены по объектам.

Объект № 1 расположен к востоку от медресе Шердор, между Ташкентской и Пенджикентской улицами, на месте слияния махалля Хаузибальянд и Кулалон. Здесь до матери-

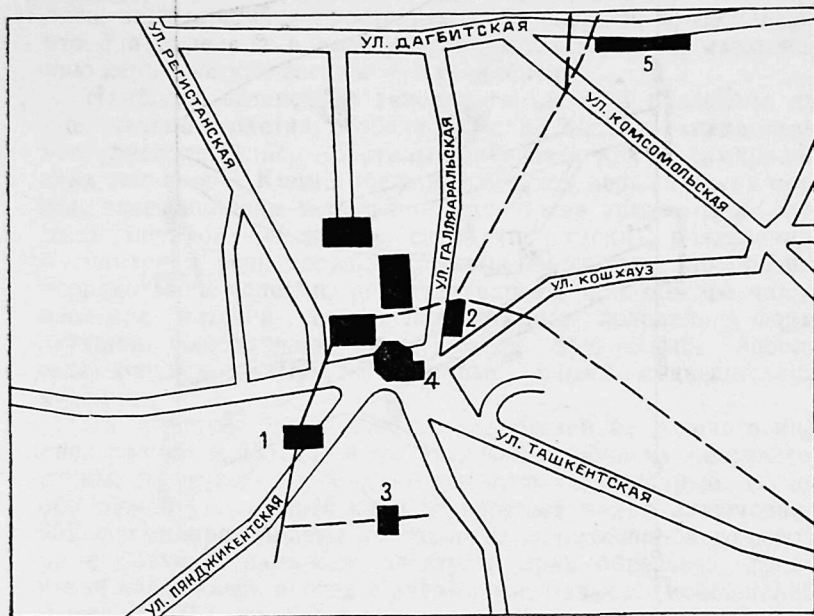

Рис. 1. План раскопок на Регистане.

ка был снят котлован на площади 112×74 м. Глубина вскрытия достигла 8,5—10 м, а в северном углу — 16 м. Но, к сожалению, верхние слои были сняты без археологического надзора (рис. 2).

Наблюдения выявили, что в северной части проходил древний овраг, заполненный отходами гончарного производства. Самые древние находки, обнаруженные в овраге, представлены керамикой с красной и коричневой раскраской по белому фону под бесцветной свинцовой поливой, характерной для X в. На западной оконечности оврага, на глубине 4 м, вскрыта часть здания из жженого кирпича несколь-

ких стандартов с преобладанием квадратного $25 \times 25 \times 4$ см. Здесь же найдены обломки майоликовой облицовочной керамики, медная монета и бытовая посуда XV в.

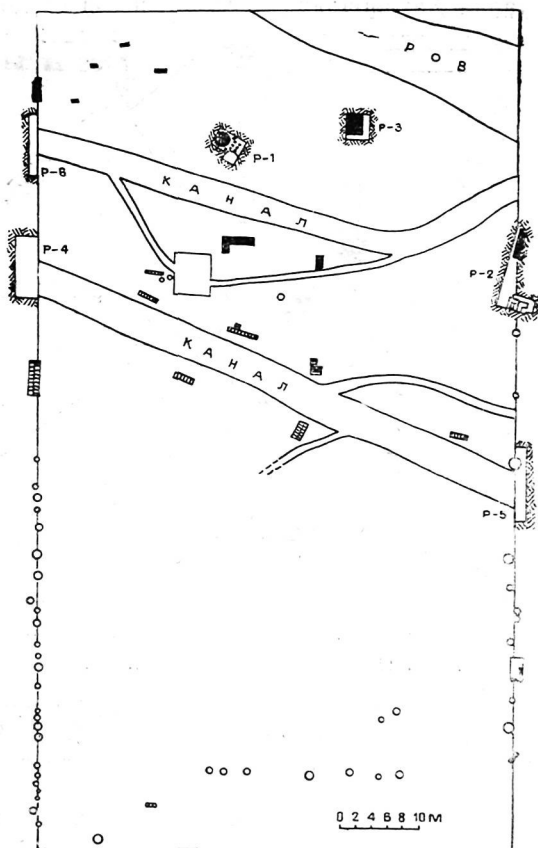

Рис. 2. План раскопов. Объект № 1.

В северо-восточной части котлована на глубине 7 м обнаружена бронзовая ступка цилиндрической формы с капле-

видными отростками по тулову (для удобства пользования). На стенке ступки вырезана надпись на персидском языке: «Айшахтун, дочь Мухаммада ибн Абдухалика ибн Абдухалила, передает (ступку) в вакф в пользу садика...». Кому передана ступка, прочесть не удалось. Академик В. А. Абдуллаев, занимавшийся прочтением этой надписи, предполагает, что она передана в пользу «садика мастеров по изготовлению керамических сосудов — Кузакабиен»⁹.

Наиболее интенсивно заполнялся овраг в последние два с половиной столетия, особенно в конце XVIII в., когда вдоль него расположились кварталы шахрисабзских и самаркандских гончаров¹⁰. Кроме обильных отвалов керамических шлаков, здесь найдены в большом количестве предметы из припаса гончаров — спекшиеся сепоя (подставки), разделявшие в гончарной печи сосуды открытых форм, стаканообразные терракотовые поделки, подставлявшиеся при обжиге чаш и каза под нижний сосуд, терракотовые поделки в форме катушки, выполнявшие ту же роль при обжиге небольших сосудов, штыри, на которые в печи подвешивались кувшины.

На северном берегу оврага, под стеной из жженого кирпича размером 25×25×4 см, извлечен кувшин из желтоватой глины, покрытый с обеих сторон голубой глазурью. В нем обнаружен уникальный клад серебряных монет, включавший 962 экземпляра. Монеты изготовлены из низкопробного серебра с большой примесью лигатуры, края обрезаны грубо, чекан небрежный, иногда с разрывами. Размеры монет колеблются от 2,3 до 3,5 см, но вес однороден — от 4,1 до 4,35 г¹¹ (в пределах веса мискаля)¹².

По предварительному определению — это уникальный клад аштарханидской эпохи с массой картушей одних и тех же

---

⁹ В. А. Абдуллаев. Ажойбхона ажойботлари, «Ленин йули», 25 февраля 1969 йил, № 32.

¹⁰ Пониженная площадь на месте оврага сохранялась до последних лет. По сообщениям строителей, при перепланировке района в начале 50-х гг. сюда отсыпалась земля из котлованов строящихся близости зданий. В результате образовался мешаный слой мощностью до 2,5 м.

¹¹ В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему, М., 1970, стр. 11.

¹² Е. А. Давидович. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, М., 1970, стр. 68.

правителей¹³. Из 15 определенных монетных кружков основная группа принадлежала эмиссии Надир Мухаммад-хана (1642—1645) и Абдулазиз-хана (1645—1680)¹⁴.

В нижнем культурном слое северо-западного сектора котлована на глубине 10 м найден кремневый нуклеус верхнепалеолитического облика¹⁵.

К югу от оврага на глубине 6—6,5 м раскрыто несколько древних каналов. Северный канал шириной 2,2—2,4 м засыпан переслаивающимися линзами песка — в нижних слоях серого, речного, в верхних — крупного буроватого. Глубина его достигает 2,8 м. Канал заполняет большое количество фрагментов керамики, стекла, бракованной гончарной посуды, встречается неочищенная стеклянная масса, кусочки оруженевших бронзовых предметов. Наиболее многочисленны керамические предметы. Самый древний подъемный материал канала представлен небольшими неполивными горшочками яйцевидной формы со спиралью от подрезки донца нитью и небольшими чирагами плосковидной формы с маленьким носиком и без ручки, кружками, сформованными из двух половин: нижней, округлой и верхней, цилиндрической. К линии соединения половин подлеплена ручка. Такие сосуды характерны для конца VII—начала VIII в. н. э.

Разнообразна и глазурованная керамика: это фрагменты толстостенных чаш со сферическими стенками на коническом и кольцевом (с массивным кольцом) поддоне, покрытые голубыми и зеленоватыми растекающимися потеками, точками и эпиграфическим орнаментом. По определению И. А. Сухарева, чаши с аналогичным орнаментом распространились в Согде с начала IX в. н. э.¹⁶

Но особенно интенсивно канал функционировал в последующий период. Об этом свидетельствуют многочисленные находки в его русле обломков сосудов с полихромным орна-

¹³ Исследование аштарханидских монет проведено Е. А. Давидович. См.: Е. А. Давидович. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. (Золотые и серебряные монеты джанидов). Душанбе, 1964.

¹⁴ По предварительному анализу Б. Д. Кочнева 1 монета Вали Мухаммад-хана (1605—1611), 140 — Имамкули-хана (1611—1642), 175 — Надир Мухаммад-хана (1642—1645), 573 Абдулазиз-хана (1645—1680). Остальные монеты пока расшифровать не удалось.

¹⁵ Определение каменных орудий провел Н. Х. Ташкенбаев.

¹⁶ И. А. Сухарев. Ранняя поливная керамика Самарканда, Труды УзГУ, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 14—23.

ментом на белом фоне под свинцовой бесцветной поливой, чаш и светильников, покрытых полностью голубой глазурью. Если первые группы известны в X—начале XI в., то последняя широко распространяется в XII в.

На южном берегу канала в слое, связанном с его функционированием, на глубине от 7 до 8,5 м сохранились остатки вытанутой с С—С—З на Ю—Ю—В стены, сложенной из жженого кирпича размером 28×15×35 см, характерного для XI—XII вв. н. э. Один из отводов канала впадает в квадратный водоем — хауз, размером 10×10 м. Судя по отложениям черно-болотного цвета, заполнявшим хауз, глубина его была не менее 3 м. Находки из хауза весьма разнообразны. Они представлены сосудами преимущественно из светлого с желтым отливом мелкопузырчатого стекла. Реже встречаются изделия из черного непрозрачного стекла.

Особенно интересен узкогорлый одноручный кувшин с высокой, слегка расширяющейся к закраине горловиной от 3,5 до 4,5 см и банкообразным, слегка суженным к донцу туловом. От закраины на плечико опускается фигурная, витая жгутом ручка. Горловина также украшена жгутами орнамента. Стекланные кружки цилиндрической формы выдувались зачастую из очень тонкого стекла. К стенке подлеплялась небольшая вертикальная ручка-петелька, иногда украшенная сверху налепом.

Глубокие миски с диаметром устья до 16 см имели округлое тулово с легким сужением к донцу и закраине, образованной удвоением стенки. Некоторые открытые чашевидные сосуды имели сбоку вертикальные призматические ручки рельефного сечения. В большом количестве представлены стекланные баночки и флакончики.

Еще более многочисленна керамическая посуда. Это и профилированные венчики хумов, иногда со слабо выделенной горловиной, и тагора, украшенная по тулову процарапанным линейным и волнистым орнаментом. Характерны сероглиняные котлы шаровидной формы с двумя типами венчиков — утолщенной двойной закраиной с широким бережком и пояском по горловине и плавным отгибом закраины наружу. Котлы первой формы имели по венчику горизонтальную фигурную ручку-налеп.

Более мелкие формы представлены разнообразными горшками — широкими и узкогорлыми — и кружечками с коль-

цевой ручкой. Следует отметить и керамическую игрушку — бубенчик. Поделка шаровидной формы диаметром чуть более 5 см с ручкой и прорезью, через которую виден керамический шарик. Определенный интерес представляет одноручный металлический кувшин — медный или латунный¹⁷. Он найден в верхнем слое заполнения хауза и относится к последнему этапу его использования. или даже скорее к периоду его запустения. Сосуд отличается стройными пропорциями, его высота 32 см; он имеет узкую горловину, завершающуюся устьем со сливом. Диаметр устья 3,5—3,7 см. Внизу посредством валика горловина соединяется с высоким (23 см) туловом, постепенно расширяющимся книзу и переходящим в устойчивое донце на кольцевом поддоне. Напротив слива — вертикальная довольно массивная ручка, опущенная до середины тулова. Сверху она украшена фигурным налепом в виде шара с коническими отростками. К нему, вероятно, была прикреплена крышка. Это сосуд типа чойдушей, однако. прямую аналогию ему подобрать трудно, так как металл того времени представлен довольно ограниченным количеством форм.

Вместе с ним найдена часть медного таза плохой сохранности, украшенного пояском надписи. По форме он аналогичен бронзовому тазу из Нукета XI—XII вв., хранящемуся в Музее истории народов Узбекистана.

После выхода из хауза описанный выше отвод вновь сливался с магистральным каналом. По берегам хауза и канала встречаются отдельные жженые кирпичи размером преимущественно 39×19×7 см, а у выхода из хауза — два тегирмонташа диаметром 0,5 м и 1 м. Рядом с ними обнаружены остатки стены, сложенной из жженого кирпича размером 30×15×4 см.

В 18 м к югу на глубине 5—7 м расчищен небольшой арык, идущий с востока на запад. Его ширина 0,8 м, глубина 1 м. Арык заполнен мелким сероватым песком, в котором почти отсутствуют находки, так как на восточном отрезке он был перегорожен двумя вертикально поставленными плитами рваного чупанатинского камня, образовавшими отстойник, где скопились косточки животных, фрагменты стеклянных сосудов и стенки чаш с полусферическим туловом и утяже-

¹⁷ Анализ металла не проводился.

ленным дисковидным поддоном. Снаружи и изнутри они покрывались по мутно-серому фону расплывающимися потеками зеленовато-голубой глазури, распространенной в керамике Самарканда в IX в. Найдены также белофонные сосуды открытых форм с точечным коричневым орнаментом. Эта группа керамики известна в X в. Стало быть, арык функционировал в IX—X вв. Течение его в центре котлована склоняется к югу, он впадает в южный магистральный канал. Последний более значителен, чем северный, и по размерам (ширина его от 5,6 — до 6 м, глубина превышает 3 м) и по скорости течения воды (он заполнен отложениями крупного речного песка). Канал входит в котлован в 60 м от его северного угла и проходит на запад с небольшим северным склонением. Он заполнен буроватым песком с обильным отложением разнородных предметов, позволяющих определить время его функционирования.

В котловане канал прослежен на 74,5 м. Вдоль него по обоим берегам расчищены остатки 7 сооружений, вероятно, жилого назначения, сложенных из жженого кирпича размером $30 \times 16 \times 4,5$ см. В культурных слоях, связанных с этими стенами, встречается керамика, покрытая зеленой глазурью с подглазурным орнаментом, и сосуды с коричневыми и желтыми пятнами, а также чираги на высоких ножках, покрытые голубой поливой, т. е. комплекс, характерный для XI—XII вв. н. э. В юго-западном углу котлована обнаружена мраморная плита — деталь облицовки здания XVI—XVII вв.; в юго-восточном — два кремневых нуклеидных обломка и отщеп с явными признаками обработки. В юго-восточном секторе котлована расчищены остатки стен двух помещений, относящихся, судя по материалу, к X и XI—XII вв.

Площадь котлована испещрена разновременными ямами различного назначения, уходящими с разных уровней на глубину до 12 м от современной дневной поверхности. Удалось зафиксировать лишь часть их — 45 ям диаметром от 0,6 до 14 м. Расчищено 6 ям с керамикой IX—XVI вв. В одной из них среди керамики XI—XII вв. найден каменный светильник из серого талька в форме шестиконечной звезды. Каждый ее луч служил светильником. В центре был вкручен железный стержень, на котором он подвешивался. Наиболее близкую аналогию дает светильник, хранящийся в

Республиканском музее истории культуры и искусства УзССР¹⁸, — чираг из светло-серого талько-хлорита без центрального круга в форме пятилучевой звезды.

Рис. 3. Объект № 1; раскоп I, бронзовый шар с надписью.

Основной материал по топографии района был получен из раскопок. На объекте № 1 нами было заложено 7 раскопов.

Раскоп 1 (рис. 2) расположен в северо-западном секторе котлована. Его площадь всего 20 м², он ориентирован по линии северо-восток — юго-запад. Раскоп начат с глубины 8 м и опущен на 1,5—2 м. Верхний слой на площади 6 м²,

---

¹⁸ Республиканский музей истории культуры и искусства УзССР, коллекционная опись А—42—30.

за исключением юго-восточного угла, заполнен бронзовыми предметами, лежавшими друг на друге в несколько слоев. Их скопление было особенно густым в северо-западной части раскопа. Бронзовые предметы расслоились и были покрыты толстым слоем зеленой патины. Вместе с ними найдены фрагменты неполивной и глазурованной керамики. Неполиваная посуда представлена котлом шаровидной формы с утолщенным венчиком и ручками-отростками по плечу и горшковидным сосудом из желтой глины с фигурной ручкой по плечу.

Более многочисленны глазурованные сосуды открытых форм типа касы и ляганов. В декоре распространено сочетание белого, бледно-голубого, марганцевого и черного цветов. В мотивах орнамента преобладают растительные элементы: непрерывный растительный побег марганцевого цвета, окаймляющий придонную часть. В центре орнамента круг с лепестками, отдельные крупные листья бледно-голубого цвета с марганцевым обводом по белому фону, веточка с цветком, голубые листочки по белому фону, черные завитки по бледно-голубому и белому фону.

Подобная керамика преобладала среди находок С. Н. Юрнева в хонако Мухаммад Султана в комплексе Гур-Эмир. Она датируется концом XIV — началом XV в.¹⁹ Интересен фрагмент, украшенный черными полосами по голубому фону. Он характерен для XIV в.

В северо-западной части раскопа вместе с бронзовыми сосудами было найдено большое количество обломков футировки печи. Расчисткой на глубине от 50 см до 1 м раскрыты остатки круглой в плане печи диаметром до 1 м. Печь вырыта в земле, стенки ее обложены жженым кирпичом размером 7×5×4 см и обмазаны толстым слоем огнеупорной глины. Они сильно ошлакованы и на определенном этапе использования штукатурились вторично.

Находки в культурном слое на уровне стенок печи представлены фрагментами керамики — хумов, котлов и глазурованных сосудов, преимущественно чаш с черной росписью по сероватому фону и подглазурным процарапанным орна-

---

¹⁹ Устное сообщение сделал С. Н. Юрнев. Керамический материал передан на хранение в Музей истории народов Узбекистана.

ментом под слоем темно- и светло-зеленой поливы. Последний тип керамики известен для Мавераннахра XI—XII вв.²⁰

Найдена также бронзовая пластинка в форме стержня с круглыми сквозными отверстиями, имитирующими звенья цепочки. Далее обнаружены фрагменты хума со слабо выраженной горловиной, часть неполовненного чирага-плоски с маленьким носиком и обломки стеклянных сосудов. Этот слой относится к VIII—IX вв. н. э. и является самым древним в раскопе, так как подстилает его лессовый материковый суглинок. Печь же прорезает слои XI—XII вв. и относится к более позднему времени. Помимо стратиграфии, о датировке ее говорят следующие факты: в футировку печи попал использовавшийся вторично декоративный терракотовый кирпичик в форме усеченной призмы, покрытый темно-синей глазурью (кирпичики появляются с XIV в.). Необходимо учитывать и время от изготовления кирпича до его вторичного употребления.

Среди находок возле печи следует отметить медную монету плохой сохранности, чеканенную в 771 г. х. (1369—1370 гг.)²¹. Наряду с комплексом керамики она подтверждает датировку функционирования печи последней третью XIV в. На дне печи и рядом с ней найдены мелкие обломки металлургического шлака цветных металлов, а также серозеленоватые слитки типа свинцово-серебряного глета. Здесь же обнаружены обломки тиглей стаканообразной формы с диаметром донца 6—8 см, сформованных из силикатной массы с обильной примесью белого крупно-зернистого песка. Вероятно, эта небольшая печь принадлежала металлургу-ювелиру, работавшему по цветным металлам. В печи производилась окончательная очистка металла, о чем говорит незначительное количество шлаков и его состав — в шлаках было очень мало легкоплавких побочных примесей. Наличие тиглей свидетельствует о получении чистого металла и его окончательном использовании для производства готовых из-

---

²⁰ М. Е. Массон. Ахангеран, археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, стр. 49; Ю. Ф. Буряков, Д. Зильпер. Археологические наблюдения в 1957 г. на городище Минг-урюк в Ташкенте, Труды САГУ им. Ленина, Археология Средней Азии, V, Ташкент, 1960, стр. 140—141.

²¹ Авторы приносят благодарность М. Е. Массону за прочтение данной монеты.

делий. С печью, вероятно, связана и найденная на ее руинах коллекция бронзовых изделий, которая заслуживает специального анализа. Она включает более 60 изделий: котел, кувшины, мелкие котелки, ложечку, подставки, ажурную крышечку, весы, шары, сфероконические сосуды и др. (рис. 3). Многие предметы украшены чеканным орнаментом, инкрустированы золотом и серебром. На некоторые нанесены имена владельцев²².

В юго-восточной части раскопа расчищена яма диаметром 1,3 м. В ней найдены квадратные жженые кирпичи размером 25×25×5 см и глазурованная керамика. Последняя представлена сосудами типа каса (с высокими стенками и массивным поддоном) и ляганями. Гамма орнамента почти прежняя — бледно-голубой, марганцевый и белый цвета, но чувствуется резкое огрубление. Из мотивов преобладает линейный с чередованием цветов, встречаются завитки, меандровидный и изредка грубоватый растительный орнамент. Верх ямы срезан, поэтому трудно установить уровень, с которого она заполнялась, но судя по керамике, ее можно отнести к XVI в.

Западнее расчищена еще одна небольшая яма диаметром 45 см, заполненная рыхлыми слоями, смешанными с золой и углем. Датирующий материал отсутствует.

Раскоп 2 заложен вдоль восточной стены котлована в 28 м от северного угла. Здесь были расчищены стены монументального помещения, вытянутого с севера на 9 м. Толщина стены 50 см, высота достигает 1,5 м. Кирпич жженный размером 29—30×14×3,5—4 см. На более позднем этапе было пристроено с южной стороны несколько помещений, резко отличающихся от северных. Если кладка основного комплекса выполнена очень тщательно из целого кирпича, то южные комнатки крошечных размеров, их стены сложены небрежно из обломков кирпича и камня. Кирпич двух стандартов — прямоугольный и квадратный, собран случайно. Стены пристроенных комнат стоят на слое небольшого завала. В центре они включают комнатку размером 0,8—1 м с ямой-тазаром. С юга к ней вел узкий ход, вдоль которого

---

²² Предварительная характеристика находок дана в статье Ю. Ф. Бурякова «Коллекция бронзовых художественных изделий XIV—начала XV в. из Самарканда», ОНУ, 1969, № 8—9, стр. 81—86.

располагался хозяйственный чулан (0,9×0,5 м). С востока к ним примыкает помещение неправильной формы. С севера оно имело прямую линию стены, с юго-востока — округлую. В этом помещении найдены железная крица, бронзовое зеркало и керамика. В юго-восточном углу обнаружена прямоугольная подставка с углублением в центре. Определить назначение помещения пока не удалось.

Керамика северного помещения представлена обломками блюд с черной росписью по белому фону. Здесь же найдена медная монета караханидского облика.

В южных помещениях, наряду с сосудами с процарапанным орнаментом под зеленой глазурью, встречен фрагмент чаши с желтыми, коричневыми и зелеными пятнами по желтоватому фону. Последняя нам кажется характерной для первой половины XIII в.

Таким образом, комплекс мог быть возведен в XI—XII вв. После разгрома города татаро-монголами жители строили жилые дома и ремесленные мастерские спешно и небрежно, сооружая мелкие постройки из разноформатного кирпича с широким использованием кирпичных обломков.

Раскоп 3 был посвящен расчистке помещений в северной части котлована в 14 м восточнее раскопа 1. Здесь, на глубине 7,5 м, выявлена стена высотой 1,6 м и толщиной 0,75 м, сложенная из жженого кирпича размером 28×14×3,5 и 30—32×15—16×4 см. В слое близ ее основания найдены фрагменты глазурованной чаши с черно-коричневой росписью по белому фону под бесцветной глазурью и медная монета диаметром 2,5 см. Кирпич аналогичного формата известен на памятниках архитектуры конца X и преимущественно XI в.²³

В 9 м к югу от раскопа 1 очищена стена еще одного помещения. Она сложена из жженого кирпича размером 30×15×4 см и продолжается с северо-запада на юго-восток почти вплоть до канала, выходящего к хаузу. Эти остатки сооружений характеризуют густоту застройки Регистана в XI в.

---

²³ На городище Канка (средневекового Харашкета) в Чаче он встречен с медными монетами начала XI в. См.: К. Абдуллаев., М. Н. Федоров. Клад караханидских дирхемов с городища Канка, ОНУ, 1971, № 10, стр. 71—73.

Раскоп 4 — основной стратиграфический раскоп—заложен вдоль западной стены котлована в 30 м от ее северного края над магистральным каналом площадью 32 м². Опушенный на глубину 10,5 м, он прорезал все культурные наслоения до материка.

Под слоем завала и современными наслоениями на глубине 1 м от поверхности расчищена каменная вымостка второй половины XIX в. Под ней (III — начало IV яруса) вскрыт рыхлый слой с обилием сосудов открытых форм, утяжеленных пропорций, покрытых зеленой поливой с желтыми пятнами. Эта керамика характерна для Шахрисабза и Самарканда конца XVIII — начала XIX в.

В конце IV яруса раскрыто помещение с двумя уровнями полов. От верхнего вниз на всю глубину культурного слоя отходил тазар диаметром 1,5—1,75 м, края которого обложены квадратным жженым кирпичом. В VI ярусе расчищен еще один уровень поверхности без архитектурных остатков, с керамикой, характерной для XVI—XVII вв.

Под подстилающим его культурным слоем обнаружены остатки помещения; стенки его толщиной 60 см сложены из жженого кирпича размером 38×38×4—5 и 40×40×45 см на глиняном растворе. Они сохранились на высоту до 30 см, возведены на цоколе, сложенном со стороны двора из крупных обломков рваного камня и булыжника, а с улицы — из жженого кирпича на специальном кыровом растворе, не боящемся влаги.

Вдоль цоколя снаружи проходил желоб, дно и стенки которого выложены жженым кирпичом. На дне его сохранился слой тонкоотмученной глины, оставленной водой. Несомненно, желоб служил для отвода воды вдоль улицы. Он перекрыт кирпичом, переходящим в вымостку тротуара шириной до 40 см. Уровень улицы, проходившей вдоль помещения, был несколько ниже. Улица вымощена чупанатинским камнем и жженым кирпичом. На одном с ней уровне под описанным желобом расчищен второй, более ранний, таких же размеров, также обложенный с четырех сторон жженым кирпичом. Эта система отвода воды вдоль улиц центральной площади говорит о предпринимавшихся мерах по благоустройству Самарканда.

Керамический материал этого слоя характерен для конца XIV—XV вв.

Под мостовой в XI ярусе расчищен завал мелких обломков жженого кирпича с песком. Интересны экземпляры с декоративной резьбой по лицевой стороне, покрывавшейся зеленовато-голубой поливой. Под завалом начинаются песчаные прослойки, но ниже, в XII ярусе расчищено помещение, стены которого были сложены из квадратного и прямоугольного жженого кирпича. Возле северной стены на полу стоял целый горшок.

Ниже помещения — мощные отложения магистрального канала. Глубина его более 3 м (до начала XIX яруса), максимальная ширина от 5,8 до 6,8 м. Канал прорыт в лесовом суглинке, пропитавшемся водой и получившем болотный цвет. На дне — незначительная прослойка песка с илом, перекрытая тонким слоем отложения керамики. Выше — более мощный песчаный слой, над ним переслаивающиеся уровни крупного бурого песка с массой включений культурно-бытовых отложений. Канал имел тенденцию к непрерывному размыванию правого берега. Этот берег покрывался слоями керамики и кирпича, перекрывавшими начальные линзы отложений канала.

Материал раскопа разнообразен и позволяет определить датировку сооружения и функционирования канала. Хронологически выделяется несколько групп. Самая ранняя включает несколько фрагментов тонкостенных чаш, изготовленных из хорошо отмученной глины; черепок в изломе плотный, красно-коричневый. Венчики чаш имеют Г-образный и Т-образный отгиб наружу, стенки покрыты полосчатым красным лощением (рис. 4). Эта форма сосудов неоднократно встречалась на Афрасиабе²⁴ и его периферии²⁵ в слоях III—II вв. до н. э. К ним примыкают венчики хумов, с утолщенной, прямо поставленной или слегка наклоненной внутрь широкой площадкой. Эта форма хумов была распространена на Афрасиабе с первых веков н. э. Некоторые фрагменты окатаны, часть

²⁴ С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб, «Советская археология», 1969, № 1, стр. 186—187; Г. В. Шишкина. Материалы первых веков до н. э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба, см. сб «Афрасиаб». вып. I. Ташкент, 1969, стр. 230, 231, рис. 3.

²⁵ Ю. Ф. Буряков, М. Тагиев. О кангюекушанских слоях Афрасиаба, (По материалам археологических раскопок 1968 г.), ОНУ, 1968, № 8, стр. 59.

более тяжелых, вероятно, сразу же оседала в песок дна и почти не окатана.

Эти находки позволяют датировать сооружение магистрального канала первыми веками до н. э. А незначительное количество находок говорит о слабой густоте обживания прилегающей площади. Это подтвердили раскопки на близлежащей территории и надзор за расчисткой культурных наслоений по всей площади котлована.

Более значительный материал представлен с середины и начала второй половины I тыс. н. э. Это многочисленные горшочки небольших размеров, изготовленные на гончарном круге медленного вращения со спиралевидными следами от подрезки донца нитью (рис. 5, 10, 14, 16). Диаметр тулова иногда превышает высоту сосуда (рис. 5, 18), горловина вертикальная с легким расширением к устью. Эти сосуды изготавливались двумя способами: маленькие (высотой 4—7 см) вытягивались из одного куска глины, более крупные (высотой 9 см и больше) формовались из двух половин. Крупные сосуды — хумы — имеют утолщенный, отогнутый наружу венчик с диаметром устья от 40 до 50 см, слабо выраженную горловину с крутым переходом к плечикам и тулову (рис. 6, 49—51). Хумча обладает аналогичной формой, но меньшим диаметром (рис. 6, 52).

Широкогорлые кувшины — одноручные; ручка одной стороной прикреплялась к закраине, второй — опускалась на плечико (рис. 5, 35). Кухонная посуда представлена большим количеством экземпляров. Это котлы различных размеров, изготовленные из глины с шамотом, плоскодонные, с плавным расширением полусферического тулова. Их устье образовано клювовидно вверх заостренным пояском (рис. 4, 24). Широко представлены и горшочки средних размеров (рис. 6, 2, 14). Они имеют широкое устье со срезанной закраиной, округлые пропорции тулова, устойчивое донце.

Другой вариант — кувшинообразные горшки вытянутых пропорций с овально утолщенным венчиком, небольшой горловиной с изгибом к плечику; нижняя часть тулова вытянутая (рис. 6, 8).

Следует отметить кружки различных вариантов, включая наиболее поздний — сочетание нижней округлой части тулова с верхней цилиндрической. Наиболее широкая часть подрезана ножом. Ручка петлевидная.

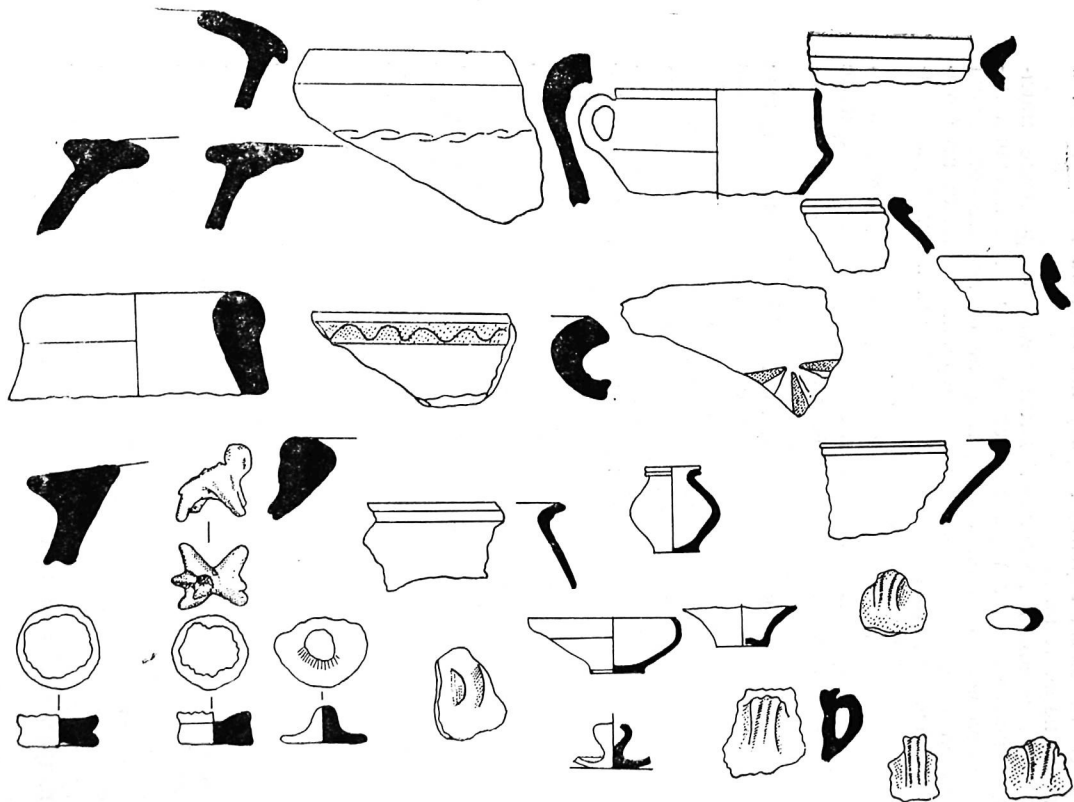

Рис. 4. Керамика из канала.

Светильники представлены грубовылепленными высокими плошками со слегка закрытым устьем и небольшим носиком (рис. 6, 44). Их донце иногда носит спиралевидные следы подрезки нитью. В целом этот комплекс можно датировать V—VIII вв. н. э.

Но наиболее интенсивно заполняется русло в последующие столетия. Магериалы этого времени обнаружены и вдоль берегов, куда они попали при чистке канала. Это керамика и стекло, фрагменты металлических изделий и архитектурные детали, а также отходы ремесленного производства. Наиболее многочисленна керамическая посуда, сформованная целиком на гончарном круге быстрого вращения. Крупные сосуды-хумы и хумча высотой до 90 см имели различную профилировку венчика: и валикообразное утолщение, и подтреугольную в сечении форму с плоской площадкой сверху. Горловина четко выделена, высокая, с резким переходом к яйцевидному тулову, донце плоское, по диаметру часто равное устью. Снаружи — светло-серый ангоб, иногда плечико венчика украшает штампованный орнамент (рис. 6, 41, 43).

Корчаги имели шаровидное тулово, суженную горловину и утолщенный вертикально поставленный или отогнутый наружу профилированный венчик (рис. 6, 42). К ним по форме приближаются горшки, отличающиеся меньшими размерами. Плечики и тулова часто орнаментировались штампованным орнаментом в форме зубчатой гребенки.

Разнообразны формы кувшинов. Это и широкогорлые (с прямо поставленным утолщенным венчиком) одноручные с вертикальной округлой или миндалевидной в сечении, а иногда витой или украшенной налепами ручкой (рис. 6, 34, 56), и узкогорлые с высокой вытянутой профилированной горловиной (рис. 6, 32), иной раз расширяющиеся к устью в подражание стеклянным сосудам. Некоторые кувшины, так же, как и горшки, украшались волнистым или углубленным зубчатым штампованным орнаментом.

В большом количестве представлены сфероконические сосуды — симобкузача различных размеров. Наряду с остродонными встречаются и плоскодонные. Некоторые орнаментировались у горловины или в придонной части штампованными зубцами или знаками, напоминающими надпись (рис. 5, 15, 25, 26). Разнообразны по форме крышечки — плоские, с выгнутой вверх серединой, цилиндрической ручкой в цент-

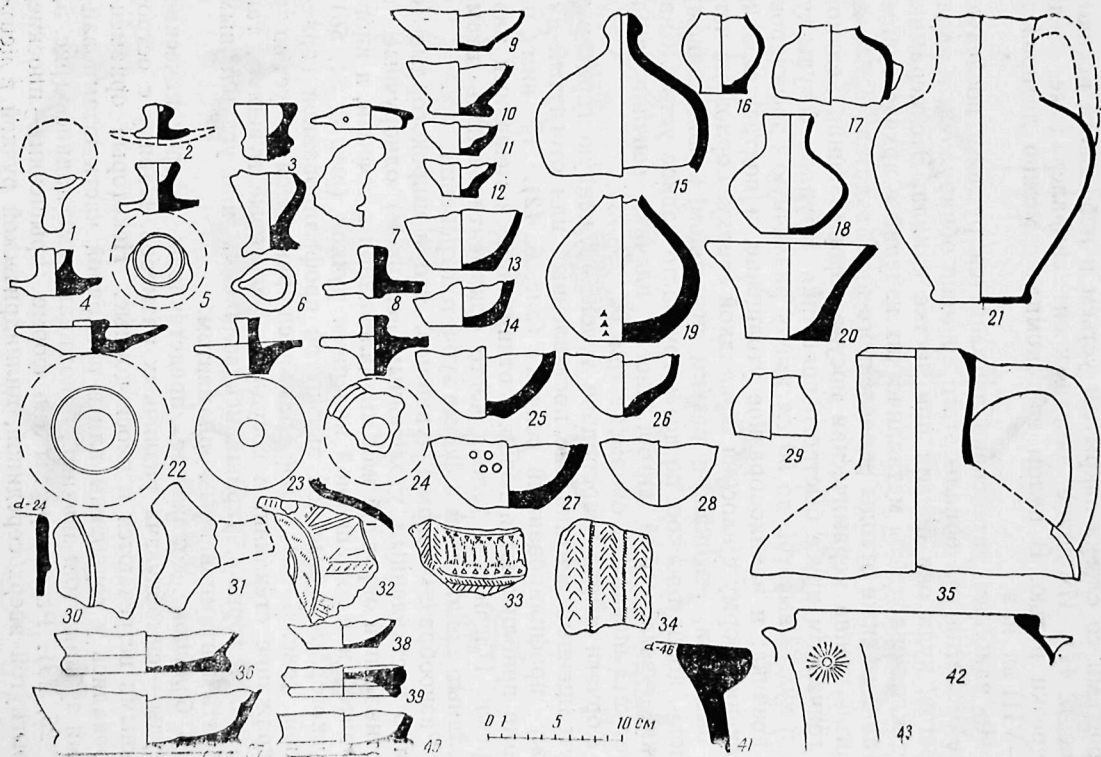

Рис. 5. Керамика из канала.

ре, иногда с утолщенной вершиной (рис. 5, 2, 3, 4). Есть небольшие (диаметром 7—8,5 см) с подлепленной стержневой ручкой в центре. Иногда в крышечке намечается специальный разрез для венчика кувшина (рис. 5, 8, 23, 24). Размеры и формы установившегося стандарта такие же, как у венчиков кувшинов, имевших диаметр устья 6,5—7 см.

Интересны глиняные поделки (рис. 5, 1) в форме шара с прорезью на небольшой ручке. Внутри полого шара имеются шарики (один или два). Это игрушки типа погремушек.

К этому же периоду относится большинство фрагментов тиглей. Изготовлены они из силикатной массы белого цвета, формовались обычно в два слоя, толщина стенок достигала 1,6 см. Форма банкообразная, донце плоское, имеющее диаметр 7—8,5 см, стенки цилиндрические, высота — 12—13 см. Снаружи сосуды сильноошлакованы. Внутри иногда встречаются остатки массы сургучного и зеленоватого цветов. Сургучный цвет могло иметь неочищенное стекло, а иногда и шлаки, содержащие свинец. Зеленоватый цвет остается от медных составов.

Из других керамических поделок следует отметить припасы гончаров — сепоя и штыри. Не совсем ясно назначение поделок плоской формы, одна сторона которых покрыта сплошь ячейками. Их высота 1,6—2 см. Ячейки округлой формы, глубиной и диаметром 0,6—0,7 см. Поделки изготовлены из огнеупорной силикатной массы, что дает возможность предполагать их ремесленное назначение.

В верхнем слое канала обильно представлена глазурованная керамика. Это сосуды закрытых форм, светильники. Сосуды первого типа включают горшки с округлым туловом, плоским дном на кольцевом поддоне. Орнамент полихромный, чаще всего по белому фону желтовато-зеленые разводы. Один сосуд имеет рельефные стенки, покрыт голубой поливой. Несколько фрагментов принадлежат котлам. Они округлой формы с загибом венчика внутрь и горизонтальным срезом краины (рис. 5, 31). Под венчиком — горизонтальная подлепная ручка. С обеих сторон сосуды покрыты голубой глазурью.

Однако основная масса керамики представлена сосудами открытого типа. Это — ляганы, чаши, каса, пиалы. Ляганы имеют диаметр устья от 32 до 40 см, донца установлены на устойчивый кольцевой поддон диаметром 12—15 см, стен-

ки отлого поднимаются вверх. Чаши — полусферической формы или с резким изломом стенки в верхней трети. Диаметр устья — от 22 до 32 см. Их стенки обычно поднимаются выше, чем у ляганов. Каса также на кольцевой ножке. Стенки поднимаются до 8 см, диаметр устья 12—18 см. Встретились небольшие сосудики типа пиалы с округло поднимающимися вверх стенками.

Сосуды открытых форм внутри и по венчику снаружи покрывались различным орнаментом. Ранняя группа (она отличается и некоторой утяжеленностью форм) орнаментировалась преимущественно растекающимися тускловатыми потеками голубоватого и зеленоватого тонов по мутно-белому фону. Эта керамика характерна для IX в., хотя встречается и в начале X в.²⁶

Керамика последующего периода дается нами обобщенно, так как детальное описание подобных форм и эволюция их должны быть предметом специального исследования²⁷. Сосуды украшены полихромным орнаментом, преимущественно с использованием коричневого различных оттенков и черного цветов по белому фону под бесцветной поливой. Основным компонентом его являются надписи — от различных благопожеланий до нечитаемой арабески, — геометрический, растительный, точечный орнамент. Иногда сосуд целиком покрывался коричневым орнаментом, реже надпись исполнялась резервом.

Наряду с ними найдены чаши, покрытые голубой глазурью по охристому красновато-коричневому ангобу. Последний с внешней стороны обычно выступает полосой за границей глазурованной поверхности. Подобные сосуды были найдены в юго-западной части Афрасиаба в квартале керамистов XII — начала XIII в.²⁸

Многообразны по форме и орнаменту также светильники. Самые простейшие представлены плоскими с небольшим смятым носиком и ручкой-петелькой. Эти чираги по-

²⁶ И. А. Сухарев. Указ. соч., стр. 14—15.

²⁷ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда, Ташкент, 1967; Г. В. Шишкина. Древний Самарканд в свете стратиграфических раскопок западных районов Афрасиаба, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1969.

²⁸ В. Д. Жуков. Новые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба (Самарканда), ОНУ, 1961, № 4, стр. 54—57.

крыты зеленой глазурью. Вторая форма более закрытая, с цилиндрическим туловом, длинным носиком и петлеобразной ручкой. Светильники этой формы покрыты белым ангобом с бесцветной глазурью, под ней коричневый подглазурный орнамент. Найдены чираги с граненым туловом и ручкой, завершающейся крупным бантиком, покрытым штампованным орнаментом. Сосуды этой формы изредка покрывались темно-зеленой, чаще коричневой краской. И, наконец, чираги, покрытые голубой глазурью. Они имели большой открытый резервуар, высокую ножку, завершающуюся внизу вторым цилиндрическим резервуаром, и овальную в сечении вертикальную ручку, соединяющую оба резервуара.

В целом светильники, так же как и глазурированные сосуды, датируются IX — началом XII в., причем чираги первой группы характерны для IX в. Светильники с бесцветной поливой по белому и коричневому фону относятся к X и первой половине XI в., а чираги с голубой и темно-зеленой поливой — к XI — началу XIII в.

Помимо керамики были найдены красно-коричневые и зеленоватые куски медного, свинцово-серебряного шлака и неочищенного стекла. Остатки аналогичного шлака сохранились и внутри тиглей. Таким образом, судя по материалу канала, он функционировал с первых веков до н. э. до начала XIII в.

В верхнем слое канала найдена медная монета крупного диаметра (3,7—3,8 мм), характерная для хорезмшахов и ранних чагатаидов, т. е. для начала XIII в. Она характеризует этап конца функционирования и начала заброса канала. Возведение помещения со стенами из жженого кирпича на месте бывшего русла говорит о прекращении функционирования канала и обновлении этой площади, хотя канал впоследствии был прорыт по старому руслу, размывая строения и образуя завал. Затем, вероятно, в XIV в. на месте канала снова вырастают дома, пробиваются улицы. Магистральные сооружения появляются здесь с XIV в., улица выкладывается камнем, благоустраивается, уделяется внимание и водоотводу вдоль магистралей.

Вторая крупная перестройка относится к XVII в., третья вымостка — к XIX в.

Раскоп 5. Второй раскоп данного магистрального канала сделан в 65 м к востоку от раскопа 4. Он представлял собой

разрез шириной 10 м, начатый с глубины 5,5 м и опущенный до материка на глубину 11 м. Канал здесь потревожен более поздними ямами. Тем не менее удалось восстановить его форму и проследить этапы функционирования.

Выяснено, что на разных этапах он имел не одно, а два русла, т. е. наряду с чистой проводилась более радикальная перестройка магистрального сооружения, которое имело естественную тенденцию к подмыву правого берега. Первоначальное русло также проводилось с использованием древнего естественного протока. Ширина канала на данном участке на первом этапе составляла 5,8 м, после расширения — 6,5 м. Проток проходил в материковом лессовом суглинке. Подстилающие его слои буро-зеленоватого цвета, ибо лесс пропитался отложениями канала. Выше — илистые зеленые слои дна канала, над ними — слои серого песка с незначительным включением обломков сосудов. Его перекрывает прослойка буроватого песка, сцементированного с мощным скоплением керамики. Еще выше вновь серая песчаная прослойка, перекрытая скоплением обломков керамических и стеклянных сосудов с бурым песком. Над ним проходит слой обломков и целых экземпляров жженого прямоугольного кирпича размером $32 \times 16 \times 5$, $39 \times 19 \times 6$ —7 см. Затем вновь небольшой слой песка с керамикой и завал разрушенного канала.

Таким образом, по материалам раскопа 5 также выделяется несколько этапов функционирования канала, совпадающих в основном с данными раскопа 4. Два из них характеризуют периоды интенсивной жизни, три — более слабого обживания и запустения.

Нижние слои представлены фрагментами тонкостенной красноощенной посуды типа чаш, кубков и венчиками хумов с уплощенной сверху широкой площадкой. Это керамика Самарканда первых веков до н. э.

Следующий слой дает разновременный комплекс, раннюю группу которого составляют сосуды, изготовленные на гончарном круге слабого вращения с подрезкой плоского донца нитью. В позднюю группу входят неполивные чираги в виде плешек с небольшим носиком без ручек, кружечек с петлевидной ручкой, венчиков хумча с плоской закраиной венчика. В целом сосуды обеих групп относятся к V — началу VIII в.

Над перекрывающей прослойкой зеленого песка — слоя запустения, осело значительное количество керамики, фрагментов стекла, керамических и металлических шлаков. Канал перекрывает слой запустения и мощного завала, дважды прерываемый широким песчаным слоем разлива. Это, видимо, следует связать с периодом монгольского нашествия, сопровождавшимся окончательным разрушением магистрального канала. В XIV и в последующих столетиях над каналом возводятся жилые дома. Удалось проследить лишь уровень XIV в., так как верхние слои срезаны.

Раскоп 6 заложен вдоль западной стены котлована в 9 м к северу от раскопа 4 над вторым руслом крупного канала. Это разрез длиной 10 м и шириной 1 м. Раскопки начаты с XII яруса расчисткой помещения XIII—XIV вв., стены которого сложены из квадратного жженого кирпича размером $23 \times 23 \times 5$ см. В XII ярусе под помещением обнаружена широкая песчаная линза — слои выброса при чистке канала, — а севернее расчищено его русло. Ширина русла почти равна ширине магистрального канала — 5,2 м, а глубина достигает всего 1 м. Заполнение илесто-песчаное с большим количеством находок. Канал имел спокойное медленное течение.

В его верхних слоях найдены фрагменты бытовых и производственных сосудов — хумов, тагора, кувшинов и горшков. Из неполивной посуды интересна находка лепного одноручного кувшина с конически расширяющейся книзу горловиной и устойчивым округлым туловом на широком поддоне. Сосуд украшен с внешней стороны красно-коричневой росписью, образующей полосы, заштрихованные кружки и овальные фигуры. Аналогичные сосуды «псевдо-трипольского типа» были встречены на Афрасиабе еще В. Л. Вяткиным²⁹. Они известны в керамике Ферганы и Шаша XI—XII вв. Несмотря на архаичный облик, эта керамика четко датируется XI—XII вв.³⁰

В качестве другой характерной формы последнего этапа жизни канала следует отметить, найденный в Р—6 фрагмент

²⁹ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, стр. 40.

³⁰ Ю. А. Заднепровский. Средневековая расписная керамика Ферганы, КСИИМК, вып. 120, М., 1969, стр. 44; Ю. Ф. Буряков, Г. Дадабаев. К истории Чиназа (древний Чиначек), ОНУ, Ташкент, 1972. № 9, стр. 46.

полусферического котла, покрытого голубой глазурью. Эта форма была известна еще в XII—начале XIII в. н. э.

Приведенные факты позволяют утверждать, что оба канала, раскрытые в Р—4, Р—5 и Р—6, прекратили свое существование одновременно. Однако второй канал начал функционировать, вероятно, позже, и течение его было более спокойным. В канале и вдоль него обнаружено большое количество обломков жженого кирпича прямоугольной формы размером $40 \times 20 \times 6—7$ и $32 \times 16 \times 4$ см. В северной части раскопа расчищено второе, более древнее русло этого канала. Его дно уходит в XIX ярус, заполнение с обильными болотистыми включениями. Глубина канала—до 2,6 м, ширина—4 м. Таким образом, и этот канал имеет два русла, т. е. на определенном этапе функционирования были произведены ремонт и расширение канала. Керамика из русла не позволяет датировать последние этапы жизни канала позднее чем началом XIII в.

Раскоп перерезан четырьмя ямами. Яма 1 (в южной части канала) попала в него лишь углом. Она заполнена рыхлыми черными слоями с незначительным включением керамики XVII—XVIII вв. Яма 2 (на границе 3—4 кв) имеет диаметр 0,8 м и заполнена зеленоватыми отложениями с включением золы, гипса и керамики, относящейся к XVI в. С севера к ней примыкает яма 3, также заполненная рыхлыми зеленоватыми отложениями с керамикой XVI—XVII вв. Наиболее крупная яма 4 находится в северной части раскопа. В ней найдена керамика XVIII—XIX вв., две медные грубо обрезанные монетки овальной и округлой формы и фарфоровая посуда XIX в. (производство фабрики Кузнецова).

К югу от раскопа 4 в западной стене котлована на глубине от 5 до 5,5 м было расчищено помещение. Стены толщиной 0,8 м сложены из жженого кирпича размером $25 \times 25 \times 5$ см со следами капитального ремонта. На уровне пола найдена глазурованная керамика, сосуды из кашинного теста. У основания стен проходит выкладка из рваного чупантинского камня. Эти материалы подкрепляют мнение о благоустройстве центральной площади Самарканда и примыкающих к ней улиц и застройке их монументальными зданиями из жженого кирпича.

Таким образом, на данном объекте собран разнообразный материал, включающий остатки разновременных архитектур-

ных комплексов, магистральных и местного значения ирригационных сооружений, большое количество бытовых находок и предметов ремесленного назначения, раскрывающих топографию этого района с первых веков до н. э. вплоть до XIX в.

Не менее интересные материалы получены и на объекте № 2, расположенном в 200 м к северу от Шердора. Он представляет собой котлован под здание общественного назначения, прорезавший культурные наслоения мощностью от 7 до 10 м. При снятии верхних слоев в южной части объекта были снесены остатки монументального архитектурного комплекса с упавшими арками небольших сводчатых помещений типа худжры и материалом XVII в. Не исключено, что они представляли собой остатки медресе Сайид Ахмад ходжи, построенного в 1637 г. к югу от медресе Шейбани-хана и значительно пострадавшего и пришедшего в упадок в период смут 20-х годов XVIII в.

К северо-востоку от него расчищена яма XVI—XVII вв. В ее заполнении найдены металлические шлаки коричнево-печеночного цвета, фрагменты тиглей в форме стаканов из огнеупорной массы белого цвета с большой примесью дробленого известняка. Их стенки сильно ошлакованы. Вместе с фрагментами тиглей найден слиток меди весом более 3 кг. Медь с примесью шлака, ноздреватая, неочищенная. Несомненно, это отвалы мастерской медника. Они датируются керамикой, представленной обломками кухонного котла и глазурованных сосудов с геометрическими мотивами голубого орнамента по белому фону. Эта группа керамики характерна для XVI в. н. э. Здесь же найдена медная монета плохой сохранности.

В подъемном материале в различных частях котлована была обнаружена неполированная и глазурованная керамика VII—XII вв. н. э., фрагменты майоликовой и мозаичной облицовки с темно-синей, желтой и зеленой глазурью. Но основной материал получен при стратиграфических раскопках. На данном объекте проведено два раскопа.

Раскоп 1 заложен на пересечении южной и западной стен котлована. Участок интересен тем, что здесь вновь прослеживается русло магистрального канала, проходящего с юго-востока на северо-запад и попадающего в юго-западный угол котлована. Судя по размерам и направлению, это —

продолжение канала, раскрытого в раскопах 4 и 5 объекта № 1³¹.

Раскоп представляет собой врез в южную стену длиной 6 м и в западную — на 8 м, шириной от 2,5 до 4 м, опущенный до материкового лессового суглинка. В нем удалось проследить стратиграфию культурных наслоений от сооружения канала до последних столетий. Культурные слои начинаются с конца V яруса, представленного современными наслоениями и хозяйственной ямой, прорезавшей толщу слоев до канала.

На глубине от 0,5 до 1,5 м от дневной поверхности (конец VI — начало VIII ярусов) раскрыты слои конца XVIII—XIX вв. Здесь на глубине 1 м найдено скопление монет, состоящее из 39 медных грубо обрезанных экземпляров; 21 из них представляет собой карапулы — мелкую разменную монету диаметром 1,2—1,9 см.

В VIII ярусе расчищены остатки уровней полов XVI—XVII вв. с фрагментами керамики, покрытой голубой росписью геометрического орнамента по белому фону. Интересна находка торовидной базы небольшой колонки из мраморовидного известняка диаметром 25—27 см.

В IX ярусе вскрыты помещения второй половины XV в. Постройка, вероятно, была довольно легкой, глинобитной. Сохранился лишь завал смытой кладки и уровень пола, от которого вниз уходила неглубокая яма диаметром 1 м, заполненная на 60 см яичной скорлупой. На полу найдено 42 медных монеты, в основном это местная мелкая разменная монета диаметром от 1 до 1,4 см, 4 кружка оказались экземплярами эмиссии китайских императоров середины XV в.

В 10 м к востоку от раскопа на том же уровне расчищена почти полностью сохранившаяся печь для выпечки

---

³¹ Промежуточный участок его был прослежен у северо-западного минарета медресе Шердор в шурфе 1920 г. М. Е. Массоном, отметившим в его заполнении отвалы гончарного брака — фрагменты не бывших в употреблении глазурованных и неполивных предметов. Они позволили предположить, что в XI—XII вв. здесь располагался квартал ремесленников, изготовлявших стеклянную и глиняную утварь — резные неполивные облицовочные плитки, переносные очажки, детские игрушки. См.: М. Е. М а с с о н. Падающий минарет, стр. 30.

лепешек — тандыр. Он больших размеров, вертикальный, грушевидной формы. Высота тандыра до свода и диаметр в самой широкой части 165 см, топочная площадка присыпана песком, на стенках следы подгоревших лепешек диаметром 12—14 см. Печь таких громадных размеров, несомненно, использовалась для выпечки продукции на продажу. Это подтверждается и обилием медных монет мелкого достоинства на полу.

Рядом с печью расчищена хозяйственная яма. Кроме костей птиц и животных, она была наполнена посудой исключительно открытых форм. Из нее извлечены фрагменты 74 сосудов типа каза. Лишь 4 из них принадлежали парадно украшенным сосудам из кашина с полихромным синим и черным орнаментом по белому фону. Преобладающая же масса — это дешевая поливная посуда с серооливковой глазурью или с зеленой поливкой и процарапанным подглазурным орнаментом. Обилие дешевой битой посуды открытых форм и большого количества костей животных и птиц позволяет предположить здесь наличие заведения типа харчевни, расположенного по соседству с тандыром, где производились выпечка и продажа лепешек. Рядом, вероятно, продавалась нишалда. Это подтверждает более чем полуметровый слой яичной скорлупы. По уровню этот слой связывается с мастерской медника в восточной части котлована, хотя по материалу он несколько предшествует последнему.

Перед нами, безусловно, торгово-ремесленный район площади второй половины XV — начала XVI в., о чем свидетельствует большое количество разменной медной монеты местного распространения, затерянной среди пыльных отложений базара.

В этом же слое под полом был найден клад из 516 медных монетных кружков. Монеты были уложены в матерчатый мешочек, следы которого отпечатались на одном из кружков. Кроме надписей, монетные кружки украшены шестиконечной картушью. Расчистка четырех экземпляров показала их принадлежность чекану Улугбека в Самарканде. Но некоторые из них имеют надчекан, возможно, проставленный после смерти последнего. Таким образом, клад местных монет и отдельные экземпляры ввезенной эмиссии позволяют отнести описываемый комплекс IX яруса к середине — второй половине XV в.

В X—XI ярусах расчищен дворик, часть которого была вымощена обломками кирпича и фрагментами толстостенных сосудов. Там стоял очаг, возле которого найдены кусочки неочищенной меди и изделия из нее, штыри и аморфные слитки, часть бронзового зеркала и 4 обломка медных монет. Здесь проходила обработка меди.

В северной части раскопа вскрыта яма, заполненная фрагментами керамики XV в., найдено также 12 медных монет. Вероятно, это хозяйство ремесленника-медника XV в.

Ниже, в XII—начале XIII ярусов, раскрыты остатки жилого и ремесленного комплекса, включавшего три комнаты, коридор, часть дворика и производственного помещения с кузнечной печью. В этом помещении и дворике найдено 23 железных крицы ладошкообразной формы, керамика, характерная для XIII—начала XIV в., и несколько медных монет. Во дворике вскрыта яма глубиной 1,5 м, на дне ее обнаружен кладок, состоящий из 43 целых и 11 фрагментов медных монетных кружков. К северу от дворика расчищена улочка, вымощенная жженым кирпичом.

С XIV яруса начинается русло канала, стратиграфия которого в общих чертах аналогична руслу, вскрытому в раскопе 4 объекта № 1. Ширина канала достигает 6 м, глубина в различные периоды была неодинакова — максимальная глубина 3,7 м. Канал был заложен несколькими слоями сероватого и бурого песка с галькой и большими включениями культурных отложений в виде керамики, стеклянных и металлических изделий и монет.

Керамическая продукция разновременна, хотя стратиграфически это прослеживается слабо (рис. 6). В нижних слоях были найдены 4 фрагмента венчиков хумов с широкой уплощенной площадкой по верхней части закраины. Сосуды аналогичной формы типичны для Афрасиаба, начиная с первых веков до н. э.³² К этому же времени относятся и фрагменты чаш с Г-образным и Т-образным венчиком, покрытые крас-

---

³² А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, вып. XXXIII, М.—Л., 1960, рис. 69, IV, 7; Г. В. Шишкина. Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1969, стр. 9—10; Она же. Материалы первых веков до н. э. из раскопок северо-запада Афрасиаба, См. сб.: «Афрасиаб», вып. I. Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, стр. 230—234.

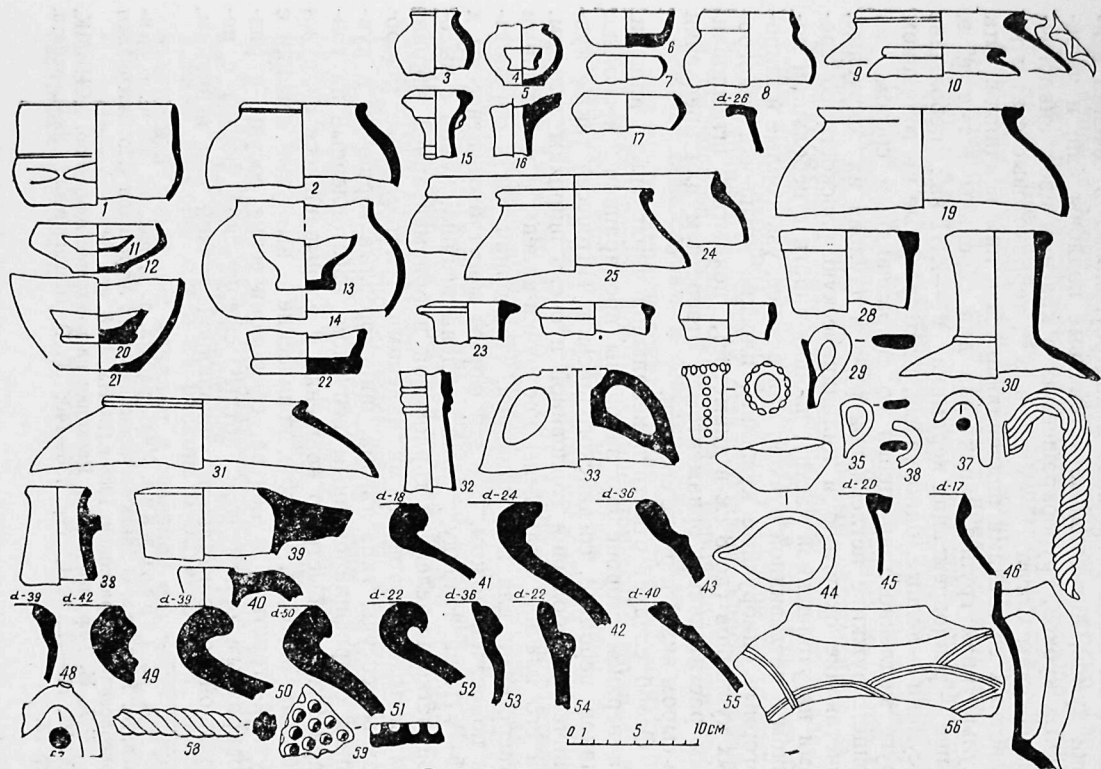

Рис. 6. Керамика из канала.

ным полосчатым лощением³³. Помимо них из нижнего слоя извлечены валикообразные и подтреугольные в сечении венчики хумов, дисковидные устойчивые поддоны чаш и чашевидных кубков, грубоокрашенных в красный цвет, аналогичные сосудам Согда IV—V вв. н. э.³⁴, терракотовые статуэтки животных со следами подлеплявшихся к ним всадников. Эта скульптурная группа характерна для середины I тыс. н. э. Выше — разновременная керамика VI—XIII вв.: небольшие сосудики — лепные, одноручные, изготовленные на гончарном круге медленного вращения со спиралевидным срезом на донце, кружки с петлевидной ручкой (тулова их округлые, сочетающие округлую и цилиндрическую плоскость со срезами на утолщенной части), плоски-чираги с небольшим носиком и петлевидной ручкой, или без нее, узкогорлые и широкогорлые одноручные кувшины, плоские крышечки узкогорлых кувшинов (до 8 см в диаметре), покрытые штампованным растительным орнаментом с отверстием для крепления (в сыром виде) к ручке сосудов.

Особо следует отметить небольшой чираг типа плоски. На верхней стороне его закраины процарапано несколько знаков, вероятно, согдийского письма. Интересен также кувшинчик с небольшой горловиной и очень широким туловом. На его плечике наклеплены две ручки-налепы с небольшими отверстиями для подвешивания. Придонная часть обработана подрезкой ножом. Все эти формы могут быть отнесены к VI—VIII вв. Наряду с ними найдены венчики хумов с высокой четко выделенной горловиной и орнаментацией закраины витыми жгутовидными наклепами, толстостенные тазообразные сосуды типа тагора, широкогорлые горшочки и кувшины с профилированным венчиком, изготовленные на гончарном круге быстрого вращения и покрывавшиеся снаружи светлым ангобом, плоские, конические и выгнутые крышки с ручкой-отростком в центре, сфероконические сосуды с разнообразным орнаментом, котлы сферической формы с большой горизонтальной ушковидной ручкой под венчиком.

³³ А. И. Тереножкин. Указ. работа, т. 3, рис. 69; Ю. Ф. Буряков, М. Тагиев. О кангисе-кушанских слоях Афраснаба (По материалам археологических раскопок, 1968 г.), ОНУ, № 8, стр. 59.

³⁴ А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афраснаб, КСИИМК, XXXVI, М.—Л., 1951, стр. 136—140; Г. В. Шинкина. Указ. работа, стр. 13.

Интересна керамическая поделка типа пенала прямоугольной формы (размер $14,5 \times 4,5 \times 3,5$ см) с пазами для крышки на одной стороне. Внутри два углубления — одно фестончатое четырехлепестковое неглубокое, другое — с заострениями по краям. Боковые стенки и верхний бортик покрыты штампованным орнаментом в виде рельефно выступающих и врезных треугольников. Этот предмет предположительно можно отнести к калямдонам, в которых хранились принадлежности каллиграфов для переписывания и украшения рукописей.

В этом слое в большом количестве найдены обломки тиглей стаканообразной формы, изготовленных из белой силикатной огнеупорной массы. К донным частям двух из них, хорошо сохранившихся до обжига, были наглухо подлеплены сепоя, изготовленные из массы того же состава. Тигли были сильно ошлакованы с обеих сторон. Внутри некоторых из них сохранились остатки стеклообразной красно-коричневой и зеленоватой массы окиси меди. Вероятно, тигли принадлежали стеклодувам и ювелирам-медникам.

Из других керамических поделок следует упомянуть пряслица биконической формы и цилиндрические грузила, изготовлявшиеся преимущественно из стенок сосудов.

Стекланные изделия представлены литыми и дутыми графинами (диаметр дна до 18 см), кувшинами с вертикальной ручкой, украшенной фигурными налестками, кружечками с петлевидной ручкой, бутылкообразными сосудами, флаконами и крышечками для них, небрежно изготовленными рюмками, сосудами для перегонки — аланбиками, сумаками, дисковидными фрагментами, относимыми к оконному стеклу³⁵. Стекло преимущественно зеленоватое или желтоватое и мелкопузырчатое. Некоторые сосуды украшены с помощью выдувания в рельефную форму, а также защипами, фигурными налестками, жгутовидными нитями, резьбой по горячему стеклу.

Канал подстилается буровато-зеленоватыми слоями материкового лесса, пропитавшегося водными отложениями. На данном раскопе, как и на раскопе 5 объекта № 1, выявлен интересный факт: под каналом в северной его части вскрыто русло естественного протока, дно которого опускается в

---

³⁵ Е. А. Давидович. Стекло из Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 390—391.

XXIII ярус (на глубину 11,5 м). Его ширина 2,8 м, он заполнен серым песком без всяких культурных включений. Строение русла в срезе резко отличается от канала. Южная сторона — наклонная, северная, непрерывно подмываемая водой, вертикальная, причем на дне четко читаются слои падения подмываемого берега. Несомненно, этот проток послужил древним ирригаторам путеводной нитью, по которой прокладывался крупный магистральный канал. Однако ирригаторы, спрямляя канал, в данном пункте отступили на 0,5—1 м от естественного русла, и этот факт зафиксирован в раскопе.

Таким образом, раскоп 1 позволил получить стратиграфическую картину наслоений в северной части центральной ремесленно-торговой площади средневекового Самарканда и подтвердить факт прокладки древнего магистрального канала (первые века до н. э.) путем частичного использования естественного протока.

Раскоп 2 заложен в восточной части второго объекта на площади 280 м². Он вытянут восьмиметровой полосой на север и посвящен широкому вскрытию архитектурного комплекса, расположенного на глубине четырех метров от дневной поверхности.

Нами расчищены остатки четырех архитектурно-бытовых комплексов, принадлежащих одному периоду. В южной части они представлены остатками монументального помещения. В раскоп попало здание, стены которого сложены из жженого кирпича размером 26×26×5 см на ганчевом растворе. Толщина стенок 74—76 см (в два с половиной кирпича). Стены расчищены на 8,5 м. В центре каждого фаса выступы-пилоны размером 65×26 и 95×26 см. Внутри помещения найдена глазурованная керамика, 4 медных монетных кружка и обломки майоликовой архитектурной облицовки. Помещение сильно разрушено, судя по перекрывающему его уровню, в первой половине XVI в., а кирпич здания разобран на новое строительство. Его перекрывает слой строительного мусора.

В четырех метрах к северо-западу от канала раскрыта упавшая арка входа второго дома, сложенная из квадратного жженого кирпича; севернее, с востока на запад, протянулась стена толщиной 0,55 м, состоящая из кирпича аналогичного формата; остальные остатки помещения были целиком разобраны. Сохранились лишь углубления от выбранного кирпича.

В 6 м севернее остатков этого сооружения зафиксирован фундамент третьего дома, состоявшего из нескольких комнат. Сохранились фундаменты стен шириной 0,9—1,15 м, выложенные из рваного чупанатинского сланца. В кладке фундамента найдена медная монета караханидского облика.

Объект № 3. В 1970 г. к северо-востоку от объекта № 1 проводилась закладка котлована для здания общественного назначения. Строительные работы включали в себя полную выемку культурных наслоений на площади в 1200 м². Археологические наблюдения позволили проследить культурные наслоения мощностью до 6 м до материка³⁶.

Верхние слои мощностью до двух метров были в значительной степени перемешаны интенсивными перестройками жилых сооружений конца XVIII—середины XX в. Ниже, на глубине до 4 м, и в колодцах, уходящих до 7 м, расчищены наслоения XIV—XVII вв.

Наибольший интерес представляет расчистка плавильных печей ювелиров-металлургов. Печи эти диаметром 40—60 см имели сильно ошлакованные стенки. Найдены также обломки стаканообразных тиглей диаметром 5—11 см с прикипевшими к стенкам зелеными (медными) и сургучно-коричневыми шлаками. Последние могут быть и неочищенным стеклом, и остатками свинцовых глазурей. В бадрабах этого слоя обнаружено большое количество полихромной глазурованной керамики, в которой преобладает голубой растительный орнамент по белому фону. Интересна чаша—нимкоса, изготовленная из силикатной массы и украшенная изображением птицы среди ветвей.

На глубине от 4,5 до 5,5 м (рис. 7) вскрыты четыре сооружения в виде узких длинных ящиков-лотков, сложенных из жженого кирпича, в основном квадратного (размер 21×21×3 см), реже прямоугольного (30×16×4 см), уложенного плашмя. Длина лотков 192—195 см, ширина 60—63 см, высота 40—45 см. Сверху они перекрыты крупным жженым кирпичом (42×20×9 см). Лотки ориентированы с востока на запад. Внутри двух сооружений расчищены костяки погребений, втиснутых в узкие цисты. Погребенные лежали на спине, головой на запад. Около одного из них найден небольшой конический железный наконечник с истлевшей деревян-

³⁶ Наблюдения проводились Ю. Ф. Буряковым и А. Ибрагимовым.

ной втулкой. По сообщениям рабочих, в одном погребении были найдены металлические бляшки типа несторианских крестов. Остальные ящики содержали черный тлен.

На уровне описанных ящиков, к северу от них, расчищен пол помещения, стены которого полностью разобраны. Пол украшали майоликовые плитки, сложенные в форме несторианского креста.

Обнаруженный материал позволяет предположить, что вскрыты остатки погребальных сооружений и храма христи-

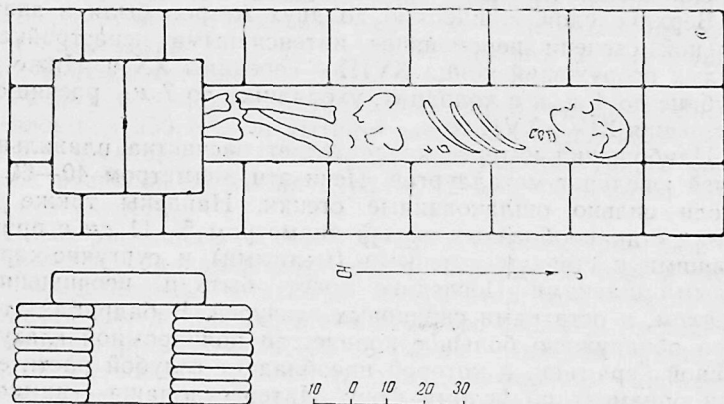

Рис. 7. План и разрез погребального сооружения.

ан несторианского толка. Об их жизни в средневековом Согде сообщают многие восточные авторы (в Самарканде христиане — торсаён, жили в квартале Чакардиза, южная часть которого вскрывалась на объекте № 3).

К востоку от описанного комплекса вскрыты остатки средневекового канала, проходившего с юга на север. Судя по илистым отложениям, его течение было медленным, спокойным, а пропускная способность невелика. Западный берег канала обложен рваным чупанатинским сланцем, верхний слой которого одновременно являлся и тротуаром. Восточный борт был обложен жженым кирпичом формата $28 \times 15 \times$

×4 см, 30×16×4 см, 32×16×4 см, сложенным чередующимися рядами на ребро и плашмя. Совершенно очевидно, что перед нами отвод магистрального канала, обводивший крупный пригородный квартал Чакардиза. Не исключено, что южный его отрожек зафиксирован Я. Г. Гулямовым в районе мавзолея Биби-ханым. Заполнение его представлено неполливной и глазурированной керамикой IX—начала XIII в., фрагментами стекла. Вдоль берегов канала сохранились отвалы его периодической чистки, содержащие аналогичный материал. В северо-восточной части объекта расчищены остатки хауза, питавшегося водой из этого канала.

Таким образом, материала древнее IX в. в данном пункте не было. Основные материалы относятся к XV—XVII вв. и связаны с ремесленным, отчасти гончарным производством, но главным образом ювелирным и, возможно, стеклодувным.

Объект № 4. Осенью 1971 г. раскопки на Регистане продолжались в связи с необходимостью укрепления архитектурного памятника Чорсу, расположенного к северу от Шердора. Памятник имел восьмигранную форму и был возведен в XVIII в. как торговый центр. Само название его, вероятно, происходит от слова «чорсук» — четыре базара, так как здесь сливались рынки четырех сторон города.

Раскоп 1 охватил снаружи северо-западную часть цоколя Чорсу и продолжается вниз тремя шурфами, опущенными на глубину от 2 до 7 м. В верхнем слое до 50 см под современными наслоениями расчищен плотный уровень дороги из галечника и песка и площади конца XIX в. с обилием грубой керамической посуды и фаянсовых изделий фабрики Кузнецова.

Со II яруса начинаются наслоения, связанные с функционированием Чорсу. Они сопровождаются фрагментами керамики XVIII в., мелкими медными рублеными монетами и обилием глазурированных архитектурных облицовочных плиток. Мотивы декора: по голубому фону растительно-геометрический орнамент в виде зеленых стилизованных листьев и ромбики, окантованные красной полосой, иногда с позолотой.

Характерные формы керамики этого слоя — массивные кувшины, чираги голубой поливы с рифленным куполом резервуара, каза на массивном кольцевом поддоне, орнаментиро-

ванные голубым, фиолетово-коричневым растительно-геометрическим орнаментом по белому фону или черным по голубому. Орнамент: растительный — цветы, побеги, листья; геометрический — зубчатые линии, ромбы, треугольники; зооморфный — птицы (он расположен центрически и поясами).

На глубине 0,8—1 м проходит слой битого кирпича и ганча, связанный со строительством Чорсу, а ниже (под фундаментом), прослежена дорога, вымощенная чупанатинским сланцем. На уровне 1,6 м вскрыт еще один настил дороги, не совпадающий с верхним. Вдоль нее расчищена стена сооружения, сложенная из жженого кирпича. На уровне 1,6 м прослежена еще одна каменная выстилка дороги, направление которой также не совпадает с верхней. Под настилем вымостка из обломков керамики и костей живогных мощностью от 40 до 80 см. Вдоль дороги вскрыта стена помещения, сложенная из жженого кирпича размером 25—27×25—27×4 и 22×22×4 см.

Ниже, на глубине 3,3 и 3,7 м, также вскрыты фрагменты сооружений из кирпича аналогичного стандарта. По керамическому материалу они относятся ко времени правления Улугбека. Под одним из помещений на глубине 4 м найден клад из 17 медных монет, чеканенных в начале XIV в. Ке-пеком.

Наслоения XIII—XIV вв. (без архитектурных остатков) опускаются до глубины 5—5,5 м. Под ними раскрыты остатки помещения из кирпича размером 38×18×6 см, шлаки, керамика. Последняя представлена глазурованными чашами, светильниками на высоких ножках, покрытых голубой поливой.

На уровне 6,8 м расчищена система водоотвода в керамических трубах — кубурах. В стенах водопоглощающей ямы на уровне 7,5 м прослежены наслоения с материалом XI—XII вв. Ниже данного уровня раскопки не проводились.

Одной из важнейших проблем являлось определение направления магистрального канала Регистана, выявленного на объекте № 1, под северо-западным минаретом Шердора и на объекте № 2. Если на объекте № 1 канал имел в основном западное направление с уклоном на север (10—20°), то на объекте № 2 наметился более северный уклон (но все же канал имел западное направление). Поэтому мы обратили особое внимание на этот участок города.

Объект № 5. В поисках направлений канала было проведено наблюдение за коммунальными работами к западу и северо-западу от Регистана по древней улице Дагбитская. Работы сопровождались закладкой траншеи глубиной до 5 м и длиной до 500 м, позволившей проследить наслоения вдоль улицы от Регистана на северо-запад до выхода за пределы средневекового города через Пойкабагские ворота.

На южном участке улицы между Регистаном и цитаделью Тимура в разрезе зафиксированы два уровня поверхности улицы и площади. Нижняя вымощена рваным камнем, верхняя — мелкой галечниковой засыпкой. Они относятся к концу XVIII и второй половине XIX в. Ниже расчищено несколько хозяйственных ям и остатки разрушенных сооружений из жженого кирпича с керамическим материалом XV в., бадрабы X—XII вв. и отдельные фрагменты керамики VIII—IX вв.

К северо-востоку от цитадели перерезаны два русла арыков. Ширина южного составляет 1,2 м, северного — 1,85 м, глубина первого 0,8—0,9 м, второго — 2,05 м. Они проходят с юго-востока на северо-запад под углом 245°. Оба арыка заполнены бурыми и серыми песчаными отложениями с включением культурных остатков, а сверху покрыты голубоватыми прослойками песка и ила. В заполнении обнаружен разнообразный материал, преимущественно керамика. Неполные сосуды включают мелкие горшочки со спиралевидной подрезкой донца, кружечку с округлой нижней и цилиндрической верхней частью, плоски-чираги, котел с небольшой площадкой по венчику для крышки, стенку красноватого сосуда с гофрированной поверхностью. Первые формы керамики характерны для V—VI вв., кружки, чираги, и котел — для VII—VIII вв. н. э.

Глазурованная посуда представлена фрагментами чаш с расплывающейся зеленовато-голубой поливой по сероватому фону, зеленоватыми и коричневыми пятнами и завитками по белому фону и фону цвета слоновой кости, иногда с кракле, тарелками с коричневым растительным орнаментом по бортику. Это и отдельные цветочки, и сплошные покрытые поверхности сосуда. Большим количеством экземпляров представлены сосуды с голубой глазурью: светильники на высокой ножке, ляганы со сплошным или полосчатым голубым покрытием и более сложные мотивы с включением элементов декора других цветов (коричневатого, марганцевого).

Глазурованная керамика охватывает период с IX до начала XIII в. Интересны фрагменты стеклянных графинов и флаконов, крышечка флакона, керамический пестик.

Таким образом, каналы функционировали с V—VI до начала XIII в. Размеры их различны. Однако ни один из них ни по размерам, ни по времени функционирования не является продолжением магистрального канала. Значит магистральный канал, снабжавший водой шахристан Самарканда, следует искать вдоль ул. Кошхауз. Южный его отрезок, выходявший на высокую плотину, поднятую для переброски воды в город над базарами рабада и рвом шахристана, был зафиксирован в 1947 г. близ старогородского рынка при прокладке новой дороги на Ташкент. Здесь были расчищены устои плотины из жженого кирпича крупного формата.

Из других интересных объектов, находящихся на территории площади, следует отметить могилу, расположенную к северо-востоку от объекта № 3 по ул. Вабкентской, приписываемую факиху Абуль Лейсу³⁷ — владельцу и мударрису медресе, в котором жил и учился А. Навои в годы пребывания в Самарканде (с 1466 г.). Здесь собраны фрагменты декоративной облицовки нескольких разновременных памятников, кайраки, детали резной неполивной и глазурованной терракоты.

Наиболее ранние элементы относятся к XI—XII вв. и, судя по стилю исполнения, принадлежат одному комплексу. Они представлены фрагментами резной неполивной терракоты с глубоко врезанной плетенкой гирихов, побегими ислими, узорами типа сложных узлов счастья, деталей крупной надписи. Широко используется сочетание элементов неполивной и поливной терракот с гармоничной гаммой голубой глазури и красно-коричневой фактуры терракоты. Встречены крупные кирпичи с нарезкой бантиков и мелких плиток. Среди деталей интересна выкружка входного портала. Здесь же при ремонте хауза была извлечена мраморная плита, от которой сохранилось два фрагмента. Толщина плиты 2 см. Вероятно, это часть саганы раннего типа, когда надгробие не вытесывали сплошь мраморным, а вставляли обкладку из тонких мраморных плит. Подтверждением этому являются пазы для

---

³⁷ Могилу осматривалась М. Е. Массоном, отметившим материалы XII—XIV вв. и считавшего, что здесь мог быть обычный мавзолей.

крепления, обнаруженные в двух местах. Плита состоит из чередующихся гладких и орнаментированных неглубоким растительным орнаментом полей. Фрагмент плиты с растительным орнаментом (бутоны цветов) несколько большей толщины (до 5 см) найден на могиле Абуль Лейса. Ей аналогичны декоративные детали XIV в. из ансамбля близ Шахи-Зинда³⁸.

И, наконец, самую позднюю группу составляют майоликовые и мозаичные плиты с полихромной росписью белого, голубого, темно-синего и марганцевого цветов. Подобная гамма, судя по Шахи-Зинда, характерна для XV в.

Проведенные в 1969—1971 гг. раскопки и археологический надзор на площади Регистан и прилегающей к ней территории, дают новый материал для освещения истории крупного района древнего Самарканда. Определенный интерес представляет открытие русла, заполненного чистым серым песком мелкой структуры, принадлежащим естественному протоку, протекавшему задолго до становления городской жизни.

Не исключено, что с данным протоком связаны и находки каменных орудий верхнепалеолитического облика. Они, по-видимому, имеют прямое отношение к стоянке верхнего палеолита на Комсомольском озере³⁹, находкам на ул. Дагбитской⁴⁰, на пересечении ул. Овражной и Республиканской⁴¹ и, наконец, на левом берегу Сиабча⁴². Их следует увязать с песчаными линзами в лессе, являющимися, вероятно, водными отложениями древнего прорусла. Небольшой проток мог проходить и через Регистан, отложив слои чистого песка.

Более значительным был материал, относящийся к первым векам до н. э., — периоду, совпадающему с расцветом

---

³⁸ Н. Б. Немцева. История сложения комплекса Шахи-Зинда (По археологическим данным), Материалы по истории Узбекистана, вып. II, Ташкент, 1969.

³⁹ Д. Н. Лев. Самаркандская палеолитическая стоянка (Предварительное сообщение), ИМКУ, вып. 6, Ташкент, 1965, стр. 22—29.

⁴⁰ Г. В. Григорьев. Дневник начальника археологической экспедиции Самаркандского областного музея, ИИМК АН СССР, 1940, Архив Республиканского музея истории, культуры и искусства УзССР, д. 576.

⁴¹ Он же. Находка мустьерского остроконечника в г. Самарканде. КСИИМК, вып. VIII, М.—Л., 1940, стр. 89—90.

⁴² Орудия обнаружены аспирантом Афрасиабской экспедиции Института археологии АН УзССР У. Алимовым в 1969 г. Изучение стоянки проводится Н. Х. Ташкенбаевым.

античного Самарканда. Судя по исторической обстановке, именно к этому времени следует отнести создание в русле одного из естественных протоков Зарафшана крупного искусственного ирригационного сооружения античной эпохи — канала Даргом, орошавшего оазис, на базе которого был проведен магистральный канал в город. Канвой для него также могло послужить русло естественного протока, следы спрямления которого прослежены нами в раскопах.

Как и все каналы античного времени, отвод Даргома был широким, но недостаточно глубоким и строился путем возведения дамбы по берегам. В самом русле и возле канала найдены обломки крупных сосудов (хумов) и мелких — бытовой и парадной посуды с красным, иногда полосчатым лощением, характерным для Афрасиаба первых веков до н. э. Возможно, к этому периоду относится и погребение, расчищенное на объекте № 2.

Как установлено, магистральный канал подходил к городу с юго-запада через район мечети Хазрети Хызр⁴³, откуда расходился тремя протоками, зафиксированными по микро-рельефу⁴⁴ и археологически. Два русла датируются исследователями III—II вв. до н. э.⁴⁵

Функционирование Даргома в античную пору в какой-то мере подтверждено упоминанием его в географическом атласе Клавдия Птолемея. Атлас составлен в середине II в. н. э., но для него использованы более ранние материалы, например, карта Марина Тирского. Среди восточных рек здесь упомянут Даргоман, в верховьях которого обозначена Мараканда. Правда, у Птолемея эта река изображена проходящей с юга — из Бактрии и впадающей в Оксус. Однако, как удалось доказать Х. Гумбаху и его ученику И. Ронке, мы имеем дело с зеркальным отражением начертания на карте позиции, которая была к северо-востоку от Оксуса. Автор должен был поместить Зарафшан текущим из Согдианы к Оксусу.

⁴³ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г. командированного русским комитетом проф. В. В. Бартольда, Соч., т. IV, М., 1966, стр. 131.

⁴⁴ В. Л. Вяткин. Афроснаб — городище былого Самарканда, стр. 13—14.

⁴⁵ Н. Б. Немцева. Стратиграфия южной окраины городища Афраснаб, вып. I, Ташкент, 1969, стр. 166—170; Г. В. Шишкина. Материалы первых веков до н. э. из раскопок на северо-западе Афраснаба. «Афраснаб», вып. I, стр. 227.

В это же время существовал и Даргом, упомянутый в географии Птолемея⁴⁶. Предположение о птолемеевом Даргомане, как отраженном начертании Зарафшана на юг от Оксуса, объясняет, почему так скудны сведения Птолемея о Согде — часть данных о Согде перенесена в Бактрию, причем интересно, что местоположение Мараканды не было даже исправлено по данным историков Александра Македонского⁴⁷.

Итак, канал нанесен на карту II в. н. э. как функционирующий. Несомненно, проведен он был не для редких поселений, разбросанных по его берегам, а для самого города. Исследование Афрасиаба показало, что расцвет города падает на первые века до н. э. Именно в это время и был проведен канал. Это подтверждается и археологическими материалами как в канале и по его берегам, так и в его отводах внутри города. Следует отметить, что канал перестал функционировать в начале XIII в. Тогда же прекращается жизнь на Афрасиабе. Эти взаимосвязанные процессы происходят в то время, когда территория Регистана, по которой протекал арык, продолжает густо обживаться, а на месте самого канала появляются жилые дома. Следовательно, для обводнения Регистана и прилегающей к нему территории служил другой канал. Это тем более обосновано, что в первые века до н. э., когда проводился магистральный канал, изучаемая площадь была обжита довольно редко, хотя, возможно, входила в состав площадей нижнего города, обведенного, по описанию Курция Руфа, стеной длиной в 70 стадий. Ее остатками является, по мнению М. Е. Массона, Девори — Кундалянк в районе с. Лялязар в южной части Самарканда⁴⁸. Материалы первых веков н. э. на исследуемой территории пока не выявлены.

Следующие находки на площади относятся к началу второй половины I тыс. н. э., знаменуя период нового обживания округа феодального Самарканда. Аналогичные материалы найдены к северо-западу от Регистана (на месте нынешней школы № 6). Не исключено, что к этому времени отно-

---

⁴⁶ Хельмут Гумбах. (H. Gumbach). Птоломей и Центральная Азия в кушанскую эпоху (Тезисы к совещанию по кушанской проблеме). Душанбе, 1968 (машинопись), стр. 4—5.

⁴⁷ Там же, стр. 5.

⁴⁸ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, ВДИ, М., 1950, № 4, стр. 158.

сится и проведение на запад отмеченных выше отводов от магистрального канала. Эти факты свидетельствуют о том, что в VI—VII вв. н. э. в связи с развитием феодального Самарканда вокруг города начинают закладываться пригороды. Возможно, уже в это время складывается ремесленное, гончарное и металлургическое производство.

Более интенсивное освоение территории начинается с VIII в. Не исключено, что толчком к этому явилось выселение арабами коренных жителей Самарканда из мадины, где находился арабский гарнизон.

Для этого периода характерны встреченные нами бытовые предметы из керамики, стекла, металла, а также бракованная продукция, свидетельствующая об оседании здесь ремесленников. Однако широкое обживание территории произошло в IX—X вв. Ровные удобные площади, орошенные многочисленными мелкими отводами от магистрального канала с отстойниками для очистки воды и хаузами, часть которых попала в раскопки, огромное количество керамических и стеклянных изделий, находки монет в канале и близ него, большое количество шлаков и бракованной продукции — все это говорит о том, что южный рабад Самарканда являлся крупным ремесленным пригородом. Не случаен его расцвет в то время, когда жизнь в рабадах с других сторон шахристана то бурно развивалась, то замирала⁴⁹. В сообщениях авторов X в. в основном упоминается южный рабад Самарканда, как наиболее крупный. Ибн Хаукаль, например, описывая самаркандский рабад, отмечает, что северной границей для него являлась «река Согда»⁵⁰.

В этом рабаде широко развивается гончарное ремесло, обработка железа и цветных металлов. В канале и по его берегам найдена стеклянная бракованная продукция, шлаки красно-печеночного цвета, которые являлись принадлежностью как металлургов, так и стеклодувов, тигли из огнеупорной глины белого или серого цвета с большой примесью крупного белого песка-отошителя. Тигли имели стаканооб-

⁴⁹ Это относится, в частности, к северо-восточному и северному рабаду. Жизнь в первом районе начинает замирать еще в IX в., во втором — с конца X — начала XI в.

⁵⁰ Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касима-ибн-Хаукаля, Труды САГУ, им. В. И. Ленина, Археология Средней Азии, вып. IV, Ташкент, 1957, стр. 15.

разную форму, зачастую они были ошлакованы с обеих сторон. Шлаки черно-зеленоватые со следами меди и красно-красно-печеночного цвета. Обилие тиглей свидетельствует о том, что они и сами явились продуктом специального производства ремесленников, использовавших для этого высокотемпературные печи. Интересна находка тиглей с прикипевшими к ним высокими (до 1,5 см) сепоя. О том, что это не брак, а специально обжигаемые тигли на подставках, говорит их использование — и тигель, и подставка покрыты несколькими слоями шлаков.

В рабаде вырастают и большие базары, ряды которых, вероятно, тянулись вдоль канала от описываемой площади к шахристану. Ибн Хаукаль, говоря о канале Джуиарзиз, отмечает, что «он проходит через рынки и кварталы менял», а затем, переходя в свинцовый желоб на плотине, проходит в местности «голова свода» (вероятно, центральный торговый купол), находящейся в середине городских базаров—населеннейшей части Самарканда⁵¹.

О концентрации базаров в связи с ростом Самарканда как торгового центра Мавераннахра еще в первой половине X в. сообщает Истахри⁵².

В саманидский период на описываемой территории селились не только ремесленники и торговцы. Вдоль канала и его отводов строятся монументальные здания из жженого кирпича, широко распространившегося в Самарканде. Плодородие почв и близость воды способствовали разрастанию города как на юго-восток вдоль канала, так и на юго-запад вдоль его отводов, появлению здесь усадеб с садами. Процесс обживания площади к югу от Афрасиаба особенно интенсивно проходит в XI—XII вв. Густой застройкой покрывается вся территория вплоть до Термезского тракта. Эта площадь по размерам превосходит территорию прежнего шахристана. Обнесенная специальной стеной, она превращается в самостоятельный городской организм и носит название шахрибун — внешний город.

Осада города монголами весной 1220 г., завершившаяся разгромом, нанесла большой ущерб шахрибуну, который, вероятно, и не сопротивлялся. Как известно, татаро-монголы

---

⁵¹ Е. К. Бетгер. Указ. работа, стр. 15.

⁵² Истахри, ВУА, V, 1, р. 316—317.

разрушили водопровод, подававший воду в город. Видимо, нарушилось и регулирование канала, изменилось его русло, хотя вода неоднократно прорывалась в старое русло, заливая уже появляющиеся на этом месте дома. Разрушению подверглись многие здания из жженого кирпича, а частичный ремонт некоторых из них проводился спешно и небрежно. К этому времени относится мощный слой запустения. Положение городов Мавераннахра в XIII в. было неустойчивым. Непрерывные столкновения, сопровождающиеся ограблением городов, проходили между соперничающими дворами чагатаидов, управлявших в Средней Азии, и хулагуидов (Иран). Местное население страдало и от произвола правителей чагатаидского дома. Так, известен факт о чагатаидском правителе Боракхане, который для компенсации своих потерь после поражения в междоусобной борьбе с Хайду, приказал самаркандцам освободить город и отдать его на разграбление войску. От этого шага его удержали просьбы старейшин города⁵³ и большая подать, выплаченная ремесленниками.

Постепенная застройка площади и прилегающих территорий в конце XIII — начале XIV в. сопровождается перепланировкой. В XIV в. Регистан становится крупным общественным и торгово-ремесленным центром Самарканда, складывающегося на месте бывшего шахрибуна. Это было закреплено обведением города (1371—1372 гг.) оборонительной стеной, прошедшей в основном по фундаменту старой стены внешнего города XI—XII вв., которая лежала в развалинах после 1220 г.⁵⁴

Во второй половине XIV в. происходит не только густая застройка, но и благоустройство центральной площади и прилегающих улиц. Они вымощиваются каменной выстилкой, а монументальные жилые и общественные комплексы строятся из жженого кирпича квадратной формы, причем их фундаменты возводятся на специальном водоустойчивом растворе. Вдоль улиц прокладывается система скрытого водоотвода. В хозяйственных ямах этого времени зафиксирована пре-

---

⁵³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинение, т. I, М., 1963, стр. 581—582.

⁵⁴ Попытка обвести Самарканд крепостной стеной была сделана еще в начале второй половины XIV в. сыном Казагана Абдуллою. Однако это вызвало заговор эмиров, и он был убит. См. Историю таджикского народа, т. 2, кн. I, М., 1964, стр. 304.

красная глазурованная керамическая и каменная посуда, в том числе выполненная техникой грандери, сосуды из фарфора и селадона — принадлежность обихода феодальной знати.

Но Самарканд конца XIV—XV вв. — это не только столица крупного феодального государства. Он становится и торгово-ремесленным центром Востока, где работают мастера из многих стран. Не случайно значительная территория, прилегающая к площади, была занята ремесленными мастерскими. Здесь зафиксированы небольшие плавильные печи по очистке цветных металлов и кузнечные горны по обработке кричного железа, с сырьем, шлаками и частично готовой продукцией. Рядом располагались мастерские медников и ювелиров, где была обнаружена коллекция бронзовых изделий, преимущественно сосудов, инкрустированных золотом и серебром и украшенных тонким чеканным орнаментом. Тигли с непрозрачной цветной массой внутри, вероятно, принадлежали стеклодувам, однако они могли использоваться и для варки фритты гончарами. Большое количество монет, найденных в этих слоях, говорит о товарности производства.

Следует отметить и обилие мелкой медной монеты внутреннего употребления. Наряду с лавками и мастерскими на площади и возле нее имелись многочисленные харчевни, лотки для продажи лепешек, пирожков, сладостей типа нишалда, вскрытые к северу от Тиллякори. Около них также найдена мелкая разменная монета, включая клад из более чем четырех десятков медных монет. Большое количество пекарен и харчевен отмечает и Захириддин Мухаммад Бабур, рассказывая о благоустройстве Самарканда и специализации его базаров⁵⁵. Следует, однако, подчеркнуть, что рядом с вымощенными участками площади — вероятно, перед крупными зданиями и богатыми домами — находились запущенные участки, покрытые зеленовато-голубым болотистым слоем.

Слой следующего периода изучены менее полно. Как известно, в начале XVI в. в северной части описываемой площади строится медресе Мухаммед Султана. При Кучкунчи-хане возобновляются и восстанавливаются многие культурные сооружения⁵⁶. Обживание площади продолжается и в

⁵⁵ Бабурнамэ, Ташкент, 1955, стр. 62.

⁵⁶ Л. Н. Болдырев, Зайнабдин Васифи, Сталинабад, 1957, стр. 103.

XVI—XVII вв. В это время в северной и восточной частях Регистана создаются торгово-ремесленные кварталы. К югу от медресе Шейбани-хана в XVII в. возводится медресе Сейид Ахмад Ходжи (1634 г.). Строительство монументальных сооружений в центре площади — медресе Тилля-кори и Шердора — приводит к довольно мощному нарастанию культурного слоя за счет строительного мусора и выведения в некоторых местах новой каменной выстилки площади и улиц.

Упадок централизованной власти и усиление феодальных войн в XVII в. приводят к ухудшению экономического положения города. Особенно интенсивно этот процесс происходит в начале XVIII в. Злоупотребления наместников вызывают восстания горожан. Междоусобицы сопровождаются появлением кочевых племен, которые, приходя со своими стадами, губили пашни, сады и огороды, грабили народ и уводили в плен местных жителей⁵⁷. Это вызвало разорение, голод и запустение города, разрушение монументальных сооружений на Регистане. В 20—40-х годах власть бухарских ханов ослабла. Самарканд фактически отделился от ханства⁵⁸ и установил связь с Кокандом.

В 1740 г. Самарканд захватили иранские войска, возглавляемые Лутфи Алиханом, пришедшим на помощь новому бухарскому хану Хаким-бию. В 1745 г. Надир-шах направил в качестве командующего Туркестаном Бехбуд-хана, который оставался в Шахрисабзе и Самарканде до 1747 г. По сообщению Абу Тахир ходжи, после ухода иранцев в 1748 г. в Самарканде восстанавливается порядок. Подавив восстание горцев, Рахим-хан приказал поставить плотину на Даргоме. Город вновь стал обеспечиваться водой⁵⁹. Здесь стали размещаться пришельцы из других мест. В 70-х годах в Самарканде было организовано 24 новых гузара, получивших названия от местности, в которой ранее жили переселенцы. Так, Регистан обрастает гузарами: Бухарским, Вабкентским, Шахрисабзским, Гиждуванским и др.

---

⁵⁷ В. Л. Вяткин. Раджаб-хан, «Туркестанские ведомости», Ташкент, № 2164 (35), 1 мая 1903 г.

⁵⁸ О. Д. Чехович. О некоторых вопросах истории Средней Азии XVII—XIX вв., «Вопросы истории», 1956, № 3, стр. 80.

⁵⁹ Абу Тохир Ходжа. Самария (перевод В. Л. Вяткина), Справочная книжка Самаркандской области за 1898 г., вып. VI, Самарканд, 1899.

Археологические раскопки показывают, что такое расселение привело на первых порах к рассредоточению ремесел. Если в предшествующие периоды расселение в городе проводилось преимущественно по ремесленному признаку, то в связи с новым заселением Самарканда в конце XVIII в. ремесла рассредоточились. Например, гончарные печи конца XVIII—начала XIX в. мы встречаем и в восточной части Регистана (самарканди). Вблизи них, но обособленно, — шахрисабзские; в северо-западной части города — хавастские. Аналогичная картина выявилась с кузнечными и медными мастерскими. Но с середины XIX в. ремесла вновь начинают концентрироваться в оживленных общественных центрах и на базарах, в частности, в районе базаров, расположенных от соборной мечети до Регистана.

В конце XVIII в. были восстановлены крепостные стены. Они прошли, вероятно, по стене тимуридского хисара. Ее остатки сохранились до настоящего времени на юго-востоке близ комплекса Шахи-Зинда, на востоке вдоль ул. Гиждуванская. На юге она, вероятно, шла возле ул. Андижанской, затем переходила к Термезскому тракту. Северный отрезок стены проходил по лессовым всхолмлениям близ Афрасиаба. На северо-западе она смыкалась у канала Новадан, проходившего частично внутри города, а также в районе Пойкабагских ворот, выходившего за его пределы.

Дальнейшие наблюдения, проводимые Афрасиабской экспедицией за территорией средневекового Самарканда, позволят уточнить как направление разновременных крепостных стен, так и характер городской застройки внутри них.

При раскопках 1967 г. в западной части городища Афрасиаб¹ обнаружены остатки общественного здания², относящегося к концу IX—X в. Наряду с многочисленным керамическим материалом здесь найдено несколько стеклянных сосудов и их фрагментов.

Комплекс стеклянных сосудов был следующим: стеклянная чернильница на алебастровой подставке. Она найдена в слое, датируемом монетами и керамическими изделиями IX—X вв. (рис. 1, 4). Чернильница представляет собой небольшую цилиндрическую баночку диаметром 4,3 см и высотой 4 см с прямыми стенками и вогнутым дном³. Внутри нее сохранились остатки высохших чернил. Подставка имеет вид пятигранной плитки с гнездом для чернильницы. Длина каждой ее стороны 6 см, высота 4 см. Боковые стенки подставки украшены геометрическим орнаментом. Аналогичные чернильницы встречались на Афрасиабе и раньше.

Еще В. Л. Вяткич отмечал, что стеклянные чернильницы имели форму стаканчиков и вставлялись для устойчивости в гипсовые подставки. Иногда подставочка делалась больше размером и в нее вставлялось до пяти стаканчиков. Возможно, что в стаканчики наливались чернила разного цвета.

¹ Раскоп под шифром 25/1.

² Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг., Афрасиаб, вып. I, Ташкент, 1969, стр. 273.

³ Пять чернильниц аналогичной формы найдены в 1968 г. при раскопках квартала керамистов XI в. в центральной части Афрасиаба.

Сама подставка, отлитая из гипса, с гнездами для чернильниц, почти всегда была орнаментирована и украшена колонками по углам, а между ними — завитушками, а иногда и арабскими письменами. Из имен мастеров-стеклоделов в надписях на посуде до нас дошло имя Ахмеда сына Исмаила⁴.

Наличие спаренных стаканчиков на одной подставке можно объяснить тем, что в средние века книги обычно оформля-

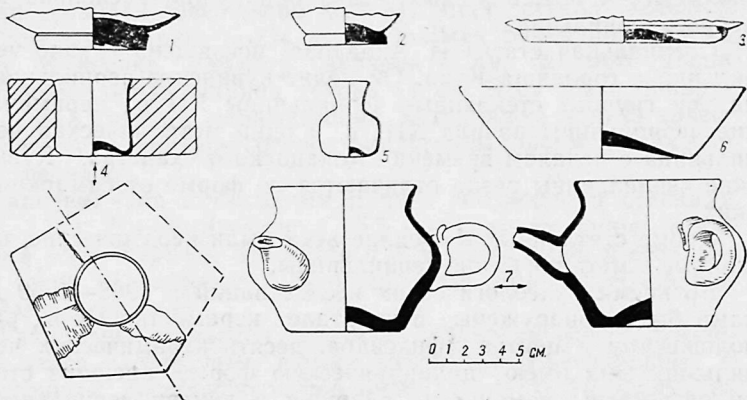

Рис. 1. Разрез стеклянных сосудов.

лись и переписывались разноцветными чернилами. Аналогичная чернильница была найдена на Афрасиабе А. И. Тереножкиным⁵.

Датировку нашей чернильницы (первая половина X в.) подтверждает находка А. И. Тереножкина в помещении, четко датированном помимо керамических находок тремя медными монетами Исмаила ибн Ахмеда саманида (самаркандского чекана, 894—896 гг.) и несколькими саманидскими монетами худшей сохранности.

⁴ В. Л. Вяткин. Афрасиаб—городище бывшего Самарканда, стр. 62.

⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 166, рис. 72, 3; Он же. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда, ВДИ, 1947, № 4, стр. 134—135.

Точно такие же чернильницы, найденные на Афрасиабе (несколько экземпляров), хранятся в фондах Эрмитажа. Они были предметом исследования Б. Я. Ставиского⁶.

В экспозициях Самаркандского музея истории искусств и культуры Узбекистана экспонируется несколько одинарных и спаренных чернильниц, аналогичных нашим находкам.

М. Д. Джуракулов в 1968 г. в западной части Афрасиаба (в слоях IX—X вв.) в жилых домах обнаружил несколько подобных чернильниц.

Специальная статья И. Ахрарова⁷ посвящена группе чернильниц с городища Кува. Он делит кувинские чернильницы на три группы: стеклянные чернильницы XII в., керамические чернильницы начала XIII в. и одна металлическая чернильница с пеналом времени Кокандского ханства. Кувинские чернильницы резко отличаются по форме от самаркандских.

Кроме стеклянных в средние века были керамические, каменные и металлические чернильницы.

Во время археологических исследований в 1968—1969 гг. нами были обнаружены в квартале керамистов X в., расположенном в центре Афрасиаба, десять керамических чернильниц. Они имеют цилиндрическую форму, внешние стенки оформлены ромбиками, снаружи и внутри чернильницы покрыты зеленой поливой. Они датируются X в.

Идентичная керамическая чернильница была найдена Ш. С. Ташходжаевым⁸. Г. А. Пугаченкова опубликовала керамическую чернильницу из Новой Нисы (Южная Туркмения)⁹. Она имеет невысокую горловину, выпуклое тулово, маленький кольцевой поддон и кобальтовую роспись.

Большой интерес представляют довольно массивные бронзовые чернильницы XI—XII вв. из Наманганского краевед-

---

⁶ Б. Я. Ставиский. Самаркандские чернильные приборы IX—X вв. в собрании Эрмитажа, СА, 1960, № 1, стр. 278, рис. 1.

⁷ И. Ахраров. Средневековые чернильницы с городища Кува, ОНУ, 1962, № 1, стр. 60.

⁸ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX—начала XIII в., Ташкент, 1967, стр. 37, (прилож. рис. 1, е).

⁹ Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв., ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 405, рис. 3.

ческого музея и Музея истории народов Узбекистана им. Айбека¹⁰.

Металлические чернильницы найдены во время археологических работ на городище Кува¹¹.

Приведенные примеры позволяют говорить о том, что в Средней Азии IX—X вв. была достаточно широко распространена грамотность среди населения.

Стекланный сосуд-поильник. Имеет шарообразное тулово, по форме напоминает современный чайник. Сохранность хорошая (найден совершенно целым), цвет стекла зеленый, имеется носик (рис. 1, 7); петлеобразная ручка подлеплена сбоку от носика. Диаметр венчика 8 см, диаметр донца 7 см, наибольшая ширина тулова 11 см. Этот сосуд обнаружен в яме вместе с керамическим материалом X в. В археологической литературе сосудов аналогичных форм до сих пор не встречалось.

Тарелка. Она с высокими и чуть скошенными стенками (рис. 1, 6). Диаметр венчика 16,5 см, диаметр донца 10 см, высота 4 см. Тарелка относится к X в. Аналогичный стеклянный сосуд из собрания Самаркандского музея опубликован М. Амиджановой¹².

Флакончики. Найдено несколько флаконов синего и зеленого цвета с округлым, иногда гофрированным туловом и выделенным дисковидным поддоном (рис. 1, 5). Один из флаконов имеет размеры: высота 4,5 см, диаметр горла 2 см, ширина тулова 3,5 см. Такая же форма и у стеклянного сосуда из собрания Самаркандского музея, датируемого концом VIII—IX вв.¹³

Тарелка. Она очень низкая и плоская (рис. 1, 3). Диаметр венчика 13 см, диаметр донца 9 см, высота 2 см. Аналогии имеются во многих памятниках Средней Азии. Эта фор-

---

¹⁰ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 163, рис. 195—197.

¹¹ И. Ахраров. Средневековые чернильницы с городища Кува, ОНУ, 1962, № 1, стр. 60.

¹² М. Амиджанова. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда, ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1963, стр. 93, рис. 1, 18.

¹³ Там же, рис. 1, 3.

ма сосуда указана в классификации средневековых стеклянных изделий Средней Азии и датируется IX—X вв.¹⁴

Алембик. Это сосуд типа чашки с длинным носиком. По сообщению ар-Рази, им широко пользовались алхимики IX—X вв. Алембик служил насадкой при улавливании паров ртути. Диаметр его резервуара 5 см, длина носика 3 см. Алембик подобной формы был найден в 1968 г. Ю. Ф. Буряковым¹⁵ на раскопе 31/XIII и датирован IX в. Наш сосудик также следует отнести к IX—X вв.

Стекланный графин. Он своеобразной формы, горло цилиндрическое, венчик прямой, туловище похоже на виноградную гроздь. Высота сосуда 15 см, ширина тулова 8 см, датируется X в.

Заметный сдвиг в стекольном производстве произошел во второй половине VIII в.¹⁶, когда изделия из стекла стали почти столь же обычными для самаркандцев, как и глиняная посуда. Наибольшее распространение получили в это время сосуды дурых форм с рельефным узором — широкие и низкие кружки, стаканы, рюмки на высокой ножке, различные бутылочки и флакончики. В X в. господствует тонкая, дурая посуда (бутылки, графины, вазы, тарелочки, высокие рюмочки, стаканчики).

Стекланные изделия наиболее часто встречаются при археологических раскопках. Это говорит о том, что стеклоделние широко использовалось в повседневной жизни людей. Анализируя стекланные изделия, мы убеждаемся в достаточно высокой технике этого вида производства.

Названные находки дополнили коллекции стекланных предметов, имеющиеся в музеях республики. Дальнейшее изучение письменных приборов, сделанных из разных материалов, и стекланных сосудов обогатит наши сведения о распространении грамотности, об уровне культуры и о степени развития стеклодельного ремесла в Средней Азии того периода.

---

¹⁴ А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов, Ю. А. Заднепровский. Стеклоделние Средней Азии в древности и средневековье, Ташкент, 1963, стр. 109, рис. 11, 7.

¹⁵ Я. Г. Гулямов, Ю. Ф. Буряков. Об археологических исследованиях на городище Афраснаб в 1967—1968 гг., в сб. «Афраснаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 278.

¹⁶ А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 167.

В 1965 г. во время надзора за строительством дороги¹ в районе центрального раскопа на городище Афрасиаб была обнаружена стеклянная гиря (рис. 1). Рядом с местом находки гири расположилось несколько керамических хумданов, раскопанных Ш. Ташходжаевым и относимых им к XI—XII вв.² Было встречено также большое количество фрагментов керамики, среди которых преобладают глазурованные изделия, хорошо известные на Афрасиабе XI—XII вв.³

Найденная стеклянная гиря весит 313,8 г. Она имеет цилиндрическую форму, ее высота 8 см, диаметр 5,04 см. Стекло зеленого цвета с множеством мелких пузырьков, что характерно вообще для средневековых стеклянных изделий.

Поверхность гири гладкая, без следов ирризации. Лабораторный анализ показал, что гиря изготовлена методом литья в специальной, заранее подготовленной форме. Поверхность цилиндра также гладкая, а оба основания шероховатые.

---

¹ Весной 1965 г. было начато строительство дороги через городище Афрасиаб с северо-востока на юго-запад. Строительство не было согласовано ни с органами охраны памятников, ни с Институтом истории и археологии; См.: В. А. Шишкин. Кал'аи Афрасиаб, в сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, стр. 145.

² Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX—начала XIII в., Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1967, стр. 4—6.

³ Там же, стр. 103.

Обнаруженная нами гирия в литературе точных аналогий не имеет. Вообще находки стеклянных гирий на территории Средней Азии — явление довольно редкое в археологической практике. В Эрмитаже находятся две стеклянные гирии, найденные также на Афрасиабе и датированные IX—X вв.⁴ Способ их изготовления аналогичен нашей гирии, однако они имеют четырехугольную форму.

Рис. 1. Стеклянная гирия XI—XII вв. из Афрасиаба.

Что касается датировки найденной нами гирии, то, исходя из археологического материала, сопровождавшего находку, а также основываясь на наличии хумданов XI—XII вв. в этом районе, ее можно отнести к XI—XII вв. По всей вероятности, гирия принадлежала одному из мастеров-керамистов и являлась необходимым предметом в его производственной практике.

Мы подвергли стеклянную гирию химическому и спектральному исследованию. Поскольку до сих пор стеклянные гирии не подвергались подобному исследованию, считаем необходимым остановиться поподробнее на результатах проведенных анализов. Ниже приводим химические и спектроскопические анализы средневековых стекол Средней Азии, %:

⁴ Одна из них экспонируется, а другая хранится в фонде, инв. СА, № 2361.

Оксиды	Стекла — Средние значения гири из Афрасиаба XI—XII вв. (XI—XII вв.)		Дно сосуда из Узгена (XI—XII вв.)	Стекла — Шлак трубка из Андижана XI—XII вв. (X—XII вв.)	
	Средние значения гири из Афрасиаба XI—XII вв. (XI—XII вв.)	Средние значения гири из Афрасиаба XI—XII вв. (XI—XII вв.)		Стекла из Андижана XI—XII вв. (X—XII вв.)	Шлак трубка из Андижана XI—XII вв. (X—XII вв.)
SiO ₂	58,32	62,28	68,48	56,70	56,30
Al ₂ O ₃	10,18	2,85	6,90	9,02	11,66
Fe ₂ O ₃	1,19	0,90	0,92	2,18	1,47
TiO ₂	0,19	0,09	0,20	0,20	0,15
CaO	3,84	8,18	4,57	5,80	6,30
MgO	4,95	4,22	3,26	7,68	7,60
SO ₃	0,02	0,43	Нет	0,01	0,01
Mn ₂ O ₃	0,05	0,30	1,50	Неопр.	Следы
K ₂ O	4,49	4,53	3,02	2,12	1,91
Na ₂ O	16,98	15,33	19,08	14,72	12,96
п. п. п.	—	0,73	1,71	1,82	1,94
	100,21	—	99,64	100,25	100,32
Ni	0,001	—	Спектроскопическому исследованию не подвергнуты		
Cu	0,001	—			
V	0,001	—			
Rb	0,001	—			
Ba	0,001	—			
Sz*	0,001	—			

* Р, Au, Ag, Zn, As, Bi, Sb, N, Sn спектральным анализом не обнаружены.

Как видно из приведенных данных, шесть компонентов (SiO₂, Al₂O₃, CaO, MgO, K₂O и Na₂O) составляют основную массу вещества гири из Афрасиаба и занимают в нем по весу 98,76%. Остальные элементы присутствуют в малых количествах. Следовательно, исходя из стеклообразующей основы данного изделия, его можно отнести к химическому типу — Na₂O·K₂O·CaO·MgO·Al₂O₃·SiO₂ (NaKCaMgAlSiO), к которому относится преобладающая часть исследованных средневековых стекол Средней Азии домонгольского периода. Кроме главных и второстепенных окислов спектроскопическим анализом установлено наличие таких микроэлементов, как никель (Ni), медь (Cu), ванадий (V), барий (Ba), стронций (Sr) и свинец (Pb), которые, за исключением последнего, найдены во всех изученных образцах стекол Средней Азии VIII—XIII вв. Свинец отсутствует лишь в стеклах Новой

Нисы, в отдельных образцах из Афрасиаба и памятников Бухарского оазиса и Ферганы⁵.

В таблице приводятся также средние значения компонентов в ранее изученных стеклах из Афрасиаба. Установлено, что состав гири значительно отличается от других стекол, найденных там же. Особенно это относится к содержанию глинозема (Al_2O_3) и окиси кальция (CaO). Если в первом глинозема — 10,8%, а окиси кальция — 3,84%, то в последних процент Al_2O_3 значительно меньший (2,85%), а CaO — в несколько раз больше (8,18%).

Обращает на себя внимание еще одна особенность состава гири: в исследованных средневековых стеклах Средней Азии содержание окиси кальция превышает процент окиси магния ($\frac{\text{CaO}}{\text{MgO}} > 1$), тогда как в анализируемом образце CaO меньше MgO (т. е. $\frac{\text{CaO}}{\text{MgO}} < 1$). Стекла с подобным соотношением CaO и MgO в Средней Азии встречаются очень редко. Их нет и среди ранее изученных афрасиабских изделий⁶.

Результаты анализа отдельных стекол, сходных по химическому составу, приведены выше.

Исследования показали, что состав гири по многим компонентам ближе к узгенскому и андижанским стеклам, чем к афрасиабским. Однако на основании такого сходства нельзя еще говорить о единстве места изготовления этих стекол, так как накопленный экспериментальный материал пока еще весьма незначителен.

На основании приведенных данных сделаем вывод о том, что исследуемый образец гири из Афрасиаба по своему химическому составу аналогичен отдельным стеклам Ферганы. Он относится к тому же химическому типу, что и большинство средневековых стекол Средней Азии, а именно — NaKCaMgAlSiO . Присутствие специфических для Средней Азии микроэлементов, в частности бария и стронция, указывает на местное происхождение данного стекла⁷.

⁵ А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов. Средневековые стекла Средней Азии, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1966, стр. 101—102.

⁶ А. А. Абдуразаков, М. А. Безбородов. Указ. соч., стр. 55—57, 78—79.

⁷ А. А. Абдуразаков. Химико-технологическое исследование средневековых стекол Средней Азии, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1964, стр. 3—18.

Вопрос изучения гирь и весов Средней Азии остается пока еще слабо разработанным. Мы располагаем лишь скудными данными о гирях и весах более позднего времени⁸. Поэтому сбор и публикация гирь, обнаруженных при археологических раскопках, представляет определенный научный интерес, поскольку известно, что они служили не только эталоном в торговле, но и являлись основой для денежной системы страны.

Афрасиабская гиря была сопоставлена с мерами веса, приведенными в трудах Ал-Бируни⁹. Интересен тот факт, что вес нашей гири не совпадает ни с одним названием меры веса по Бируни. Это позволяет считать, что меры веса уже к XII в. претерпели значительные изменения. Вообще следует отметить, что гири в различные периоды изменяли не только вес, но и форму.

---

⁸ А. Мухамеджанов. Что такое ботмон, что такое мискал, «Фан ва турмуш», № 8, 1960, стр. 27.

⁹ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия), М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 490.

Список сокращений

- ВДИ — Вестник древней истории
ДАН Таджикской ССР — Доклады АН Таджикской ССР
Зап. УОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИУзФАН СССР — Известия Узбекского филиала Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
СА — Советская археология
САГУ — Среднеазиатский Государственный университет
ТИИА — Труды Института истории и археологии Академии наук УзССР
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Эрмитажа
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
УзФАН — Узбекский филиал Академии наук СССР
ЭВ — Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Ф. Буряков, Ш. С. Ташходжаев. Археологические исследования на городище Афрасиаб в 1970—1972 гг.	3
С. К. Кабанов. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб	16
М. И. Филанович. К истории сложения городских укреплений Афрасиаба	85
М. Садиев. Археологические наблюдения на территории строительства здания Музея истории основания Самарканда	95
Л. Г. Брусенко. Остатки монументального здания I в. н. э. на Афрасиабе	103
М. К. Пачос. Находки оссуарных захоронений на Афрасиабе в 1967 году	110
Г. В. Шишкина. Городской квартал VIII—XI вв. на северо-западе Афрасиаба	117
О. В. Обельченко. Курганы в окрестностях Самарканда	157
Э. Ю. Бурякова, Ю. Ф. Буряков. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам площади Регистан в 1969—1971 гг.)	174
Ш. Шарахимов. Новые стеклянные сосуды с Афрасиаба	224
И. Ахраров, А. Абдуразаков. Стеклянная гиря XI—XII вв. из Афрасиаба	229

Афрасиаб

Выпуск II

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии, Отделением истории, языкознания и литературоведения

Редактор С. А. Беликова
Художник В. Ф. Ворохов
Технический редактор Х. У. Карабаева
Корректор Т. В. Сагановская

P08405. Сдано в набор 25/V-1973 г. Подписано к печати 9/VII-1973 г.
Формат 60×84^{1/16}. Бумага тип. № 1. Бум. л. 7,375. Печ. л. 14,75. Уч.-изд. л. 13,5.
Изд № 317. Тираж 2500. Цена 1 р. 64 к. Заказ 131.

Типография издательства „Фан“ УзССР, г. Ташкент, ул. Черданцева, 21.
Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

